

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE UNIVERSITY
BULLETIN

MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER – OCTOBER

This journal is a publication
prepared by the Philological Faculty
Editorial Board.

There are six issues a year

MOSCOW UNIVERSITY PRESS • 2017

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 года

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит

один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2017

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – д. ф. н. проф. **М.Л.Ремнёва**
Зам. главного редактора по лингвистике – д. ф. н. проф. **И.М.Кобозева**
Зам. главного редактора по литературоведению – д. ф. н. проф. **В.М.Толмачев**
Отв. секретарь по лингвистике – д. ф. н. проф. **С.В.Князев**
Отв. секретарь по литературоведению – д. ф. н. проф. **Г.В.Зыкова**
Оргсекретарь / выпускающий редактор – науч. сотр. **Е.Г.Домогацкая**

Члены редколлегии:

д.ф.н. проф. **О.В.Александрова**, к.ф.н. ст. преп. **А.Е.Беликов**,
д.ф.н. проф. **Т.Д.Венедиктова**, д.ф.н. проф. **Д.П.Ивинский**,
д.ф.н. проф. **А.И.Изотов**, д.ф.н. проф. **С.И.Кормилов**,
д.ф.н. проф. **Н.Т.Пахсарьян**, д.ф.н. проф. **Е.В.Петрухина**,
д.ф.н. проф. **С.Г.Татовосов**, д.ф.н. ст. науч. сотр. **О.Е.Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

проф. **М.Бёмиг** (Италия), проф. **Я.Вавжиньчик** (Польша),
д.ф.н. проф. **А.А.Гугнин** (Беларусь), д.ф.н. **В.З.Демьянков** (Россия, ИЯ РАН),
д.ф.н. проф. **В.И.Заботкина** (Россия, РГГУ),
д.ф.н. проф. **О.Ю.Инькова-Манзотти** (Швейцария),
проф. **Т.Йованович** (Сербия), проф. **Дж. Корнблатт-Дёйч** (США),
проф. **Б.Мирчевская-Бошева** (Македония), проф. **А.Мустайоки** (Финляндия),
д. ф. н. проф. **Д.О.Немец-Игнашева** (США), акад., проф. **Ж.Нива** (Франция),
проф. **А.Орландо Кавальере** (Бразилия),
д.ф.н. проф. **В.В.Полонский** (Россия, ИМЛИ РАН),
проф. **Дж. Робертс** (Великобритания), доц. **М. Ухлик** (Словения),
д. ф. н. проф. **Саранцацрал Цэрэнчимэдийн** (Монголия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Воропаев В.А.</i> Н.В.Гоголь и святоотеческое наследие	9
<i>Кузьмина Е.А.</i> Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справы второй половины XVII в.	21
<i>Каверина В.В., Ван Сяоси.</i> Становление норм употребления двойных со- гласных в отглагольных образованиях в русском литературном язы- ке XVII–XIX вв.	47
<i>Сунь Шуфан, Сунь Минжуй.</i> О метафорических моделях компьютерных тер- минов	65
<i>Ермолович Д.И.</i> Последовательный перевод: кризис гуманитарности	79

ШКОЛА ВЕРЫ АРСЕНЬЕВНЫ БЕЛОШАПКОВОЙ (К 100-летию со дня рождения В.А.Белошапковой)

<i>От редакции</i>	104
<i>Резина О.Г.</i> Ее называли <i>Профессор</i>	107
<i>Шмелева Т.В.</i> Союзцентризм и его преодоление в концепции сложного предложения В.А.Белошапковой	114
<i>Грекова О.К.</i> Логический ракурс синтаксиса РКИ.	123

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

<i>Борисенко А.Л.</i> Буквализм в художественном переводе: ошибка, экспери- мент, метод?	132
<i>Карпец В.В.</i> Переводная множественность: заимствования или случай- ные совпадения переводческих решений (на примере переводов «Madame Bovary» на русский язык).	143
<i>Богинская А.П.</i> «Качественное обеднение»/ «обогащение» в художествен- ном переводе (на примере французских переводов романа А.С.Пуш- кина «Евгений Онегин»)	154

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Гулуева Х.А., Школьников О.Ю.</i> Прижизненные издания Пьера де Ронса- ра в свете спора о французской орфографии	165
<i>Дудников К.Э.</i> Интент-анализ, коммуникативные стратегии и тактики, теория речевых актов: сравнительный анализ современных подхо- дов к изучению интенциональности	176
<i>Дорофеева С.В.</i> Дислексия и проблема Платона – Хомского.	189
<i>Сайкина Н.В.</i> Материалы к ранней биографии кн. З.А.Волконской	197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Кукушкина О.В.* Кретов А.А., Воевудская О.М., Меркулова И.А., Титов В.Т. Единство Европы по данным лексики. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 10 с. 224
- Кормилов С.И.* Таврическая мифология Пушкина: Литературно-исторические очерки. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. 304 с. 235
- Федотов О.И.* Ефимова С. «Судьба не потерпит измены»: Поэзия Константина Васильева. М.: Совпадение, 2016. 328 с. 242
- Кихней Л.Г.* Гавриков В.А. Циклизация и контекстность в поэзии Владимира Высоцкого: Монография. Брянск: Брянский центр научно-технической информации, 2016. 108 с. 250
- Зимина Н.Ю.* О прозе. О поэзии. О Славе: Сб. науч. статей / Отв. ред. В.И.Охотникова. Псков: Псковский государственный университет, 2015. 178 с. 256
- Тыртова Г.П.* Путиами сербского языка, литературы и культуры 261

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Швец А., Аникудимова Е.* XX Фулбрайтовская гуманитарная летняя школа «Личное повествование как живая история». 267

ПАМЯТИ...

- Елена Федоровна Васеко 270

CONTENTS

ARTICLES

- Voropaev V.A.* N.V.Gogol and the Patristic Tradition 9
- Kuzminova E.A.* The Grammar of 1648 as the Regulator of Biblical Book Correction in the Second Half of the 17th century 21
- Kaverina V.V., Wang Xiao Xi.* Standardizing of the Use of Double Consonants in Verbal Formations in the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries. 47
- Sun Shufang, Sun Mingrui.* On Metaphorical Models of Computer Terminology . . 65
- Yermolovich D.E.* Consecutive Interpreting: A Crisis Of Humanitarianism 79

SCIENTIFIC SCHOOL OF VERA ARSENYEVNA BELOSHAPKOVA (TOWARDS THE 100TH ANNIVERSARY OF V.A.BELOSHAPKOVA'S BIRTH)

- Editorial Preface 104
- Revzina O.G.* She Was Called *Professor* 107
- Shmeleva T.V.* “Conjunction Centrism” and Overcoming It in V.A.Beloshapko-
va's Concept of Complex Sentences 114
- Grekova O.K.* The Logical Basis of the RFF Syntax. 123

ACTUAL PROBLEMS OF LITERARY TRANSLATION

- Borisenko A.L.* Literalism in Literary Translation: an Error, an Experiment, the
Method? 132
- Karapets V.V.* Translation Multiplicity: Borrowing or Accidental Coincidence
of Translation Solutions (on the Example of Russian Translations of “Ma-
dame Bovary”) 143
- Boginskaya A.P.* “Qualitative impoverishment” in Translation (on the Material
of French Translations of A.S. Pushkin's novel “Eugene Onegin”) 154

COMMUNICATIONS AND MATERIALS

- Guluyeva H., Shkolnikova O.Yu.* The 16th Century Editions of Pierre de Ronsard
in the Light of Scientific Debate about French Orthography 165
- Dudnikov K.E.* Intent Analysis, Communicative Strategies and Tactics, Theory
of Speech Acts: a Comparative Analysis of Modern Approaches to the
Study of Intentionality 176
- Dorofeeva S.V.* Dyslexia and the Problem of Plato – Chomsky 189
- Saykina N.A.* Materials for the Early Biography of the Princess Z.A. Volkon-
skaya 197

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Kukushkina O.V.* KretoV A.A., Voevudskaya O.M, Merkulova I.A., Titov V.T. Uni-ty of Europe According to the Lexicon. Voronezh: VSU Publishing House, 2016. 412 p. 224
- Kormilov S.I.* Taurian Mythology of Pushkin: Literary and Historical Essays. Velikiy Novgorod; Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr LLC, 2015. 304 p. . . . 235
- Fedotov O.I.* "Destiny won't tolerate treason": Poetry of Konstantin Vasilyev. M.: Coincidence, 2016. 328 p. 242
- Kikhney L.G.* Gavrikov V.A. Cyclization and Context in the Poetry of Vladimir Vysotsky: Monograph. Bryansk: Bryansk Center for Scientific and Techni-cal Information, 2016. 108 p.. 250
- Zimina N.Yu.* About prose. About poetry. About Slava: Collection of scientific articles / Ed. by V.I. Okhotnikova. Pskov: Pskov State University, 2015. 178 p. 256
- Tyrtova G.P.* On the Ways of Serbian Language, Literature and Culture. 261

SCHOLARLY LIFE

- Shvets A.V., Anikudimova E.N.* The 20th Fulbright Summer School for Human-ities "Personal Narration as a Living Story" 267

IN MEMORIAM...

- Elena Fyodorovna Vaseko 270

СТАТЬИ

В.А.Воропаев

Н.В.ГОГОЛЬ И СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)¹

В статье ставится вопрос о святоотеческой традиции в жизни и творчестве Н.В.Гоголя. Освещены факты знакомства писателя с такими классическими памятниками святоотеческой письменности, как «Лествица» преп. Иоанна Синайского, «Добротолюбие», книга преп. Исаака Сирина и др. Черновая работа Гоголя, включающая в себя выписки разного рода, в том числе из творений святых отцов и богослужебных книг, отчасти приоткрывает тайну его творчества, помогает понять сокровенный смысл его произведений.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мирозерцание, святоотеческое наследие, выписки из творений святых отцов и богослужебных книг, православная аскетика, воцерковление творчества.

The article raises a question on the patristic tradition in Nikolai Gogol's life and works. It covers facts of Gogol's acquaintance with such classical writings of the patristic literature as «The Ladder of Divine Ascent» by venerable John Climacus, «The Philokalia», venerable Isaac Syrus's book, etc. Gogol's draft work, with various excerpts, including the ones from the works by Holy Fathers and liturgical books, slightly reveals the secret of his oeuvre and helps make the inmost sense of his works.

Key words: Gogol, religious outlook, patristic legacy, excerpts from Holy Fathers and liturgical books, Orthodox ascetics, churching of oeuvre.

Святоотеческое наследие², непосредственное общение с носителями святоотеческой традиции во многом определили характер религиозного мирозерцания Н.В. Гоголя, особенности его творчества. Есть основа-

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 17-04-00440 (Святоотеческая традиция в жизни и творчестве Н. В. Гоголя).

² Святоотеческое наследие понимается нами в широком смысле. В первую очередь это творения святых отцов и учителей Церкви (как древних, так и современных Гоголю духовных писателей). Биографический аспект темы предполагает освещение взаимоотношений и творческого диалога Гоголя с выдающимися церковными иерархами его времени – святителями Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским; Иннокентием (Борисовым), архиепископом Харьковским; Игнатием (Брянчаниновым), епископом Кавказским, а также представителями традиционной монашеской аскетике – Оптинскими старцами, преподобным Антонием (Медведевым), наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры; преподобным Макарием (Глухаревым), миссионером Алтайским, и другими подвижниками христианского благочестия.

ния полагать, что эсхатологические представления Гоголя имеют своим источником святоотеческое учение. В этом свете становятся понятными некоторые моменты биографии писателя, например его аскетическое поведение в последние дни жизни.

Сразу после смерти Гоголя, разбирая уцелевшие от сожжения бумаги, его друзья обнаружили значительное количество выписок религиозного содержания. Граф А. П. Толстой, в доме которого жил последние годы Гоголь, писал своей сестре Софье Петровне Апраксиной о «множестве тетрадей копий и выдержек из переводов св. отцов» («Из писем графа А. П. Толстого») [Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, III: 724]; особо отметил их С. П. Шевырев, разбиравший рукописи Гоголя, оставшиеся после его кончины («Список бумаг, оставшихся после покойного Н. В. Гоголя») [Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, II: 123].

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи названы церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя.

В свое время профессор Г. П. Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека), напечатал подготовительные материалы Гоголя фольклорного и этнографического характера, свидетельствующие о серьезности его научных занятий. Выписки Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви, Кормчей книги и служебных Миней, маргиналии на полях принадлежавшей ему Библии заставляют пересмотреть многие традиционные представления о духовном облике писателя, открывают новое в его творческих устремлениях. Отсюда тянутся нити к «Размышлениям о Божественной Литургии» и второму тому «Мертвых душ», «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди».

Большая часть этих выписок сделана Гоголем в середине 1840-х гг. Можно думать, однако, что уже в школьные годы он ознакомился с «Лестницей» преподобного Иоанна Синайского, одной из основных книг в монашеской аскетике. Образ лестницы, соединяющей землю с небом, один из любимейших у Гоголя. Он встречается уже в одном из самых ранних его произведений – в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1829).

«Ни один дуб у нас не достанет до неба, – сожалеет красавица Ганна. – А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед Светлым праздником. – Нет, Галю, – отвечает ей казак Левко, – у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее станоят перед Светлым Воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле» [Гоголь, 2009–2010, I: 129].

Этот же образ мы находим и в заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» – «Светлое Воскресенье» – последнем напечатанном при жизни произведении Гоголя. Говоря о желании избранных людей провести Светлый праздник «не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях Вечного Века», Гоголь восклицает: «Бог ведь, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней» [Гоголь, 2009–2010, VI: 202].

В православной святоотеческой литературе «лествица» – один из основных образов духовного возрастания. Он восходит к Библии, а именно к 28-й главе Книги Бытия (ст. 10–17), где описывается видение патриарха Иакова: *«И сон виде: и се, лествица утверждена на земли, еяже глава досязаша до небесе, и ангели Божии восхождаху и низхождаху по ней»*. Этот фрагмент входит в паремии (избранные места из Священного Писания), читаемые в Церкви на Богородичные праздники, и встречается во многих акафистах: Пресвятой Богородице – *«Радуйся, лествице небесная, Еюже сниде Бог³; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо»*; святителю Николаю, небесному покровителю Гоголя, – *«Радуйся, лествице, Богом утвержденная, еюже восходим к небеси...»* Примеры такого словоупотребления мы находим и в выписках Гоголя из церковных песней и канонов служебных Миней.

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» и делал из нее подробные выписки [Гоголь, 2009–2010, VI: 297–299, 663–668]. Как глубоко жил этот духовный образ в сознании писателя, можно видеть, например, по его предсмертным словам: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» («Гоголь в воспоминаниях А.Т. Тарасенкова»)

³ На иконе Богородицы Неопалимая Купина среди других символических изображений есть и *лествица*, образ сошествия Господа на землю через плоть Богородицы как по некой лестнице.

[Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, III: 939]. Подобные же слова о лестнице сказал перед кончиной святитель Тихон Задонский, один из любимых писателей Гоголя, сочинения которого он перечитывал неоднократно.

Дошедший до нас автограф Гоголя, хранящийся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и датируемый приблизительно 1843 г, включает в себя выписки из «Лествицы» в том переводе, который был издан в Москве в 1785 г. с названием «Лествица, возводящая на небо». Цитаты и реминисценции из нее встречаются в письмах Гоголя первой половины 1840-х гг. По всей видимости, в своих заграничных странствиях писатель имел при себе составленный им еще раньше рукописный сборник.

Об этом сборнике знал (вероятно, от графа А.П. Толстого) Т.И. Филиппов, который писал К.Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 г.: «С высоты «Лествицы», которая особенно его (Гоголя. – В.В.) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в *своей* памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве» [Пророки Византизма: 492–493].

Как известно, среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником; дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию. Первоначальные знания юный Гоголь получил от домашнего учителя – наемного семинариста. При поступлении в Нежинскую гимназию высших наук в 1821 г. двенадцатилетний Гоголь обнаружил хорошие познания только по Закону Божию, по другим же предметам оказался подготовленным слабо. Нежин, по всей видимости, во многом определил характер духовного образования Гоголя. Законоучитель гимназии протоиерей Павел Вольтский, помимо преподавания катехизиса и Священной истории с географией Святой Земли, читал в старших классах своеобразный курс нравственного богословия, знакомя воспитанников с творениями святых отцов и учителей Церкви – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Амвросия Медиоланского и других. Историк А.И. Маркевич, учившийся в Нежинской гимназии после Гоголя, утверждал: «единственный профессор, имевший на него сильное влияние, был богослов...» [Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, I: 436].

После отъезда за границу в 1842 г. в жизни Гоголя начинает преобладать аскетическое настроение. Он принимается за систематическое чтение

книг духовного содержания, оказывая преимущественное внимание святоотеческой литературе. Его письма первой половины 1840-х гг. наполнены просьбами о присылке книг по богословию, истории Церкви, русским древностям. Друзья и знакомые шлют ему творения святых отцов, издаваемые Московской Духовной академией, сочинения святителя Тихона Задонского, святителя Димитрия Ростовского, епископа Харьковского Иннокентия (известного проповедника и духовного писателя), номера журнала «Христианское Чтение». Присланное Н.М.Языковым «Добротолубие» (собрание аскетических писаний на церковнославянском языке) стало для Гоголя одной из самых насущных книг. В «Авторской исповеди» он писал об этой эпохе своей жизни: «Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узнание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека...» [Гоголь, 2009–2010, VI: 225–226].

Зимой 1843–1844 г. в Ницце, живя у своих друзей Виельгорских, Гоголь делает в особую тетрадь выписки из творений святых отцов и учителей Церкви, пользуясь в основном академическим журналом «Христианское Чтение» за 1842 г. Эта рукопись дошла до нас в двух копиях, хранящихся ныне в Центральной научной библиотеке Академии наук Украины. Помимо древних отцов Церкви – Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Афанасия Великого, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина, Кирилла Александрийского и других – в этом сборнике содержатся также отрывки из сочинений современных Гоголю духовных писателей: святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, Задонского затворника Георгия, епископа Костромского и Галичского Владимира (Алявдина), епископа Полтавского Гедсона (Вишневого), протоиерея Стефана Сабинина.

Такого же рода, но меньшего объема сборник – собственноручный и отчасти повторяющий первый – хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. С выписками из него Гоголь знакомил А. О. Смирнову, также жившую в ту пору в Ницце. «После обеда, – вспоминает она, – Ник<олай> Ва<сильевич> вытаскивал тетрадку и читал отрывки из отцов Церкви...» [Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, II: 260].

Тогда же у Гоголя появляется потребность глубже войти в молитвенный опыт Церкви. В письме к С.Т. Аксакову из Рима от 18 марта (н. ст.) 1843 г. он просит прислать ему «молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынноиками и мучениками» [Гоголь, 2009–2010, XII: 201]. Результатом этой духовной жажды явилась толстая тетрадь (около 100 листов) переписанных Гоголем из служебных Миней церковных песней и канонов (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома).

За границей Гоголь помечал выписки двойной датой: по старому и новому стилю. Разница между русским и европейским (новым) стилем в XIX в. составляла 12 дней: русский (старый) стиль отставал от принятого в большинстве европейских стран; ныне эта разница составляет 13 дней. По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Евангелия, Апостола и Ветхого Завета, а также житие того святого, чья память празднуется Церковью в этот день. Кроме молитв утренних и вечерних, которые ежедневно читают все православные христиане, он прочитывал еще и Малое повечерие. По всей видимости, в его молитвенное правило входило также чтение тропарей, стихир и кондаков (кратких церковных песнопений, в них раскрывается содержание праздника или прославляется житие святого).

Эти выписки Гоголь делал не только для духовного самообразования, но и для предполагаемых писательских целей. В статье о русской поэзии он, в частности, замечал: «Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм – рожденье верховной трезвости ума, – который исходит от наших церковных песней и канонов и покуда так же безотчетно возносит дух поэта, как безотчетно подмывают его сердце родные звуки нашей песни» [Гоголь, 2009–2010, VI: 195]. Тайна этого лиризма была открыта Гоголю и известна не понаслышке, а из личного опыта. Как явствует из содержания тетради, он внимательно прочел Миней за полгода – с сентября по февраль – и сделал выдержки на каждый день.

Такой метод чтения Гоголя – с выписками – можно назвать «келейным»: им традиционно пользовались, например, многие монахи. Его смысл – уяснение сложных, не поддающихся точному пониманию с первого раза духовных вопросов. К тому же, переезжая с места на место, Гоголь не мог возить с собой много книг и имел при себе компактную походную библиотеку – рукописные сборники.

Как видим, Гоголь не ограничился выписками из творений святых отцов – работал и с богослужебными текстами. Православное богослуже-

ние заключает в себе все богословие. Гоголь, кажется, открыл это для себя раньше многих; таким образом он припадал духом к самому авторитетному источнику знания.

Сохранившиеся тетради свидетельствуют о том, что Гоголю хорошо известна была христианская книжность. Судя по всему, он искал путей к тому, чтобы стать духовным писателем в собственном смысле этого слова. Духовная, церковная литература по форме имеет ряд отличий от литературы светской, хотя между этими видами словесности имеются некоторые общие приемы, в том числе и художественные. Но духовное творчество имеет строго определенную цель, направленную к объяснению смысла жизни по христианскому вероучению. Такое творчество основывается на Священном Писании и имеет определенные признаки. Писатель, взявшийся решать вопросы сокровенной жизни «внутреннего человека», сам должен быть православным христианином; он должен иметь благословение на свои труды от архиерея или священника. Он также обязан основательно знать предшествующую традицию церковной литературы, а она корнями уходит в Святое Евангелие – источник духовного слова, который резко отличается по своей направленности от основы, породившей художественную литературу во всем разнообразии ее проявлений. Наконец, для церковного писателя необходима живая вера в Промысл Божий, вера в то, что во вселенной все совершается по непостижимому замыслу ее Создателя.

В своем позднем творчестве Гоголь приблизился именно к такому пониманию целей литературы. В Ницце он написал для своих друзей два духовно-нравственных сочинения, которыми они должны были руководствоваться в повседневной жизни, – «Правило жития в мире» и «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии». Покинув Ниццу в марте 1844 г., Гоголь напоминает графине Луизе Карловне Виельгорской, обращаясь одновременно ко всей семье: «Вы дали мне слово во всякую горькую и трудную минуту, помолвившись внутри себя, сильно и искренно приняться за чтение тех правил, которые я вам оставил, вникая внимательно в смысл всякого слова, потому что всякое слово многозначительно и многого нельзя понимать вдруг. Исполнили ли вы это обещание? Не пренебрегайте никак этими правилами, они все истекли из душевного опыта, подтверждены святыми примерами, и потому примите их как повеление Самого Бога» [Гоголь, 2009–2010, XII: 348]. Эту попытку духовного наставления можно представить как подступ к

«Выбранным местам из переписки с друзьями» – в самих «правилах» содержатся многие идеи будущей книги. Здесь Гоголь открыл новый для себя жанр, близкий к традиции святоотеческой литературы.

Суть творческого развития Гоголя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии», сочинениях, подобных «Правилу жития в мире» (собственно *духовная* проза), и в публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями». К новым жанрам позднего творчества Гоголя можно отнести и составленные им молитвы, а также систематизированные выписки из творений святых отцов и учителей Церкви – труды, характерные скорее для такого писателя-аскета, каким был, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), чем для светского литератора. Молитвы Гоголя, написанные во второй половине 1840-х гг., свидетельствуют о его богатом молитвенном опыте и глубокой воцерковленности его сознания.

Система черновой работы Гоголя, включающая выписки разного рода, в том числе церковные, отчасти приоткрывает тайну его творчества, дает возможность понять сокровенный смысл его произведений. Так, эпитафия к «Ревизору», появившийся в 1842 г., – «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» – напоминает о Евангелии, о чем современники Гоголя прекрасно знали. Духовное представление о Евангелии как о зеркале давно и прочно существует в православном сознании. Так, например, святитель Тихон Задонский говорит: «Христианине! Что сынам века сего зеркало, тое да будет нам Евангелие и непорочное житие Христово. Они посматривают в зеркала и исправляют тело свое и пороки на лице очищают. <...> Предложим убо и мы пред душевными нашими очами чистое сие зеркало и посмотрим в тое: сообразно ли наше житие житию Христову?» [Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского: 145].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в дневниках, изданных под названием «Моя жизнь во Христе», замечает «нечитающим Евангелия»: «Чисты ли вы, святы ли и совершенны, не читая Евангелия, и вам не надо смотреть в это зеркало? Или вы очень безобразны душевно и боитесь вашего безобразия?» [Полн. собр. соч. протоиерея Иоанна Ильича Сергиева: 380].

Показательно, что и в выписках, сделанных Гоголем, есть отрывок, говорящий о том же: «Те, которые хотят очистить и убелить лице свое, обыкновенно смотрятся в зеркало. Христианин! Твое зеркало суть Господни заповеди; если положишь их пред собою и будешь смотреться в них при-

стально, то оне откроют тебе все пятна, всю черноту, все безобразие души твоей» [Гоголь, 2009–2010, IX: 93].

В отношении повести «Тарас Бульба» выписки позволяют проследить за мыслью Гоголя о важном вопросе: позволительно ли христианину убивать людей на поле брани. Среди них есть такая: «...не позволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» (Святитель Афанасий Александрийский) [Гоголь, 2009–2010, IX: 18]. А вот выписка из сочинения современника Гоголя, епископа Гедеона Полтавского: «Облекается ли кто в воинственное мужество: оно возвышенно, когда дышит Верою; ибо тогда не отчаяние, не страх, не боязнь, не ожесточение живет в груди воина, но великодушие, поражающее врага без презрения к нему; тогда не мщение, не злоба, но благородное сознание своих достоинств наполняет его сердце» [Гоголь, 2009–2010, IX: 67–68.]

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь подводит итог своим размышлениям о том, правомерно ли защищать святыню веры силою оружия: «Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину...» («Нужно проездиться по России») [Гоголь, 2009–2010, VI: 90]. Это было перед Куликовской битвой, когда преподобный Сергей Радонежский, игумен земли Русской, благословил великого князя Московского Димитрия Донского на сражение с татарами.

Выписки Гоголя проясняют также некоторые аспекты его биографии. Так, широко распространено убеждение, что Гоголь, умерший на второй неделе Великого поста, уморил себя голодом. На этом настаивал еще Н.Г.Чернышевский на основании воспоминаний доктора А.Т.Тарасенкова, наблюдавшего Гоголя во время его предсмертной болезни. Так думали многие, не исключая и людей религиозных. Например, профессор Киевской Духовной академии В.З.Завитневич писал: «Гоголь умер от истощения сил, до которого он добровольно довел себя посредством отказа от принятия пищи» [Завитневич, 1902: 403].

Современные исследователи пытаются подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А.В.Карташев в книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма». [Карташев, 1994: 289]. Литературовед М.Я.Вайскопф в своей монографии о Гоголе утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы» [Вайскопф, 2002: 656].

Однако Гоголь был православным христианином, исполняющим все церковные установления. Он знал, что такое смертный грех самоубийства. Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов. Вот несколько примеров.

«Обманывается тот, кто думает, что сущность поста состоит в уменьшении только телесной пищи. Ибо известно, нарушители правил истинной добродетели не получают от того никакой пользы. Изнурение тела бесполезно для тех, которые в сердце питают ненависть и в груди своей носят закоренелую злобу и мстительность, Бог не войдет в такое гнусное жилище. Не лишнее ли дело мучить тело голодом и жаждою, когда душа измучена и гибнет от пороков? И молитва и пост бесполезны для тебя, когда ты не украшен верою, надеждою и любовью» (Св. Ефрем Сирий); «Чтобы пост был настоящий – одного воздержания от пищи недостаточно. Будем поститься постом богоприятным. Истинный пост есть воздержание от пороков, обуздание языка, укрощение гнева и страстей, отложение злоречий, лжи, обмана, воздержание от сего есть истинный пост» (Св. Василий Великий); «Принимай на себя столько поста, сколько нести можешь. И пощение твое должно быть чисто, просто, нелицемерно, умеренно и несусеверно» (Блаженный Иероним) [Гоголь, 2009–2010, IX: 41].

О том же говорят и пометы на принадлежавшей Гоголю Библии (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома). «Пост не дверь к спасенью», – написал он карандашом на полях против слов св. апостола Павла: *«Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся»* (*«Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»*), 1 Кор. 8, 8) [[Гоголь, 2009–2010, IX: 152].

Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать святоотеческие творения. В один из приездов в Оптину Пустынь он прочитал рукописную книгу – на церковнославянском языке – преподобного Исаака Сирина (с которой позднее старцем Макарием (Ивановым) было подготовлено печатное издание)⁴, ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке

---

⁴ Святаго отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Пансием Величковским. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1854. Об истории издания этой книги и рукописной традиции см.: [Каширина, 2008].

хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу А.П. Толстому, а после его смерти переданный иеромонаху Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести (обольщении. – В. В.), это вздор, природженные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей – теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах»⁵, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» [Гоголь, 2009–2010, VI: 258].

И в жизни, и в творчестве Гоголь шел самым трудным, самым сложным путем – путем церковной аскетики – очищения, восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний. И он остался одиноким подвижником в литературе, почти никем не понятым.

В заключение приведем слова, сказанные новомучеником протоиереем Иоанном Восторговым на панихиде по Гоголю в 1903 г., в которых ясно видится смысл его духовного значения: «Вот писатель, у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью, чем-то необычным, непонятым, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой. Да, отраднo воздать молитвенное поминовение пред Богом и славу пред людьми такому именно писателю в наш век господства растленного слова, – писателю, который выполнил завет апо-

⁵ Это выражение св. апостола Павла (Ефес. 4, 29.) Ср. у Гоголя в статье «О том, что такое слово»: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово...» [Гоголь, 2009–2010, VI: 22].

стола: *слово ваше да будет солю растворено* <Кол. 4, 6>. И много в его писаниях этой силы, предохраняющей мысль от разложения и гниения, делающей пищу духовную удобоприемлемой и легко усвояемой <...>. Такие творцы по своему значению в истории слова подобны святым отцам в Православии: они поддерживают благочестные и чистые литературные предания» [Восторгов, 1995: 226–227].

Список литературы

- Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М., 2002.
- Восторгов И. И., прот.* Честный служитель слова: Речь на панихиде по Н.В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением // Восторгов И.И. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб., 1995.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009–2010.
- Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: Науч.-критич. изд.: В 3 т. / Изд. подгот. И. А. Виноградов. М., 2011–2013.
- Завитневич В.* Религиозно-нравственное состояние Н. В. Гоголя в последние годы его жизни // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца. Киев, 1902.
- Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994.
- [*Сергиев И. И., прот.*] Полн. собр. соч. протоиерея Иоанна Ильича Сергиева: В 7 т. Т. 5. СПб., 1893 / Репринтное издание. СПб., 1994.
- Каширина В.* «Драгоценнейшее из всех изданий Оптиной Пустыни» // Оптинский альманах. Вып. 2: Оптина Пустынь и русская культура / Сост. монах Лазарь (Афанасьев), В. Воропаев. Оптина Пустынь, 2008.
- Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012.
- Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 4. М., 1889: Репринт. изд. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.

Сведения об авторе: Воропаев Владимир Алексеевич, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: voropaevvl@bk.ru.

Е.А. Кузьмина

ГРАММАТИКА 1648 Г. КАК РЕГУЛЯТОР БИБЛЕЙСКОЙ КНИЖНОЙ СПРАВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Статья посвящена основным направлениям книжной справы, осуществленной при подготовке к изданию Московской Библии 1663 г., и реконструкции определивших ее программных языковых установок никоновских справщиков. Доказано, что библейская справа была направлена на приведение основных лингвистических параметров текста в соответствие с системой норм, кодифицированных в Грамматике 1648 г.

Ключевые слова: книжная справа, славянская грамматическая традиция, история русского литературного языка, церковнославянский язык, грамматическая норма, орфографическая норма.

The paper is devoted to the main tendencies of the book correction, carried out in preparing for the publication of the Moscow Bible of 1663, and to the reconstruction of the programmed language settings of Nikon's scribes that defined it. It is proved that the biblical on the right was aimed at bringing the basic linguistic parameters of the text into correspondence with the system of norms codified in the Grammar of the 1648th.

Key words: book on the right, Slavonic grammatical tradition, history of Russian literary language, Church Slavonic language, grammatical norm, orthographic norm.

1. Книжная справа второй половины XVII в., обеспечивавшая никоновскую литургическую реформу, по праву считается одним из наиболее глубоко и всесторонне изученных этапов централизованного конфессионального редактирования славянских *богослужбных* книг¹. В настоящее время мы располагаем детальной информацией о различных аспектах деятельности Московского Печатного двора, перешедшего в 1652 г. из ведомства Дворцового Приказа в непосредственное подчинение патриарха Никона [Карташев, 1993: 150–155]: о составе справщиков и распределении их обязанностей, о привлеченных ими источниках и критериях их отбора, о репертуаре выпущенных изданий и ходе работы над ними, об основных тенденциях исправлений как на уровне текста, так и на уровне языка и т. п. На этом фоне кажется тем более парадоксальным, что за пределами внимания исследователей осталась собственно *библейская* справа, проведенная на Печатном дворе при подготовке первого в Российском государстве полного печатного свода библейских книг на церковнославянском языке – Московской Библии 1663 г. «**БѢЛІА СРѢЧЬ КНИГИ ВѢТХАГ ѿ НОВАГ ЗАВѢТА, ПО ѦЗЫКЪ СЛАВѢНСКЪ**» (М.: Печ. двор, 12.XII.1663) (далее **МБ**).

Издание **МБ** готовили никоновские справщики Арсений Суханов, старец Арсений Грек, Захарий Афанасьев, старец Иосиф Белый, старец Александр Печерский [РГАДА. Ф. 1182 «Приказ книг печатного дела». Кн. 60–64], [Белокуров, 1891: 55, 423–

¹ Практически исчерпывающая на данный момент библиография по данной теме см. [Крылов, 2009], [Кузьмина, 2014].

433], [Автокротова, Долгова, 1985: 170], работой которых руководил крупный богослов, филолог, переводчик иеромонах Епифаний Славинецкий, приглашенный в 1649 г. Москву царем Алексеем Михайловичем «для справки Библии» [СГГД, 1822: 449–450].

При работе **МБ** была использована Острожская Библия 1581 г. (далее – **ОБ**): «Библиа сирѣкѣ книги ветхого и новаго заветѣ, по язѣкѣ словенскѣ» (Острог, 1581) (корректурный экземпляр: РГАДА. Ф. 1251. № 149), о чем Епифаний Славинецкий сообщает в своем предисловии к **МБ**: «вса̀ по̀ рѣдѣ̀ напечатана съ преждевѣвшихъ библии, печатаныя въ градѣ̀ Остроѣзѣ̀. въ землѣ̀ вольнской, повелѣниемъ и тцѣ́ниемъ константина князѣ̀ Остроѣзскаго <...> въ лѣто̀ ѿ создѣ́нїа мїра «зпѣ»» (**МБ** л. 1). С **ОБ**, созданной трудами православного князя Василия-Константина Константиновича Острожского и его сподвижников – ректора Острожской коллегии Герасима Даниловича Смотрицкого, ученых греков Дионисия Палеолога-Ралли, Евстафия Нафанаила, Феофана Эммануила Мосхопула, Василия Андреевича Суражского (Малюшицкого), типографа и справщика Ивана Федорова, начинается систематическая книжная справа в Юго-Западной Руси. В основу **ОБ** был положен список Геннадиевской Библии 1499 г. (далее – **ГБ**), который выверялся и исправлялся членами острожской библейской комиссии по греческим изданиям, вероятно, по Альдинской Библии 1518 г. [Алексеев, 1999: 204, 211–212].

На протяжении двух столетий в науке бытует устойчивое, но при этом не подкрепленное анализом конкретного языкового материала представление о том, что **МБ** является буквальной «перепечаткой», «перезиданием» **ОБ**. Первым эту идею высказал в начале XIX в. патриарх славистики Йосеф Добровский в предисловии к грамматике старославянского языка «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» [Dobrowsky, 1822: LII–LIII] (в русском переводе М. Погодина (Ч. I) и С. Шевырева (Ч. II–III) «Грамматика языка славянского по древнему наречию» [Добровский, 1833–1834]). Это мнение, несмотря на отсутствие четкого и аргументированного обоснования, стало безусловно доминирующим. Укажем лишь авторов наиболее масштабных трудов по истории Библии в России: Н. Астафьев [Астафьев, 1889: 71], И.А. Чистович [Чистович, 1899: 13–14], И.Е. Евсеев [Евсеев, 1911: 19, Евсеев, 1916: 112], А.А. Алексеев [Алексеев, 1990: 73], [Алексеев, 1999: 216], Р.К. Цуркан [Цуркан, 2001: 217] и др.

Оценка **МБ** как по сути своей вторичной, которая принадлежит столь авторитетным ученым, по-видимому, и привела к тому, что этот важнейший по своему статусу источник занимает периферийное положение и в истории славянской библейской традиции, и в истории книжной справа, и, как следствие, в истории русского литера-

турного языка. В результате вплоть до настоящего времени систематическое и комплексное исследование ее языка и характера реализованной в ней нормы отсутствует, ее лингвистические параметры описаны весьма фрагментарно [Булич, 1893], [Сироман, 1981], методы и принципы деятельности ее редакторов не установлены.

Сложившееся представление о **МБ** как о «перепечатке» **ОБ** закономерно вызывает вопросы, связанные с общим ходом книжной sprawy и деятельностью Московского Печатного двора. Каким образом в разгар никоновской литургической реформы и обеспечивающей ее книжной sprawy никоновскими справщиками мог быть издан неправильный текст, т. е. текст, отличающийся по своим лингвистическим параметрам от всех остальной продукции Московского Печатного двора? Следует подчеркнуть, что речь идет об официальном нормопологающем авторитетном тексте Священного Писания на сакральном языке.

Попытка разобраться в причинах этой странной ситуации была предпринята лишь одним исследователем – Николаем Астафьевым, который в своей монографии «Опыт истории Библии в России» предлагает следующее объяснение: «Вследствие ссоры с царем Никон устранился от дел, оставил даже Москву (в 1658 г.), и дело исправления остановилось. Суеверное невежество к тому же восстало. Таким образом, была просто перепечатана Острожская Библия в 1663 г.» [Астафьев, 1889: 71].

Действительно, из-за конфликта с царем Алексеем Михайловичем патриарх Никон в 1658 г. покидает Москву. Вместе с тем нельзя не учитывать то существенное обстоятельство, что, даже находясь в Москве, Никон принимал личное участие в справе только двух книг, вышедших на Московском Печатном дворе в 1655 г.: первой исправленной книги Служебника, который был введен для всеобщего употребления в Русской Церкви, и сборника «Скрижаль», содержащего официальное обоснование проводимых реформ. После издания Служебника и «Скрижали» патриарх Никон, вынужденный решать актуальные проблемы церковной жизни, главной из которых был церковный раскол – организованный протест против его литургической реформы, почти не следил за ходом книжной sprawy, передав ее полностью в руки справщиков, а контроль за ними – Епифанию Славинецкому [Кузьмина, Литвинюк, 2008], [Кузьмина, 2014: 128–129].

Отъезд Никона в 1658 г. из Москвы не оказал влияние на работу Московского Печатного двора, где под руководством Епифания продолжали выходить «новоисправленные» богослужебные книги: Требник (1658), Пролог (1659–1661), Псалтирь с воследованием (1660), Миней служебные, общая и праздничная (1660–1663), Триодь цветная (1660), Каноник (1662), Октоих (1666), Псалтирь (1666) и др. [Желтов, Правдолюбов, 2000: 505], [Кузьмина, Литвинюк, 2008: 553].

Таким образом, если следовать логике Николая Астафьева, в силу каких-то неведомых причин «дело исправления остановилось» и «сеуверное невежество восстало» только по отношению к **МБ**.

2. Проведенное нами исследование исправлений, внесенных московскими редакторами в исходный текст **ОБ** при подготовке к изданию **МБ**, позволяет скорректировать сложившиеся в науке представления о **МБ** и об общем ходе никоновской справы. Филологическая работа никоновских справщиков не сводилась к воспроизведению **ОБ**, а представляла собой последовательную, систематическую и целенаправленную книжную справу, т. е. исправление книг Священного Писания «с целью кодификации текстов и языка» [Кузьмина, 2014: 122].

Анализ всего объема правки проводился на основе сплошной выборки материала из Евангелия от Марка (**МБ** л. 416–423 об.; **ОБ** л. 17–26 об. четвертой фолиации). Начиная с **ГБ** Евангелие, являясь более стабильным текстом по сравнению с книгами Ветхого Завета, в наименьшей степени подвергается справе на уровне текста. Исправления Евангелия имеют четко выраженный языковой, а не текстологический характер, т. е. не представляют собой результат приведения одного текста в соответствие с другим, а обусловлены именно нормативными представлениями справщиков, и в силу этого наиболее релевантны для реконструкции этих представлений.

Многочисленные орфографические и грамматические исправления редакторов **МБ** могли иметь различную мотивацию, а принципы, которыми они руководствовались по отношению к одной позиции, могли быть неактуальны по отношению к другой. Тем не менее в осуществленной ими библейской справе четко прослеживается основная тенденция – приведение основных лингвистических параметров исходного текста **ОБ** в соответствие с системой норм, кодифицированных во втором, московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (**Грамматика**. М.: Печ. двор, 14.II.1648 <без имени автора> – далее **ГМ**).

Московское издание 1648 г. было принципиально и целенаправленно дистанцировано от первого издания грамматики М. Смотрицкого 1619 г. (**Грамматикѣ Главѣнскѣ правѣннѣе Ѡнѣтгама**. Евъе, 1619 – далее **ГС**) как на концептуальном, так и на формальном уровне. Главные справщики Московского Печатного двора Михаил Рогов и Иван Наседка создавали **ГМ** в качестве теоретической основы и инструмента для решения практических задач профессионального редактирования. В их кодификаторских решениях был обобщен опыт орфографической и грамматической книжной

справы, которой они руководили на ее предшествующем этапе при патриархе Иосифе (1642–1652) [Кузьмина, 2012: 268–269].

Московские редакторы **МБ** продолжают практику иосифовской sprawy и последовательно реализуют орфографические и грамматические предписания **ГМ**.

3. Демонстрируя однозначную приверженность орфографической норме **ГМ**, в соответствии с которой в абсолютном начале слова используется **ѣ**, никоновские справщики заменяют в позиции абсолютного начала слова графему **ѣ** узкое на графему **ѣ** широкое во всех без исключения случаях: $\widehat{\text{ѣ}}\text{лѣ} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{лѣ}$ (14:09, 16:15), $\widehat{\text{ѣ}}\text{смь} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{смь}$ (06:50, 13:06, 14:62), $\widehat{\text{ѣ}}\text{сть} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{сть}$ (01:02, 01:27 и т.д.), $\widehat{\text{ѣ}}\text{си} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{си}$ (01:11, 07:11, 08:29, 14:70 и др.), $\widehat{\text{ѣ}}\text{сте} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{сте}$ (04:40, 07:18, 09:41, 12:10), $\widehat{\text{ѣ}}\text{смы} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{смы}$ (05:09), $\widehat{\text{ѣ}}\text{го} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{го}$ (01:03, 02:15, 05:23, 06:56, 08:27 и т.д.), $\widehat{\text{ѣ}}\text{а} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{а}$ (06:26, 07:26, 14:06, 14:09), $\widehat{\text{ѣ}}\text{лко} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{лко}$ (02:19), $\widehat{\text{ѣ}}\text{лицы} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{лицы}$ (03:10, 06:11, 06:56), $\widehat{\text{ѣ}}\text{гда} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{гда}$ (01:32, 07:17, 13:29, 15:41 и др.), $\widehat{\text{ѣ}}\text{ще} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{ще}$ (05:35, 08:17, 14:43), $\widehat{\text{ѣ}}\text{же} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{же}$ (02:24, 05:33, 09:10, 13:11, 15:42 и др.), $\widehat{\text{ѣ}}\text{динъ} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{динъ}$ (04:10, 05:22, 06:08, 12:29, 14:19 и др.), $\widehat{\text{ѣ}}\text{дини} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{дини}$ (06:31, 06:32), $\widehat{\text{ѣ}}\text{дина} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{дина}$ (10:08, 12:42, 14:66), $\widehat{\text{ѣ}}\text{диноа} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{диноа}$ (05:26, 06:05), $\widehat{\text{ѣ}}\text{позоваша} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{позоваша}$ (04:04), $\widehat{\text{ѣ}}\text{постави} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{постави}$ (09:36), $\widehat{\text{ѣ}}\text{врѣшиста} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{врѣшиста}$ (11:04), $\widehat{\text{ѣ}}\text{ллинска} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{ллинска}$ (07:26), $\widehat{\text{ѣ}}\text{леѡнскѣю} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{леѡнскѣю}$ (14:26), $\widehat{\text{ѣ}}\text{лон, ѣлон} \rightarrow \widehat{\text{ѣ}}\text{лѡѡ, ѣлѡѡ}$ (15:34) и др.

В правиле об употреблении **ѣ** в исходной формулировке М. Смотрицкого отсутствовали рекомендации, касающиеся позиционного распределения графем **ѣ** и **ѣ**. Правило **ГС** регламентировало лишь использование оппозиции **ѣ** – **ѣ** для устранения грамматической омонимии форм единственного и множественного числа существительных мужского и среднего рода (И. п. ед. ч. // Р. п. мн. ч. **творѣць** – **творѣць**, Т. п. ед. ч. // Д. п. мн. ч. **творѣемъ** – **творѣемъ**). Иосифовские справщики дополняют в **ГМ** исходное правило **ГС**, включая в него восходящие к орфографическому канону Лаврентия Зизания предписания о распределении **ѣ** и **ѣ** в зависимости от позиции в слове (**ѣ** – в абсолютном начале и в конце слова, **ѣ** – в середине и конце). Ср.:

ГС	ГМ
	<p>Правило вторѣе ѡ ѣ. Полагаетсѣ ѣ, въ средѣ речѣній, ѡ на концѣ речѣній; ѡкѡ беззаконїе <...> велико же ѣ, въ началѣ ѡ на концѣ речѣнїа полагаетсѣ. ѡкѡ, ѣдинорѣднымъ ѣстествоѡ,</p>

<p>ε, ἢ ε, различествуютъ: ѿвоμъ въ подобныѣхъ падежеѣхъ множественныѣмъ, ѿномъ же единственныѣмъ слѣжащѣмъ: ѿκω, τῳ κλεврῆτῃ, τῆβυ κλεврῆτῃ: τῳ τворѣи, τῆβυ τворецѣ: τῆβυ творцеѣмъ: тыѣ творцеѣмъ: тῆβυ мравіемъ, тыѣ мравіемъ: тῆβυ спсѣніемъ, тыѣ спсѣніемъ, ἢ прѣ (л. 9 об.).</p>	<p>ἔгда, οὔμνοженіе спсѣніе, ἢ прѣчаа. ἢ паки ε, ἢ ε, различествуютъ. ѿвоμъ въ подобныѣхъ падежеѣхъ множественнымъ, ѿномъ же единственнымъ слѣжащѣмъ. ѿκω, τῳ κλεврῆτῃ, τῆβυ κλεврῆτῃ. τῳ τворецѣ, τῆβυ τворецѣ. тῆβυ творцеѣмъ. тыѣ творцеѣмъ. тῆβυ мравіемъ, тыѣ мравіемъ. ἢ прѣчаа въ подобныѣхъ сѣмъ (л. 51–51 об.).</p>
---	--

Систематическая правка ε → е была проведена редакторами МБ также в начале корней заимствованных слов в позиции после i-десятеричного (i / i): ѿ іерліма → ѿ іерліма (03:08), въ іерлімъ → во іерлімъ (10:32, 10:33, 11:01, 11:11, 11:15, 11:27, 15:41), въ іеріхонъ → во іеріхонъ (10:46), ѿ іеріхона → ѿ іеріхуна (10:46), іерѣови → іерѣови (01:44), іерѣомъ → іерѣомъ (02:26), архіерей → архіерей (02:26), архіерее → архіерее (14:53), архіерѣова → архіерѣова (14: 47) и др.

Данные исправления никоновских справщиков также свидетельствуют об их ориентации на ГМ, при подготовке которой к изданию была внесена аналогичная правка: Михаил Рогов и Иван Наседка исправили ε на е (1) во всей парадигме слова іерей → іерей (66–66 об.; 126–126 об.); (2) в словах из перечня после данной парадигмы и после парадигмы «на, а, чистое»: іерофей → іерофей (66 об.; 126 об.), іереміа → іереміа (39; 101 об.); (3) в примерах из синтаксического раздела грамматики: ѿ іерусалима → ѿ іерусалима, въ іерусалимѣ → во іерусалимѣ, во іерусалимъ → въ іерусалимъ, ѿ іерусалима → ѿ іерусалима, іерліме → іерусалиме, іерусалимъ → іерусалимъ (216 об., 305 об.; 218, 307; 218, 307 об.; 223, 312 об.; 241 об., 335). Эта же норма была реализовано и в написании имен собственных в новом разделе, включенном в ГМ носифовскими справщиками, «Бословіе іменъ по азъ вѣди, сѣихъ соуцихъ въ свѣтцахъ, с толкованіи словѣнска іазыка», который представляет собой некий синтез месяцеслова и алфавитного перечня христианских имен [Кузьминова, 2012: 258–265], [Кузьминова 2016: 11–12]: іезекіиль, іеремій, іерофей (366 об.).

Что же касается содержащейся в правиле рекомендации, заимствованной из грамматики Лаврентия Зизания, об использовании е широкого в абсолютном конце слова, то в тексте самой ГМ она соблюдена избирательно. Михаил Рогов и Ивана На-

седка при работе над **ГМ** вносят правку **ѣ** → **ѣ** исключительно после гласных, главным образом, (1) в позиции после **ї**, которую демонстрируют приведенные в правиле примеры **оумноженіе** и **спеніе**: **оуѣченіе** → **оуѣченіе** (86, 146 об.; 89, 149 об.), **Трѣтіе** → **Трѣтіе** (98 об., 161), **ѡконченіе** → **ѡкѡнченіе** (156 об., 229), **везѡміе** → **везѡміе** (196, 281), **паматозѡбіе** → **паматозѡбіе** (196, 281 об.), **вопрошеніе** → **вѡпрошеніе** (202 об., 289 об.), **Брѣтіе** → **Брѣтіе** (236, 327 об.), (2) регулярно после **ѣ**, что может быть обусловлено стремлением к орфографической диссимилиации: **прѡчеѣ** → **прѡчеѣ** (10, 52; 22, 78 об.), **стоѡцеѣ** → **стоѡцеѣ** (31, 91), **Среднее** → **Среднее** (49, 112; 70, 129 об.), **градѡуцеѣ** → **градѡуцеѣ** (121, 185), **прехѡѡцеѣ** → **прехѡѡцеѣ** (126 об., 192), **послѣдѡуцеѣ** → **послѣдѡуцеѣ** (248 об., 343 об.), (3) после других гласных (значительно реже): **Пѡтоѣ** → **Пѡтоѣ** (13, 58 об.), **ѡвоѣ** → **ѡвоѣ** (92 об., 153 об.), **прѡстѣѣ** → **прѡстѣѣ** (27 об., 86 об.), **прійскренѣѣ** → **прійскренѣѣ** (196, 281 об.).

Редакторы **МБ**, также избирательно следуя правилу **ГМ**, правят **ѣ** на **ѣ** в абсолютном конце слова только в позиции после гласных: после **ѣ** – **бѣвшее** → **бѣвшее** (05:14), **фаріѣѣ** → **фаріѣѣ** (07:01, 07:03, 07:05, 10:02), **їудѣѣ** → **їудѣѣ** (07:03), **їсхѡѡцеѣ** → **їсхѡѡцеѣ** (07:20), **прїшеѡѣѣ** → **прїшеѡѣѣ** (09:01), **сѡдѡкѣѣ** → **сѡдѡкѣѣ** (12:18); после **ї** – **сїи людіѣ** → **сїи людіѣ** (07:06), **за сїѣ слово** → **за сїѣ слово** (07:29); после **о** – **слово сѣѡнное** → **слово сѣѡнное** (04:15).

Заслуживает внимание то обстоятельство, что в большинстве примеров исправления **ѣ** → **ѣ** осуществляются в формах существительных И. п. мн. ч.: **людіѣ**, **фаріѣѣ**, **сѡдѡкѣѣ**, **їудѣѣ**. Поэтому нельзя исключать, что в этих случаях употребление **ѣ** могло быть мотивировано не только позиционно, но и семантически: **ѣ** выступает как средство реализации принципа антистиха, передающее значение множественности, закрепленное за этой графемой в **ГС=ГМ**.

Предписанное как в процитированном выше орфографическом правиле о **ѣ**, так в специальных правилах после парадигм разграничение омонимичных форм единственного и множественного числа существительных с помощью оппозиционных графем **ѣ** и **ѣ** (И.п. ед.ч. // Р.п. мн.ч. **творѣцѣ** – **творѣцѣ**, Т.п. ед.ч. // Д.п. мн.ч. **творцѣмь** – **творцѣмь**) получает в **ГМ** даже более регулярную реализацию, чем в исходном тексте **ГС**. При этом Михаил Рогов и Иван Наседка развивают идеи М. Смотрицкого и экстраполируют орфографический показатель множественности **ѣ а** на плюральные формы

имен другого рода (в тех же грамматических позициях Р. п. мн.ч., Д. п. мн. ч.), б) на другие грамматические позиции [Кузьмина, 2011], [Кузьмина, 2012: 236–237, 240–241].

М. Смотрицкий применяет **ѣ** и **ѥ** с целью преодоления омонимии форм И. п. ед. ч. и Р. п. мн. ч.: «**Именителный ѣдинственный, на/ ѣ: Родителный множественный, на/ ѥ**» (ГС л. 43 об., ГМ л. 105 об.) – в следующих парадигмах существительных мужского рода: **п̑рѣмъ // п̑рѣмъ** (43 об.), **дѣтѣцъ // дѣтѣцъ** (48), **чв̑анецъ // чв̑анецъ** (48 об.), **жрѣцъ // жрѣцъ** (50 об.), **ѣрѣй // ѣрѣй** (66–66 об.). Московские редакторы вводят графему **ѥ** в форму Р.п. мн.п. в двух парадигмах, в которых М. Смотрицким не было реализовано противопоставление И.п. ед. // Р.п. мн.: **Клеврѣтъъ** → **клеврѣтъъ** (43, 105 об.), **свидѣтель** → **свидѣтель** (64 об., 125). Также формы Р. п. мн. ч. с **ѥ** иосифовские справщики кодифицируют и в парадигмах существительных женского и среднего рода: **мрѣжъ** → **мрѣжъ** (36 об., 98 об.), **дрѣвъ** → **дрѣвъ** (45 об., 108), **ймѣнъ** → **ймѣнъ** (51, 115 об.), **словѣсъ** → **словѣсъ** (53, 116), **дчѣсъ** → **дчѣсъ** (59, 119 об.). В этом случае графема **ѥ** выступает не в дифференцирующей, а в маркирующей функции – как показатель значения множественности. Исправлениям **ѣ** → **ѥ** они подвергают формы Р.п. мн.ч. имен женского и среднего рода в описательной части грамматики: **жѣнъ** → **жѣнъ** (199 об., 286), **ймѣнъ** → **ймѣнъ** (21 об., 77 об.), **врѣменъ** → **врѣменъ** (172, 249 об.), **словѣсъ** → **словѣсъ** (5 об., 45 об.).

Аналогичным образом в ГС и ГМ проведена дифференциация форм Т.п. ед.ч. // Д.п. мн.ч. существительных мужского и среднего рода: «**Тво̑: ѣди̑: на/ ѣ. Да̑: мно̑: на/ ѥ**» (ГС л. 48 об., ГМ л. 111 об.). Вместе с тем московские редакторы распространяют написание **ѥ** во флексиях Д.п. мн.ч. на парадигмы существительных женского рода третьего склонения: **з̑аповѣдемъ** → **з̑аповѣдемъ** (60, 120 об.), **м̑атеремъ** → **м̑атеремъ** (61, 121 об.). Такая же правка внесена в окончания Д. п. мн. ч. в метаязыке: **частѣмъ** → **частѣмъ** (191 об., 276; 194 об., 279 об.; 195, 280), **страстѣ̑** → **страстѣмъ** (249 об., 344).

Рассматривая графему **ѥ** как показателя множественности, Михаил Рогов и Иван Наседка регламентируют ее в окончании М. п. мн. ч. **-ѥхъ** в парадигмах существительных мужского, женского и среднего рода: **клеврѣтѣхъ** → **клеврѣтѣхъ** (43, 105 об.),

прорѡцѣхъ → прорѡцѣхъ (47, 110), сѣрдце^x → сѣрдцѣхъ (49 об., 112 об.), ѡменехъ → ѡменехъ (52 об., 115 об.), заповѣдехъ → заповѣдехъ (60, 121), ходотаѣхъ → ходотаѣхъ (64 об., 125), свидѣтелехъ → свидѣтелехъ (64 об., 125). В соответствии с изменениями в парадигмах исправляются флексии М.п. мн.ч. в метаязыке ГМ: падежехъ → падежехъ (13, 58), ѡменехъ → ѡменехъ (120, 184), лицехъ → лицехъ (120, 184), Степенехъ → степенехъ (245 об., 339 об.), Писменехъ → писменехъ (239, 332), мѣстехъ → мѣстехъ (122, 186 об.).

Графема **ѣ** использована в ГМ и во флексии Р. п. мн. ч. **-ей**, которая была кодифицирована московскими редакторами в качестве вариантной в парадигмах существительных женского рода первого и третьего склонений: лодѣй (102), сѣдѣй (103), заповѣдѣй (120 об.), матерѣй (121 об.). Употребление **ѣ** в этой флексии у существительных женского рода является доминирующим и в метаязыке: частѣй (57 об., 280), вѣщѣй (105, 123, 137, 167 об., 313 об.). В генетивных формах имен мужского рода, образованных М. Смотрщиком с помощью флексии **-ей**, московские редакторы также используют графему **ѣ**: мѡжѣй → мѡжѣй (6 об., 47.), Мѣй → Мѣй (26 об., 85), Звѣрей → Звѣрей (200 об., 287), падежей → падежей (131 об., 198), людѣй → людѣй (212, 300 об.), царѣй → царѣй (200 об., 287), писателей → писателей (235, 326).

Исправления **ѣ** → **ѣ** в формах множественного числа существительных в Евангелии от Марка **МБ** убедительно доказывают, что утвержденные иосифовскими справщиками в ГМ критерии употребления графемы **ѣ** сохраняли свою безусловную актуальность для языковой практики никоновских справщиков. Результаты проведенной ими правки **ѣ** → **ѣ** в формах множественного числа засвидетельствованы у существительных тех же словоизменительных классов и в тех же грамматических позициях, в которых графема **ѣ** была кодифицирована в ГМ: Р. п. мн. ч.: сѣрдцеъ ѡхъ → сѣрдцеъ (03:05), ѡ старецъ → ѡ старецъ (08:31, 14:43), ѡ ... архіерейъ → ѡ ... архіерейъ (08:31, 14:43), моихъ словесъ → словесъ (08:38), ѡ фарисейъ → ѡ фарисейъ (12:13); Р.п. мн.ч. (флексия **-ей**): ѡ кровницъ дѣтѣй → дѣтѣй (07:28); Д. п. мн. ч.: предасть ѣго тажатеlemъ → тажатеlemъ (12:01), послѣ к тажатеlemъ → послѣ к тажатеlemъ (12:02), начало волѣнемъ → волѣнемъ (13:08); М. п. мн. ч.: въ ѡнѣхъ днѣхъ → днѣхъ (01:09), по днѣхъ → по днѣхъ (02:01).

4. На реализацию принципа антистиха в **МБ** направлено и большинство замен **о** → **ω**. Пара оппозиционных графем **о** – **ω** выступала в как в **ГС**, так и в **ГМ** в качестве одного из основных средств графико-орфографической дифференциации омонимичных форм. Как в орфографических правилах, так и в парадигмах и примечаниях после парадигм в **ГС=ГМ** было кодифицировано использование **о** – **ω** для разграничения следующих грамматических омонимов: И. п. ед. ч. (В. п. ед. ч. для неодушевленных) // Р. п. мн. ч. существительных мужского рода: «Имѣ^ѣ: ѣдн^ѣ: на/ о. рѡ̑: мно^ж: на/ ω» (ГС л. 45, ГМ л. 108); И. п. ед. ч. *ѣродъ* // Р.п. мн.ч. *ѣрѡдъ* (44 об.–45, 107–107 об.), *прорѡкъ* // *прорѡкъ* (46 об.–47, 109 об.–110), *дѡмъ* // *дѡмъ* (57 об.–58, 118–118 об.) и т. п.; Т. п. ед. ч. // Д. п. мн. ч. существительных мужского и среднего рода: «Тво̑̑: ѣдн^ѣ: на/ о. Да^т: мно^ж: на/ ω» (ГС л. 43 об., ГМ л. 105 об.); *вѡнномъ* // *вѡннѡмъ* *вѡннѡмъ* // *вѡннѡмъ* (44–44 об., 106 об.–107), *дрѣвомъ* // *древѡмъ* *древѡмъ* // *древѡмъ* (45–45 об., 108), *дрѣгомъ* // *дрѣгомъ* *дрѣгомъ* // *дрѣгомъ* (46–46 об., 109–109 об.) и т. п.; Р. п. ед. ч. м. и с. р. // В. п. ед. ч. м. р. прилагательных, местоимений, причастий: «Родитѣльный ѣднствѣнный на/ ω, вѣн^ѣ: на/ о» (ГС л. 75, ГМ л. 134); *ѡтѣгѡ* // *ѡтѣгѡ* (74 об., 133 об.), *тогѡ* // *тогѡ* (104 об., 167 об.), *вѣѡцагѡ* // *вѣѡцагѡ* (183 об., 264) и т. п., как форма Р. п. ед. ч. квалифицировалось в **ГС=ГМ** и получало соответствующее оформление с **ω** притяжательное местоимение *ѣгѡ* (98, 160); И. п. ед. ч. с. р. «усеченных» прилагательных // наречия: *бѣгѡ* (77, 136 об.) // наречия *крѣпкѡ*, *слѡвнѡ* (189, 272 об.), *прѣмѡ*, *прѣвѡ*, *мѡлѡ* (190, 273 об.) и т. д. (примеры из перечня наречий в разделе «**ω** НАРѢЧІИ»).

Помимо дифференцирующей функции, буква **ω** выступала в **ГС** и **ГМ** и в маркирующей функции – для обозначения, маркирования форм, наделенных определенной грамматической семантикой (в данном случае множественного числа). Написание **ω** в Р.п. мн.ч. в **ГС=ГМ** распространено и на существительные первого склонения (а-склонения): *воевѡдъ* (33 об., 95), *снѡхъ* (36, 97 об.), где **ω** уже не является средством устранения омонимии, а является показателем категориального значения множественности. Также буква **ω** кодифицирована во флексии Р. п. мн. ч. существительных мужского рода **-ѡвъ**, выступающей в **ГС=ГМ** качестве варианта к **-ъ**: *дрѣгѡвъ*, *грѣхѡвъ*, *сынѡвъ*, *дѡмѡвъ* (л. 46 об., 47 об., 50 об., 57 об.; 109 об., 110 об., 113 об., 118 об.).

Иосифовские справщики, для которых именно маркирующая функция **ω**, как и других орфографических показателей множественности (**ε**, **камора**), является основной, утверждают написания с **ω** во флексиях плюралных глагольных форм 1-го л. мн. ч. в парадигмах мимшедшего и прешедшего времени: **вѣхѡмъ** → **вѣхѡмъ** (134 об., 202), **творѣхѡмъ** → **творѣхѡмъ** (151 об., 222 об.), **пѣдѣхѡмъ** → **пѣдѣхѡмъ** (167, 243 об.). Исправления **о** → **ω** осуществляются ими в этих флексиях и в описательной части грамматики: **рѣхѡмъ** → **рѣхѡмъ** (237, 328 об.; 239 об., 332; 239 об., 332 об.), **вѣхѡмъ** → **вѣхѡмъ** (122 об., 187), **вѣдѣхѡмъ** → **вѣдѣхѡмъ** (172 об., 249 об.), **радѣхѡмъ** → **радѣхѡмъ** (238 об., 331 об.), **творѣхѡмъ** → **творѣхѡмъ** (243 об., 337) и т. п. [Кузьмина, 2012: 242].

Следуя рекомендациям **ГМ**, редакторы **МБ** подвергали правке **о** → **ω**

(1) окончания Р. п. ед. ч. м. и с. р. прилагательных, местоимений, причастий: **гласа въпѣоцаго** → **въпѣоцагѡ** (01:03), **ѡ негѡ** → **ѡ негѡ** (01: 05, 01: 42, 04: 25, 05: 04, 14:35 и др.), **съсѣды крѣпкаго** → **крѣпкагѡ** (03:27), **ѡсе снѣ вѣа вышнаго** → **вышнагѡ**; (05: 07), **новаго завѣта** → **новагѡ** (14:24), **плода лѡзнаго** → **лѡзнагѡ** (14: 25), **до часа девѣтаго** → **девѣтагѡ** (15: 33);

(2) притяжательное местоимение **его**: **сапогѣ его** → **сапогѣ ѣгѡ** (01: 07), **пѣ сѣнѣо ѣго** → **пѣдѣ сѣнѣо ѣгѡ** (04:32), **главѣ ѣго** → **главѣ ѣгѡ** (06: 27), **кѣ ногѣма ѣго** → **кѣ ногѣма ѣгѡ** (07:25), **оуѣнѣцы ѣго** → **оуѣнѣцы ѣгѡ** (08: 04), **ѡ словесѣхѣ ѣго** → **ѡ словесѣхѣ ѣгѡ** (10:24), **женѣ ѣго** → **женѣ ѣгѡ** (12: 19), **рѣзы его** → **рѣзы ѣгѡ** (15: 24);

(3) наречия²: **ѣако** → **ѣакѡ** (01: 10, 03: 28, 04: 29, 06: 04, 08: 31 и т. д.), **тѣако** → **тѣакѡ** (02: 07, 02: 08, 04: 26, 13: 29, 14: 59, 15: 39), **тѡкмо** → **тѡкмѡ** (02: 07, 06: 05, 09: 29, 10: 18, 13: 32 и др.), **ѣнко** → **ѣнѡ** (02: 19), **тѣмо** → **тѣмѡ** (03: 01, 06: 33, 16: 07), **прѣмо** → **прѣмѡ** (12: 41, 13: 03), **сѣло** → **сѣлѡ** (08: 01, 09: 03, 16: 02, 16: 04), **нѣсть бѡ довро ѡѣти хлѣва чѣдомъ, ѣ повреѣнѣ ѡмъ** → **доврѡ** (07: 27), **глѣше прѣво** → **прѣвѡ** (07: 35), **ѣмѣхѣ рыбѣнѣцѣ мѣло** → **мѣлѡ** (08: 07), **оуѣрѣ свѣтло** → **свѣтлѡ** (08: 25), **мѣмо несѣ** → **мѣмѡ** (14: 36);

(4) плюралные формы существительных: Им.п. **снѡве** → **снѡвѣ** (02: 19), **нарѡди** → **нарѡдѣ** (05: 24); В.п. **ѡпѣсти нарѡды** → **нарѡды** (06: 45), **ѣ дѡмы** → **ѣ**

² Слова, которые имеют такой частеречный статус в **ГМ**, что в ряде случаев может не соответствовать современным лингвистическим представлениям, как, например, **ѣакѡ**.

дѣмы (08: 03); Р. п. рѣмень сапогѣ → сапогѣ (01: 08), ѿ гробѣ → ѿ грѣвѣ (05: 02), колѣко кошь → кѣшь (08: 19), грѣховѣ → грѣхѣвѣ (01: 04), ѿ вѣсѣхѣ градовѣ → градѣвѣ (06: 33), домо^ѣ → домѣвѣ (10: 30), сѣмь вѣсовѣ → вѣсѣвѣ (16: 09); Д.п. чѣкомѣ → челоуѣкомѣ (01: 17, 12: 14), оуѣнѣкомѣ → оуѣнѣкомѣ (08: 06, 14: 32), книжникомѣ → книжникомѣ (10: 33), грѣшникомѣ → грѣшникомѣ (14: 41); М.п. вѣ прѣцѣхѣ → во прѣцѣхѣ (01: 02), вѣ грѣвѣхѣ → во грѣвѣхѣ (05: 03, 05: 05);

(5) формы множественного числа глаголов: 1-го л. мн. ч. аорист видѣхѣ^м → видѣхѣмѣ (02: 12), вѣзмогѣхѣмѣ → во^ммогѣхѣмѣ (09: 28), видѣхѣмѣ → видѣхѣмѣ (09: 38), вѣзверанѣхѣмѣ → во^мверанѣхѣмѣ (09: 38), ѣдохѣмѣ → ѣдохѣмѣ (10: 28), ѣстѣвѣхѣмѣ → ѣстѣвѣхѣмѣ (10: 28); 3-го л. мн. ч. аорист прѣидѣша → прѣидѣша (02: 03, 03: 08, 05: 35, 06: 53, 11: 15 и др.), ѣзыдохѣша → ѣзыдохѣша (03: 21), снѣидѣша сѣ → снѣидѣша сѣ (06: 33, 10: 01), оуѣжасѣша сѣ → оуѣжасѣша сѣ (05: 42, 16: 05), вѣзлегѣша → возлегѣша (06: 40), ѣдѣша → ѣдѣша (06: 42), прѣведѣша → прѣведѣша (09: 20), ѣзвергѣша → ѣзвергѣша (12: 08); 1-го л. мн. ч. наст. вр. вѣсхѣдимѣ → восхѣдимѣ (10: 33); 3-го л. мн. ч. прост. буд. вр.: прѣкѣснѣтѣ сѣ → прѣкѣснѣтѣ сѣ (06:56), вѣзложѣтѣ → возложѣтѣ (16:18).

Обращает на себя внимание, что никоновские справщики, развивая тенденции иосифовской справки, продолжают расширять сферу употребления **ѣ** в плоральных формах. Рассматривая **ѣ** как универсальный показатель категориального значения множественности, они экстраполируют ее на те именные и глагольные формы, которые не являются омонимичными формам единственного числа и в которых ни в **ГС**, ни в **ГМ** **ѣ** не фигурировала, как, например: В.п. вѣ дѣмы (08:03) – ср. **ГС=ГМ** дѣмы (л. 57 об., 118 об.), Д.п. смѣквалѣ (11:13) – ср. **ГС=ГМ** воевѣдамѣ, снѣхамѣ (33 об., 36; 95, 97 об.), 3-е л. мн. ч. аориста прѣидѣша – ср. **ГС=ГМ** прочтѣша (126, 192), 1-е и 3-е л. мн. ч. настоящего и простого будущего времени восхѣдимѣ, возложѣтѣ – ср. **ГС=ГМ** творѣмѣ, сотворѣмѣ (146 об., 215 об.–216).

Указания **ГМ** соблюдены в **ОБ** и в другой зоне правки **ѣ** → **ѣ** – в предлогах и приставках **ѣ** и **ѣ** (предлог и приставка **ѣ** в такой корректуре не нуждались, поскольку в **ОБ** единственно нормативным в этом случае было написание ѿ [Хан, 2010: 46]). Употребление омеги в предлогах (в первых грамматиках церковнославянского языка термин «предлог» используется для обозначения как собственно предлогов, так и пре-

фиксов) **ω**, **ωβъ**, **ωт/ѿ** было кодифицировано М. Смотрицким в отдельном орфографическом правиле: «**имена, глѣи, причаствѣ, и нарѣчѣа ѣ преѡвѣтъ ѡ/ ѡбѣ/ и ѿ/ слѡже^ннаѡ, ѡ/ хранѡ^т неизмѣнно: ѡкѡ, ѡдѣваѡ/ ѡблѡчаѡ/ ѿхожѡ, и прѡ.**» (л. 12). О большей императивности данной нормы для московских издателей его грамматики свидетельствует то, что они не только воспроизводят это предписание в тексте **ГМ** (л. 56), но и повторяют его еще раз, сопровождая многочисленными примерами, в общем правиле, посвященном употреблению **ω**: «**ѡ ѡ, такоже, ѡкѡ, ѡ, предлѡгѣ. ѡ пишется въ сицевыхъ ко именемъ, и къ влѣству именемъ, и къ глѡвмъ; ѡкѡ, ѡ ѡѡннѣ, ѡ григорѣи, ѡ немъ, ѡ ней, ѡ ѡномъ. ѡ тѡмъ, ѡ сѣмъ, ѡ сѣи. ѡ глаглющемъ, ѡ вѣчающемъ. илѣ чрѣзъ ѡбѣ, во глаголѣ; ѡкѡ, ѡблѡчаѡ, еши, етъ. ѡбразѡю, еши, етъ. и прѡчаѡ**» (л. 52 об.). Также иосифовские справщики подвергают исправлениям в метаязыке грамматики все допущенные М. Смотрицким отступления – написания с **ο** в предлоге и с **ω** не в предлоге: **ѡбрѣтаемъ** → **ѡбрѣтаемъ** (25 об., 83 об.), **ѡбъелетъ** → **ѡбѣлетъ** (26, 84 об.), **ѡблѡчи** → **ѡблѡчи** (214, 302 об.); **ѡбѡи** → **ѡбѡи** (26, 84 об.), **ѡбѡегѡ** → **ѡбѡегѡ** (161, 235), **ѡбѡче** → **ѡбѡче** (221 об., 310 об.) [Кузьмина, 2012: 156–158].

В этом же направлении осуществляют правку редакторы **МБ**: (1) они заменяют **ο** на **ω** в предлогах и приставках³ **ο** и **οб** и, наоборот, (2) избавляются от **ω** в позиции начала слова в корне, ср.:

(1) **ѡ чреслѣхъ** → **ѡ чреслѣхъ** **егѡ** (01: 06), **ѡ прѣтчи** → **ѡ прѣтчи** (04: 10), **ѡ словеси** → **ѡ словеси** (10: 22), **ѡсѡженѣ** → **ѡсѡженѣ** (12: 40), **ѡжениѣ сѡ** → **ѡжениѣ сѡ** (10: 11), **ѡкаменѣно** → **ѡкаменѣно** (06: 52, 08: 17), **ѡслабѣютъ** → **ѡслабѣютъ** (08: 03), **ѡкрестъ** → **ѡкрестъ** (03: 34), **ѡсѡдатъ** → **ѡсѡдатъ** (10: 33), **ѡвѣкѣше** → **ѡвѣкѣше** (06: 55), **ѡблѡжитъ** → **ѡблѡжитъ** (09: 42), **ѡблѡстатъ** → **ѡблѡстатъ** (12: 13), **ѡблѡбыза** → **ѡблѡбыза** (14:45), **ѡбвѣвъ** → **ѡбвѣвъ** (15: 46);

(2) **ѡѡца** → **ѡѡца** (07: 10, 10: 30), **ѡѡцѣ** → **ѡѡцѣ** (07: 11), **ѡ ѡчѣствѣе свое** → **ѡ ѡчѣствѣе свое** (6: 01), **ѡ ѡчѣствѣи своемъ** → **ѡ ѡчѣствѣи своемъ** (6: 04).

5. Об ориентации никоновских справщиков на **ГМ** может свидетельствовать и осуществленная ими орфографическая дифференциация лексических омонимов

³Точнее, в тех элементах, которые воспринимались никоновскими справщиками как приставки, что в отдельных случаях не соответствует современным представлениям о морфемной структуре слова.

(*лзыкъ* ‘часть тела, орган речи’ – *лзыкъ* ‘народ’), не противопоставленных в **ОБ**: (1) они вносят правку *л* → *л* в слове *лзыкъ* в значении ‘часть тела, орган речи’, (2) сохраняя при этом написание *л* в слове *лзыкъ* в значении ‘народ’: (1) *и плонѣвъ, коснѣ ѣго въ лзыкъ* → *ѣ лзыкъ* (07: 33); *разрѣши са юза лзыка ѣго* → *лзыка* (07: 35); (2) *и предадуть ѣго лзыком* → *лзыкомъ* (10: 33), *мнациѣ са владати лзыки, съдѣлѣвають ѣмн* → *лзыки* (10: 42), *храмъ мѣтвѣ наречет са всѣмъ лзыкомъ* → *лзыкомъ* (11: 17), *встанетъ въ лзыкъ на лзыкъ* → *лзыкъ на лзыкъ* (13: 08).

Противопоставление форм *лзыкъ* ‘часть тела’ и *лзыкъ* ‘народ’ восходит к южнославянской орфографии. Константин Костенечский в трактате «**Сказаніе ѣзыкѣмъ ѡ писменѣхъ...**» (ок. 1424–1426 гг.) предлагает различать *лзыкъ* (в значении ‘часть тела, речь’, *греч.* γλῶσσα) и *лзыкъ* (в значении ‘народ’, *греч.* ἔθνος) [Ягич, 1885–1895: 405–406]. Впоследствии это противопоставление усваивается в церковнославянском языке. Оно, в частности, отмечается в словаре Памвы Берынды (Киев, 1627) (стлб. 312, 314), которым пользовались при подготовке издания **ГМ** иосифовские справщики [Кузьминова, 2012: 258–265], [Кузьминова, 2016]. Хотя в целом для языка Юго-Западной Руси XVI – начала XVII вв., в отличие от Московской Руси, оппозиция *лзыкъ* – *лзыкъ*, по всей видимости, не была строго нормативна, о чем свидетельствует отсутствие ее реализации в **ОБ** и ее кодификации в грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.

При подготовке **ГМ** иосифовские справщики включают в исходный текст М. Смотрицкого новое правило об *л*, в котором рекомендуют написание *л* в начале слова *лзыкъ* в значении ‘часть тела’, приводя в качестве иллюстративного материала цитаты из Псалтыри. В то же время в перечень примеров употребления *л* они включают словосочетание *лзыци* (т. е. ‘народы’) *ѡкрѣстниѣ*: «*л, пишетьса <...> л в началѣ тѣмъ въ ѣдиномъ ѡ ѣмѣнѣ, ѣдѣ же глетьса оудѣ тѣлесныи, лзыкъ; лзыкомъ воспоѡ дѣла твоѡ. ѣ лзыкъ мѡѣ поѡчнѣтѣса правдѣ твоѣѣ* [Пс. 34, 28] . *ѣ лзыкъ мѡѣ приплѣ гортѣни моемоу* [Пс. 21, 16].] *сѡ же ѣ подчѣннаѡ л глаголетьса. въ прѡчнѣхъ же предчѣннаѡ л, въ началѣ пишетьса. лкъ, лвалюса, лвалю. лзыци ѡкрѣстниѣ* [Иер. 25, 9]» (л. 55–55 об.). Тем самым **ГМ** кодифицирует ор-

фографический способ снятия лексической омонимии (Ѡзыкъ ‘часть тела’ – ꙗзыкъ ‘народ’), основанный на оппозиции дублетных букв Ѡ – ꙗ.

Предписанное в правиле ГМ различие форм Ѡзыкъ ‘часть тела’ и ꙗзыкъ ‘народ’ воплощается и в правке московских издателей. М. Смотрицкий, для которого оппозиция Ѡзыкъ – ꙗзыкъ не входила в орфографическую норму, в слове ꙗзыкъ во всех значениях употребляет ꙗ. Издатели ГМ исправляют ꙗ на Ѡ слове со значением ‘часть тела’: *Свѡй ѡмѡ ꙗзыкъ/ ѡже хѡщетъ глѡтъъ* → Ѡзыкъ (203 об., 291), *Оѡже мн горгѡны/ рѡцѡ/ нѡзѡ/ ꙗзыкъ оѡвѡнѡша* → Ѡзыкъ (211, 299), *Оѡдѡржи ꙗзыкъ свѡй ѡ злѡ/ ѡ оѡстнѡ свѡѡ ѡже не глѡти лѡсти* [Пс. 33, 14] → Ѡзыкъ (2 раза 221, 310 и 234, 325), сохраняя ꙗ в слове со значением ‘народ’: *Пѡвелъ нарицѡетъсѡ ꙗꙗлъ ꙗзыкъ*⁶ (212, 300 об., в ГМ – ꙗзыкъмъ); *челѡвѡческѡ ѡстъ/ мѡсль оѡготовѡти, ѡ Гѡне ѡстъ/ ꙗзыки стрѡити* (212, 300 об.).

6. **ОБ** набиралась четырьмя кириллическими и двумя греческими шрифтами, которые были специально разработаны Иваном Федоровым для этого масштабного издательского проекта. Основным из них был мелкий кириллический, напоминавший испытывавшее влияние скорописной латиницы юго-западнорусское канцелярское письмо, часто встречающееся в актовых книгах Волыни. Несмотря на то что в отдельных начертаниях букв основного шрифта **ОБ** прослеживается близость с начертаниями полуустава того времени [Немировский, 1975: 105], при общем восприятии текст **ОБ** значительно больше напоминает памятники деловой письменности Юго-Западной Руси, чем рукописные или печатные литургические книги [Исаевич, 1990: 13], [Лабынцев, Щавинская, 2007: 28].

Одним из ключевых факторов, влияющим такое восприятие текста **ОБ**, является использование Иваном Федоровым многочисленных выносных букв, что характерно для канцелярской скорописи. Существенно при этом, что вынесение букв как под титлом, так и без него в **ОБ** никак не связано с принадлежностью слова к сакральной сфере. В то время как именно сакральность семантики после второго южнославянского влияния утверждается в качестве основного критерия, определяющего сокращенное (в том числе и подтитленное) написание слова [Щепкин, 1999: 147], [Успенский, 2002: 315]. Противопоставление полного и сокращенного (подтитленного) написания полушает статус нормативного принципа церковнославянской орфографии, который кодифицируется в большинстве известных рукописных орфографических руководств: «ѡ

мно́жествѣ і ѿ є́динствѣ», «Сила со́ществѣ кни́жнаго писма̀», «Сила сѣществѣ кни́жнаго писанна», «Еще соутѣ і ныи воуквы», «Книга глѣмама бѣквы», «Ѹ же како просѡдіа достонѣ писати і глѣти», «Ано́има архімарита стѣпа голбо́вы ѿ силѣ кни́жнѣй», «Грамматичество», «Сказаніе ѿ кни́жной премѡсти», «Кни́га глѣмама грѣматі́ка по іа́зыкѣ словѣ́нскѣ» [Ягич, 1885–1895: 693, 707–718, 721–722, 724–728, 742, 747, 786, 995, 1012–1013; Кузьминова, 2002: 41–42]. ГС=ГМ также допускает сокращенные подтитленные написания исключительно для имен «Бѣ́жнѣхъ, ѿ бѣ́жѣи чѣсти сла́жацихъ: іа́кѡ, Гдѣ́, Бгѣ́, Сѡ́цѣ, снѣ́, дхѣ́, стѣ́, ісѣ́, хсѣ́, спсѣ́, дѣ́а, ѡ́таа, вѣ́а, мрѣ́а, ѿ прѡ́чаа» (л. 19 об., 74 об.).

Можно полагать, что наличие в тексте ОБ значительного числа написаний слов несакральной семантики с выносными буквами вызвало негативную реакцию Мелетия Смотрицкого и послужило стимулом для создания особого орфографического правила, предостерегающего от использования выносных букв. Это правило воспроизводит без изменения издатель ГМ, что свидетельствует о его несомненной актуальности для справщиков Московского Печатного двора, которые работали с юго-западнорусскими изданиями: «Правѡ писати хотѣ́щемѣ, ѿ сою́зъ писменъ гла́сныхъ сѣ́ соглѡ́сными вѣ́ слѡ́зѣхъ храни́ти ѡ́паснѡ достѡ́итѣ. да ѿмже стрѡ́чнѣ́ полага́емымъ вѣ́ти достѡ́итѣ, верхо́у стрѡ́къ полага́ема не выва́югѣ. іа́кѡ, ѿ вѣ́снѣ́ в мѣ́стѡ ѿ всѣ́. ѿ па́сѣ, в мѣ́стѡ ѿ спа́сѣ преѣ́зынде, в мѣ́стѡ преѡ́зынде. ѿ вѣ́гѣ́, в мѣ́стѡ ѿ къ вѣ́гѣ́» (л. 12 об., 57 об.).

Этому предписанию ГС=ГМ следуют в своей работе редакторы МБ, которые полностью избавляются как от выносных букв, так и от подтитленного написания слов несакральной семантики: стѣ́мѣ́ → стѣ́мѣ́ (01:08), иѣ́ → ѿмѣ́ (15: 06), видѣ́хѡѣ́ → видѣ́хѡѣ́ (02: 12), в доѣ́ → в доѣ́ (02: 26, 05: 19, 08: 26), вѣ́говолиѣ́ → вѣ́говолиѣ́ (01: 11), жениѣ́ → жениѣ́ (02: 20), ѡ́ ѿнѣ́ → ѡ́ ѿнѣ́ (14: 69), ѡ́ мрѣ́выѣ́ → ѡ́ мрѣ́выѣ́ (06: 14), трѣ́пѣ́ ѿ о́жѣ́ → трѣ́пѣ́ ѿ о́жѣ́ (16: 08), лѣ́ѣ́ → лѣ́ѣ́ (05: 25, 09: 21), пеѣ́рѣ́ → пеѣ́рѣ́ (08:29), во́змѣ́ѣ́ → во́змѣ́ѣ́ (06: 08), пилаѣ́ → пилаѣ́ (15: 12), прѣ́ложѣ́ніа → прѣ́ложѣ́ніа (02: 26), свѣ́ѣ́тельство → свѣ́ѣ́тельство (01: 44), ѡ́е → ше́дѣ́ (14:39), вѣ́ граѣ́ → вѣ́ граѣ́ (01: 45, 14: 13), ѣ́ → е́сть (02: 09, 14: 22, 15: 16), чаѣ́ → ча́сѣ́ (06: 35), глаѣ́ → гла́сѣ́ (09: 07), не ѣ́мѣ́цати са → не вѣ́мѣ́цати са (02: 02), домоѣ́ → доѣ́мѣ́ (10:30), вѣ́стаѣ́ → вѡ́стаѣ́ (14: 60), доѣ́деѣ́ → доѣ́деѣ́ (06:

10), рѣ^ѣ → рече^е (06: 24, 09: 39, 10: 38, 14: 24, 14: 62), сътвори^и → сотвори^илъ (10: 06), конѣ^ѣ → конѣць (14: 41), ра^ѣдрѣ сл → ра^ѣдрѣ сл (15: 38) и др.

По сравнению с редакторами **ОБ** никоновские справщики более последовательны в использовании титла для выражения семантической оппозиции «сакральное / профанное». Полное написание слов *Учитель* в значении ‘Иисус Христос’ и *крест* в значении ‘орудие казни Иисуса Христа и символ христианства’ в **ОБ** исправляется в **МБ** на подтитленное: глаша ѣмѣ. о^ѣучителю, не радиши ли ѣко погыбѣемъ; → о^ѣучителю (04: 38), слѣбѣи же гла ѣмѣ. о^ѣучителю, да прозрю → о^ѣучтлю (10: 51), хс, црѣ ѿлѣвъ, да снѣдетъ нѣѣ съ креста → крѣ^ѣа (15: 32).

Напротив, подтитленное написание в **ОБ** слов, не входящих в сакральную сферу, заменено в **МБ** полным, неподтитленным: *мать* ‘термин родства’ (не в значении ‘мать Иисуса Христа, Богородица’): ѣще речетъ <...> м^ѣтри, корвѣнъ, ѣже ѣсть дѣръ ... → м^ѣтери (07: 11); *девица* по отношению к дочери Иродиады (не в значении ‘Пресвятая Дева, Богородица’): рече црѣ двѣци, проси о^ѣ менѣ ѣже ѣще х^ѣцешши → двѣницѣ (06: 22), ѿ принесѣ главѣ ѣго на вѣюдѣ, ѿ дасть ю двѣци, ѿ двѣнца дасть ю м^ѣтери своѣи → двѣницѣ, ѿ двѣнца (06: 28); *царь* ‘правитель’ по отношению к Ироду (не в значении ‘Царь Небесный’): рече црѣ двѣци → царѣ (06: 22), ѿ прискорбевѣ высть црѣ → царѣ (06: 26), ѿ ѣвѣе пославъ црѣ спекулатора → царѣ (06: 27); *человеке* не в значении ‘вочеловечившийся Бог’: сътворю вѣ бѣити ловца ч^ѣкомъ → ч^ѣловѣк^ѣмъ (01: 17), ѿзыди дѣше нечѣстын ѿ ч^ѣка → ч^ѣловѣка (05:08), вѣжѣ ч^ѣкы ѣко дрѣвѣе ходѣше → ч^ѣловѣки (08: 24); ряд других слов несакральной семантики: гл^ѣсомъ → гл^ѣсомъ (05: 07), гла → глагола (08: 29), глахъ → глаголахъ (14: 70), ѿчѣствѣе → ѿтѣчествѣе (06: 01), см^ѣртѣю → см^ѣртѣю (07: 10), д^ни → д^ни (13: 20, 13: 24, 13: 32, 14: 49).

Особую группу составляют исправления, связанные с изменением подтитленного написания: никоновские справщики, сохраняя написание слова под титлом, меняют вид титла (например, простое титло на слово-титло^ѣ →^ѣ и т. п.), а также количество и состав букв в сокращении. Большинство исправлений такого рода свидетельствуют о безусловной приверженности редакторов **МБ** той системе подтитленных написаний, которая утвердилась в изданиях Московского Печатного двора в предшествующий, ио-сифовский, период книжной справы и была зафиксирована в **ГМ**.

В соответствии с **ГМ** при подготовке к изданию **МБ** правятся сокращенные написания слов *Бог*, *Господь*, *Христос* и производных от них: бѣъ → бѣъ (10: 09, 10: 18,

12: 26, 12: 27, 13: 19), $\vec{ба}$ → $\vec{бга}$ (02: 12, 10: 27, 12: 30, 16: 19), $\vec{бе}$ → $\vec{бже}$ (15: 34), $\vec{бви}$ → $\vec{бгови}$ (12: 17), $\vec{гь}$ → $\vec{гдь}$ (02: 28 и далее везде), $\vec{га}$ → $\vec{гда}$ (12: 30, 12: 37), $\vec{гни}$ → $\vec{гдвн}$ (12: 36), $\vec{гш}$ → $\vec{гдш}$ (16: 20), $\vec{гн}$ → $\vec{гдн}$ (07: 28, 09: 24), $\vec{гнь}$ → $\vec{гдень}$ (01: 03), $\vec{гне}$ → $\vec{гдне}$ (11: 09, 11: 10), $\vec{хс}$ → $\vec{хртосъ}$ (08: 29, 12: 35, 14: 61, 15: 32), $\vec{ха}$ → $\vec{хрта}$ (01: 34), $\vec{хва}$ → $\vec{хртова}$ (01: 01). Написания этих слов как $\vec{бгь}$, $\vec{гдь}$, $\vec{хртосъ}$ были заданы в ГМ а) в правиле об употреблении титла: «Титла пишеться сице, ... Бловотитла же сице, ... Оупотребляемъ оубо ꙗ каллиграфъ бываюу, в самыхъ тчюю именехъ, Бжнхъ, ѡ вжней чести сдѣжацихъ: ѡкв, Гдь, Бгь...» (л. 74 об.), б) в парадигмах склонения Гдь (л. 132) и хртосъ (л. 117 об.–118). Если написания $\vec{бгь}$ и $\vec{гдь}$ в ГМ совпадали с ГС (л. 19 об., 73), то слово *Христос* у Мелетия Смотрицкого имело иное оформление – $\vec{хс}$ (л. 56 об.), которое было заменено иосифовскими справщиками на $\vec{хртосъ}$.

Единственным отступлением от предписаний ГМ в МБ было написание имени *Иисус*: в ГС=ГМ, как и в ОБ, было представлено подтитленное написание с одной буквой $\vec{ис}$ (л. 19 об., 56 об., 74 об., 117 об.–118), утратившее актуальность в ходе никоновской книжной sprawy. Правомерность изменения написания имени Иисуса ($\vec{исъ}$ вместо $\vec{исъ}$), имевшего принципиальное значение для раскола русской церкви, никоиане обосновывали ориентацией на греческое правописание (ср. Ἰησοῦς), утверждая, что исправление было внесено в полном соответствии с «грамматическим разумом», который предполагал владение правилами греческой орфографии: «А имя Исусово справили против грамматического разума» (цит. по: [Субботин, 1885: 400], ср. [Афанасий Холмогорский, 1682: л. 184 об.]). Редакторы МБ заменяют подтитленное написание ОБ $\vec{ис}$ на новое $\vec{исъ}$, утвердившееся в результате никоновских реформ: $\vec{ис}$ → $\vec{исъ}$ (01: 09 и далее везде), $\vec{исе}$ → $\vec{исе}$ (01: 25, 05: 07, 10: 47), $\vec{исовн}$ → $\vec{исовн}$ (05: 15, 09: 05, 10: 50, 11: 07, 11: 33), $\vec{исш}$ → $\vec{исш}$ (05: 21, 06: 30), $\vec{исш}$ → $\vec{исш}$ (05: 27, 10: 52), $\vec{исомь}$ → $\vec{исомь}$ (09: 04), $\vec{иса}$ → $\vec{иса}$ (09: 08, 14: 53, 14: 55, 14: 60, 15: 01, 15: 15, 16: 01), $\vec{исово}$ → $\vec{исово}$ (15: 43).

7. Установка редакторов МБ на соблюдение норм ГМ получила реализацию в грамматической справе, которой был подвергнут исходный текст ОБ.

7.1. В позиции И. п. ед. ч. у существительных женского рода с суффиксом **-н-**флексия **-н-**, противопоставлявшая слова этого словоизменительного класса всем остальным существительным женского рода с исходом основы на мягкий согласный, за-

меняется стандартной флексией **-а**: **грѣдыни** → **гордына** (07: 22), **рабыни** → **рабына** (14: 69). Данные исправления, нацеленные на унификацию, в точности соответствуют изменениям, внесенным при подготовке московского издания грамматики М. Смотрицкого, где в парадигме существительного ж. р. с суффиксом **-ын** окончание **-и** было заменено на **-а**: **Самараныни** → **самаранына** (40 об., 103). В том случае, когда в **ГС** были задана вариативность **-и/-а**, вариантная форма на **-и** в **ГМ** была устранена: **Стына, ѿн стыни** → **стына** (41, 103 об.). Такие же замены были произведены справщиками в словах из перечня после парадигмы: **Египтаныни** → **египтанына**, **Смантаныни** → **смантанына** (41, 103 об.); **гордына/ ѿн гордыни** → **гордына**, **Рабына/ ѿн Рабыни** → **рабына**, **мтына/ ѿн мтыни** → **млыстына** (41 об., 104).

7.2. У существительных с исходом основы на мягкий согласный женского рода в позициях Р. п. ед. ч. и И. п, В. п. мн. ч. и мужского рода в позиции В. п. мн. ч. исправлению подвергается флексия **-а(-а)**, которая заменяется на **-и**: **ѿ ѿудѣа** → **ѿ ѿдѣи** (03: 07), **не вѣсте ли прѣтча сеа;** → **прѣтчи** (04: 13), **творите стеса** → **стези** (01: 03), **не ѿмаше земля многи** → **земли** (04: 05), **погубитъ тажатела** → **тажатели** (12: 09). Использование флексия **-а(-а)** во всех рассмотренных позициях порождало грамматическую омонимию: у существительных женского рода форм И. п. ед. ч. = Р. п. ед. ч., И., В. п. мн. ч. (ср. **земля**), у существительных мужского рода – Р. п. ед. ч. (В. п. ед. ч. одушевленных существительных) = В. п. мн. ч. (ср. **тажатела**), которая была преодолена благодаря осуществленной замене флексий **-а(-а)** → **-и**.

Правка **-а(-а)** → **-и** в **МБ** явилась логическим продолжением языковой практики иосифовских справщиков, о чем, в частности, свидетельствуют как исправления в казычных Святах 1646 г. [Сиромаха, 1981: 96, 129], так и рекомендации **ГМ** [Кузьмина, 2012: 198–202]. В **ГМ** в парадигмах существительных женского рода во всех указанных грамматических позициях Михаил Рогов и Иван Наседка устраняют флексию **-а**, кодифицируя вместо нее флексию **-и**, ср. Р. п. ед. ч. **Лдыа** → **лоди**, И.=В.=3. п. мн. ч. **Лдыа** → **лдыи** (39 об., 102); Р. п. ед. ч., И.=В.=3. п. мн. ч. **Самаранына** → **самараныни** (40 об.–41, 103–103 об.); **Стына** → **стыни** (41–41 об., 103 об.–104) и др. Аналогичным образом флексия **-а** устраняется и в **ГМ** в позиции В. п. мн. ч. в парадигмах существительных мужского рода, относящихся ко второму и четвертому скло-

нениям, с исходом основы на мягкий согласный, ср.: *пáстырѧ* → *пáстыри* (63 об., 123 об.), *свидѣтелѧ* → *свидѣтели* (65, 125), *врачѧ* → *врачи* (72 об., 131) и др.

7.3. В позициях Р. п. ед., И., В. п. мн. ч. у существительных ж.р. с исходом основы на -ц исправления осуществляются в том же направлении, что и у существительных на мягкий согласный: редакторы **МБ** избавляются от флексии -ѧ(-а), порождающей грамматическую омонимию с формой И. п. ед. ч. (ср. *ѡвца*), и заменяют ее флексией -ы: *полѣтъ ѡвца ѡтроковица* → *ѡтроковицы* (05: 40), *ѡ смоковница* → *ѡ смоковницы* (13: 28), *и придоша птица* → *птицы* (04: 04), *разыдѣт сѧ ѡвца* → *ѡвцы* (14: 27). Равным образом формы на -ѧ, приводимые М. Смотрицким в качестве вариантов форм с окончаниями -и или -ы в парадигме существительного с исходом основы на -ц, были устранены в **ГМ**: Р. п. ед. ч., И.=3. п. мн. ч. *пѣлници, пѣлница* → *пѣлници*, В. п. мн. ч. *пѣлницы, пѣлница* → *пѣлницы* (37 об.–38, 99 об.–100). В новой парадигме *ѡвца*, включенной иосифовскими справщиками в текст **ГМ**, в Р. п. ед. ч. и И.=3. п. мн. ч. в качестве единственно нормативной фиксируется флексия -и: Р. п. ед. ч. *ѡвци*, И.=3. п. мн. ч. *ѡвци*; в В. п. мн. ч. – флексия -ы: *ѡвцы* (98 об.–99) [Кузьминова, 2012: 198–199].

В позициях Д. п. и М. п. ед. ч. флексия -и правится в **МБ** на -ѣ: *рече црѣ двци* → *двциѣ* (06:22), *сѣдѣца на мытници* → *на мытнициѣ* (02: 14), *на възглавници* → *на възглавнициѣ* (04: 38), *в темници* → *в темнициѣ* (06: 28). Такая же правка -и → -ѣ вносится московскими справщиками в юго-западнорусские богослужебные книги [Сиромаха, 1981: 106–107] и **ГС** [Кузьминова, 2012: 202–203]. В Д. п. и М. п. ед. ч. в парадигме существительных женского рода с основой на -ц кодифицированная М. Смотрицким флексия -и заменяется Михаилом Роговым и Иваном Наседкой на -ѣ: *пѣлници* → *пѣлнициѣ* (37 об., 100). Флексия -ѣ также фиксируется в качестве единственно нормативной в Д. п. и М. п. ед. ч. и в новой парадигме, включенной издателями в текст **ГМ**: *ѡвциѣ* (98 об.).

7.5. В грамматической позиции М. п. мн. ч. у существительные мужского и среднего рода с исходом основы на твердый согласный в Евангелии от Марка **ОБ** варьируются два окончания – -ѣхъ (7 примеров) и -ехъ (4 примера): -ѣхъ – *въ прѣдѣхъ* (01: 02), *ѡ чреслѣхъ* (01:06), *в мѣстѣхъ* (01: 45), *въ гробѣхъ* (05: 03, 05: 05), *ѡ*

хлѣбѣхъ (06: 52), на ѡдрѣхъ (06: 55), на ѡблацѣхъ (13: 26); -ехъ – в сѣлехъ (05: 14), въ ѡкрѣстныхъ сѣлехъ (06: 36), ѡ вась лицемѣрехъ (07: 06), въ всѣхъ ѡзыцехъ (13: 10). Такая же вариативность, но при количественном преобладании флексии -ехъ (-ехъ 4 примера, -ѣхъ 1 пример), в данной позиции характерна и для форм существительных среднего рода с суффиксом -ес-: на нѣсехъ (11: 25, 11: 26, 12: 25, 13: 25), ѡ словесѣхъ (10: 24).

Немотивированное варьирование окончаний -ѣхъ и -ехъ в ОБ преодолевается редакторами МБ посредством правки -ехъ → -ѣхъ: в сѣлехъ → в сѣлѣхъ (05: 14), въ ѡкрѣстныхъ сѣлехъ → сѣлѣхъ (06: 36), ѡ вась лицемѣрехъ → лицемѣрѣхъ (07: 06), въ всѣхъ ѡзыцехъ → ѡзыцѣхъ (13: 10), на нѣсехъ → на нѣсѣхъ (11: 25, 11: 26, 12: 25, 13: 25).

В результате внесенных исправлений в МБ достигается дифференциация указанных флексий, имеющая фонетическую и словообразовательную мотивацию: в зависимости от качества конечного согласного основы и словообразовательных особенностей. За формами существительных мужского и среднего рода с исходом основы на твердый согласный и среднего рода с суффиксом -ес- закрепляется флексия -ѣхъ, в то время -ехъ сохраняется лишь у существительных с исходом основы на мягкий согласный, ср.: въ ѡнѣхъ днѣхъ → днѣхъ (01: 09), по днѣхъ → по днѣхъ (02: 01).

Рассмотренные исправления -ехъ → -ѣхъ согласуются с языковой практикой справщиков предшествующего, иосифовского, этапа книжной справы, отраженной в ГМ. В данной грамматической позиции изменения, внесенные иосифовскими справщиками ГМ в парадигматику, свидетельствуют от общей тенденции к расширению функционирования флексии -ѣхъ. В трех парадигмах существительных с исходом основы на твердый согласный в ГМ устраняется представленная в ГС вариативность -ехъ / -ѣхъ и в качестве единственно допустимого сохраняется только окончание -ѣхъ: ѡрмѣхъ, ѡ ѡрмѣхъ → ѡрмѣхъ (44, 106 об.), вѡнне^х, ѡ вѡннѣхъ → вѡннѣхъ (44 об., 107), грѣсе^х, ѡ грѣсѣхъ → грѣсѣхъ (47 об., 110). Также в результате правки -ехъ → -ѣхъ флексия -ѣхъ распространяется в ГМ на существительные мужского рода с суффиксом -ан(ин)- и среднего рода с суффиксом -ес-, а также на «стероклиты»: снѣхъ, ѡнѣхъ → снѣхъ, ѡнѣхъ снѡвѣхъ (50 об., 113 об.), словесѣхъ → словесѣхъ (53, 116 об.), Ринмлѣнѣхъ → ринмлѣнѣхъ (54, 117 об.), дѡмѣхъ → дѡмѣхъ (57 об., 118

об.), $\delta\check{\text{ч}}\text{е}\check{\text{с}}\text{ѣ}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}} \rightarrow \delta\check{\text{ч}}\text{е}\check{\text{с}}\check{\text{ѣ}}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ (59, 119 об.). Окончание же $-\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}(-\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}})$ ГМ предписывает существительным мужского рода на мягкий согласный: $\text{п}\check{\text{а}}\text{с}\check{\text{т}}\text{ы}\text{р}\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$, $\text{с}\text{в}\check{\text{и}}\text{д}\check{\text{ѣ}}\text{т}\text{е}\check{\text{л}}\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$, $\text{х}\text{о}\check{\text{д}}\check{\text{а}}\text{т}\text{а}\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$, $\text{і}\text{е}\text{р}\text{ѣ}\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$, $\text{м}\text{р}\check{\text{а}}\text{в}\text{і}\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ $\text{д}\text{р}\text{е}\text{в}\text{о}\text{д}\check{\text{ѣ}}\text{л}\text{е}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ (123 об., 125, 125 об., 126 об., 127, 129 об.).

Особого внимания в Евангелии от Марка МБ заслуживает случай a -экспансии, явившийся результатом правки $-\text{ы}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}} \rightarrow -\text{а}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ в форме существительного среднего рода с исходом основы на $-\text{ц}$: $\text{ѣ}\check{\text{с}}\check{\text{р}}\check{\text{ц}}\text{ы}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}} \rightarrow \text{ѣ}\check{\text{с}}\check{\text{р}}\check{\text{ц}}\text{а}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ (02: 06, 02: 08). Это исправление никоновских справщиков примечательно тем, что оно идентично исправлению, внесенному иосифовскими справщиками в парадигму слова $\text{сѣ}\check{\text{р}}\text{д}\check{\text{ц}}\text{е}$ в ГМ: $\text{сѣ}\check{\text{р}}\text{д}\check{\text{ц}}\text{и}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}} \rightarrow \text{сѣ}\check{\text{р}}\check{\text{ц}}\text{а}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ (49 об., 112 об.).

7.6. В позиции И. п. мн. ч. м. р. в формах членных действительных причастий в ОБ варьируются флексии $-\text{ѣи}$ и $-\text{еи}$, ср. $\text{п}\text{а}\text{с}\check{\text{х}}\check{\text{ѣ}}\text{и}$ (05: 14) и $\text{п}\text{л}\text{а}\check{\text{ч}}\check{\text{ѣ}}\text{и}$ (05: 38). Редакторы МБ преодолевают немотивированную вариативность, заданную в исходном тексте, отказываясь от флексии $-\text{еи}$: $\text{кн}\check{\text{ѣ}}\text{ж}\text{н}\text{и}\text{ц}\text{ы}$ $\text{ѣ}\text{ж}\text{е}$ $\text{ѣ}\check{\text{і}}\text{е}\check{\text{р}}\check{\text{л}}\check{\text{и}}\text{м}\text{а}$ $\text{н}\text{и}\check{\text{з}}\check{\text{ш}}\check{\text{е}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{ш}\text{еи}$ $\rightarrow$ $\text{н}\text{и}\check{\text{з}}\check{\text{ѣ}}\check{\text{ш}}\check{\text{е}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{ш}\text{ѣи}$ (03: 22), $\text{с}\check{\text{л}}\check{\text{ы}}\check{\text{ш}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{еи}$ $\text{с}\check{\text{л}}\text{o}\text{в}\text{o}$ $\rightarrow$ $\text{с}\check{\text{л}}\check{\text{ы}}\check{\text{ш}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{ѣи}$ (04: 18), $\text{п}\text{л}\text{а}\check{\text{ч}}\check{\text{ѣ}}\text{и}$ $\rightarrow$ $\text{п}\text{л}\check{\text{а}}\text{ч}\check{\text{ѣ}}\text{и}$ (05: 38), $\text{п}\text{р}\text{и}\check{\text{ш}}\check{\text{е}}\text{ш}\text{еи}$ $\text{ѣ}\check{\text{і}}\text{е}\check{\text{р}}\check{\text{л}}\check{\text{и}}\text{м}\text{а}$ $\rightarrow$ $\text{п}\text{р}\text{и}\check{\text{ш}}\check{\text{е}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{ш}\text{ѣи}$ (07: 01), $\text{п}\text{р}\check{\text{е}}\check{\text{д}}\check{\text{х}}\text{o}\check{\text{д}}\check{\text{а}}\text{ш}\text{еи}$, $\text{ѣ}\check{\text{в}}\check{\text{с}}\check{\text{л}}\check{\text{ѣ}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{г}\check{\text{р}}\check{\text{а}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{и}$, $\text{в}\check{\text{ѣ}}\text{п}\check{\text{л}}\check{\text{а}}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ $\rightarrow$ $\text{п}\text{р}\check{\text{е}}\check{\text{д}}\check{\text{х}}\text{o}\check{\text{д}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{ѣи}$, $\text{г}\check{\text{р}}\check{\text{а}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{и}$ (11: 09), $\text{с}\check{\text{ѣ}}\text{т}\check{\text{в}}\text{o}\check{\text{р}}\check{\text{и}}\text{ш}\text{а}$ $\text{з}\check{\text{н}}\check{\text{ѣ}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{и}$ $\rightarrow$ $\text{з}\check{\text{н}}\check{\text{ѣ}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{и}$ (12: 10), $\text{м}\text{и}\text{м}\text{o}\check{\text{х}}\text{o}\check{\text{д}}\check{\text{а}}\text{ш}\text{еи}$, $\check{\text{х}}\check{\text{ѣ}}\text{л}\check{\text{а}}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ $\text{е}\text{г}\text{o}$ $\rightarrow$ $\text{м}\text{и}\text{м}\text{o}\check{\text{х}}\text{o}\check{\text{д}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{ѣи}$ (15: 29). В результате устранения флексии $-\text{еи}$ в МБ устанавливается единая форма И. п. мн. ч. м. р. с показателем $-\text{ѣи}$, общая для прилагательных и причастий. Данная унифицирующая лингвистическая установка справщиков полностью соответствует кодификации, произведенной Мелетием Смотрицким (и воспроизведенной без изменений в ГМ), который в позиции И. п. мн. ч. м. р. предписывает и для прилагательных, и для причастий единственную нормативную флексию $-\text{ѣи}$: $\text{с}\check{\text{т}}\check{\text{ѣи}}$, $\text{н}\check{\text{ѣи}}$, ѣи , ѣи , ѣи (л. 75, 78, 183 об., 185 об.; 133 об., 137 об., 264 об., 266).

7.7. Флексии Д. п. мн. ч. членных действительных причастий и прилагательных с исходом основы на шипящий были подвергнуты правке $-\text{имѣ}$ $\rightarrow$ $-\text{ымѣ}$: $\text{д}\text{а}\text{т}\check{\text{ѣ}}$ ѣ $\text{с}\check{\text{о}}\check{\text{у}}\check{\text{щ}}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ с $\text{н}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ $\rightarrow$ $\text{сѣ}\check{\text{щ}}\text{ы}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ (02: 26), $\text{o}\check{\text{ѣ}}\text{г}\text{o}\check{\text{ж}}\check{\text{ѣ}}\text{ш}\text{и}$ $\text{ѣ}\text{р}\text{o}\text{д}\text{o}\text{в}\text{и}$, ѣ $\text{в}\check{\text{ѣ}}\check{\text{з}}\check{\text{л}}\check{\text{е}}\check{\text{ж}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ с $\text{н}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ $\rightarrow$ $\text{в}\text{o}\check{\text{з}}\check{\text{л}}\check{\text{е}}\check{\text{ж}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{ы}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ (06: 22), $\text{o}\check{\text{ѣ}}\text{ч}\check{\text{н}}\text{ц}\text{ы}$ $\text{ж}\text{е}$ $\text{п}\text{р}\check{\text{ѣ}}\check{\text{б}}\check{\text{ѣ}}\check{\text{а}}\check{\text{а}}\check{\text{х}}\check{\text{ъ}}$ $\text{п}\text{р}\text{и}\text{н}\text{o}\check{\text{с}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ $\rightarrow$ $\text{п}\text{р}\text{и}\text{н}\text{o}\check{\text{с}}\check{\text{а}}\text{ц}\text{ы}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ (10: 13), $\text{в}\check{\text{ѣ}}\check{\text{з}}\check{\text{в}}\check{\text{ѣ}}\text{ст}\text{ѣ}$ с $\text{н}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ $\text{ѣ}\text{в}\check{\text{ѣ}}\text{ш}\text{н}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ $\rightarrow$ $\text{ѣ}\text{в}\check{\text{ѣ}}\text{ш}\text{ы}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ (16: 10), $\text{з}\check{\text{н}}\check{\text{а}}\text{м}\text{ѣ}\text{н}\text{і}\text{а}$ $\text{ж}\text{е}$ $\text{в}\check{\text{ѣ}}\text{р}\text{o}\text{в}\text{а}\text{в}\text{ш}\text{н}\text{и}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ $\text{с}\check{\text{ѣ}}$ $\text{п}\text{o}\check{\text{с}}\check{\text{л}}\check{\text{ѣ}}\check{\text{д}}\check{\text{ѣ}}\text{ѣ}\text{т}\check{\text{ѣ}}$ $\rightarrow$ $\text{в}\check{\text{ѣ}}\text{р}\text{o}\text{в}\text{а}\text{в}\text{ш}\text{ы}\check{\text{м}}\check{\text{ѣ}}$ (16: 17). Существенно при этом, что, заменяя в конструкции «дательный самостоятельный» именные

плюральные формы членными, московские редакторы также используют в них исключительно флексию **-ымъ** (см. далее 7.8).

Тем самым в **МБ** получает последовательную реализацию норма, кодифицированная в **ГС=ГМ**. М. Смотрицкий предписывал использовать орфографическую оппозицию **и – ы** для разграничения омонимичных форм действительных причастий Т. п. ед. ч. м. и с. р. // Д. п. мн. ч. м., с., ж. р.: «Творіте^{а̇}, єдинствє^{а̇}, на, и. дѣтелныи, мно́жественныи, на, ы» (ГС л. 185, ГМ л. 265 об.): **вѣ́оцимъ // вѣ́оциымъ, вѣ́вшимъ // вѣ́вшимъ**, (183 об., 185–185 об.; 264–264 об., 266). Вместе с тем в метаязыке **ГС** эта норма была нарушена: **и** употреблялась М. Смотрицким и во флексиях плюральных форм. Московские редакторы **ГМ** не только исправляют ошибочные написания **и** → **ы** в описательной части грамматики: **составляюци^и → составляюциымъ** (173 об., 251), **сѣ́цимъ → соѣ́циымъ** (207 об., 295 об.), **лѣ́квнѣюци^и → лѣ́квнѣюциымъ** (213, 302), **зрѣ́ци^и → зрѣ́циымъ** (213 об., 302 об.), **гѣ́юци^и → гѣ́юциымъ** (221, 310), **мнѣ́цимъ → мнѣ́циымъ** (226 об., 316 об.), но и особо оговаривают нормативность **ы** во флексиях Д.п. мн.ч. причастий в орфографическом правиле, посвященном этой букве. Они дополняют исходный текст правила М.Смотрицкого соответствующим предписанием и перечнем форм причастий, в окончаниях которых в соответствии с нормой **ГС=ГМ** с целью снятия грамматической омонимии используется **-ы** (л. 183 об.–184 об.).

В **МБ** никоновские справщики экстраполируют рекомендации **ГМ** также на формы Д. п. мн. ч. членных прилагательных и сходом основы на шипящий, в которые вносят аналогичные исправления **-имъ → -ымъ**: **ни́цимъ → ни́циымъ** (10: 21, 14: 05).

7.8. В ходе справки **МБ** все именные формы причастий множественного числа в конструкции «дательный самостоятельный» заменены членными: **не могѣ^ие^и приближити сѧ к немѣ → не могѣциымъ** (02: 04), **и славити бѧ, глѣоциемъ, ѡко николиже тако видѣхо^и → глѣоциымъ** (02: 12), **изшешемъ ѡмъ ѡс кораблѧ → изшедшимъ** (06: 54), **възлежащемъ имъ ѡ ѡдѣщемъ, рече ѡс → возлежащимъ, ѡдѣциымъ** (14: 18), **ѡдѣциемъ ѡмъ → ѡдѣциымъ** (14: 22). Внося данные исправления в причастные формы, московские справщики следуют рекомендациям **ГМ**, которая в данном пункте совпадала с **ГС**. В грамматике форма причастия в конструкции «дательный самостоятельный» специально не оговаривается, однако в примерах, иллюстрирующих ее употребление в разделе «ѡ дѣтелномъ со глѣомъ самостоятелно^и», в

единственном числе была задана именная форма: «Бѣ̄ дѣицѣ̄ зѣвнѣсть ничтѣ̄ же оѣспѣвѣетъ», а во множественном – членная: «Зрѣцимъ̄ ѣмъ̄ взѣтъса» (л. 302–302 об.) (в ГС с флексией -и^а Зрѣци^а) (л. 213 об.).

7.9. В результате никоновской книжной справки под влиянием греческих языковых моделей происходит расширение сферы употребления родительного падежа. В частности, родительный падеж становится нормативным в тех конструкциях, где ранее в соответствии со строгой нормой церковнославянского языка употреблялся дательный применной. Никоновские справщики последовательно заменяют дательный применной падеж родительным: во вѣки вѣкѣмъ ⇒ во вѣки вѣкѣмъ, вѣнѣцъ лѣтъ ⇒ вѣнѣцъ лѣтъ, воскресѣнїе мѣртвѣмъ ⇒ воскресѣнїе мѣртвѣхъ и т. п. [Успенский, 2002: 451]. При этом в обосновании правомерности своих исправлений они ссылаются на шестое правило синтаксического раздела грамматики Мелетия Смотрицкого (ГС=ГМ) «ѡ родителномъ сѡ ѣменемъ. гла̄, бѣ̄. ѡ двоѡ сѣществителнѣ. правило, ѡ», согласно которому определяющее ставится в родительном падеже: «Двоѡ сѣществителнѣ различныхъ вещей стѣкающѣса, дрѣгоѣ ихъ в родителномъ полагаемо вывати ѡбыче; ѣкѡ, ѡтѣцъ воудѣцагѡ вѣка» (л. 197 об.; л. 283 об.). Такую ссылку мы находим, в частности, у Епифания Славинецкого в его «Правилах на отмены речений святого символа», где, оправдывая исправление в Символе веры *Творца небу на Творца небесе*, он цитирует данное правило ГС=ГМ: «творца нѣсе и земли. Снце написа са, по правилѣ греческомѣ ѡбѡ и славенскомѣ же глаголемѣ снце: двоѡ сѣществителнѣ различныхъ вещей стѣкающѣса, дрѣгоѣ тѣхъ в родителномъ полагаемо вывати ѡбыче: ѣкѡ оѣцъ вѣдѣцагѡ вѣка. снце творца нѣсе инакѡ же превѣдши избѣдиша из пѣти обоѡ правилѣ» (цит. по [Гезен, 1884: 126–127, [Сиромаха, 1981: 45]).

Эта же правка *дательный применной* → *родительный применной* проведена и в рассматриваемом Евангелии от Марка МБ: *храмъ мѣтѣвѣ наречет са всѣмъ ѣзыкомъ* → *мѣтѣвы* (11: 17), *ѡ начѣла сѣздѣнїю* → *создѣнїѣ* (13: 19).

8. Сопоставление нормативных представлений редакторов МБ, реализованных в процессе книжной справки, с системой орфографических и грамматических норм, кодифицированных ГМ, позволяет заключить, что никоновская библейская справка, в точности соответствовавшая предписаниям ГМ, в которой был обобщен опыт языковой нормализации иосифовских справщиков, в своих основных направлениях явилась продолжением практи-

ки предшествующего этапа книжной sprawy. Это в свою очередь дает основание для того, чтобы скорректировать хронологические рамки реформы церковнославянского языка, которую исследователи как истории русского языка, так и истории русской церкви традиционно связывают «с началом книжных реформ патриарха Никона» и относят ко второй половине XVII в. [Успенский, 2002: 433], ср. [Желтов, Правдолюбов, 2000: 492–508]. Реформа, изменившая облик церковнославянского языка, была начата иосифовскими справщиками в 1640-е гг., ее основы были заложены на предшествующем этапе книжной sprawy при патриархе Иосифе.

Список литературы

- Автокротова М.И., Долгова С.Р.* К истории издания и распространения первой Московской Библии // Федоровские чтения – 1981. М., 1985. С. 168–171.
- Алексеев А.А.* Место Острожской Библии в истории славянского текста Священного Писания // Острожская Библия: Сб. статей. М., 1990. С. 48–73.
- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России. СПб., 1889.
- [Афанасий, архиепископ Холмогорский].* Увет духовный. М., 1682.
- Белокуров С.А.* Арсений Суханов. М., 1891.
- Булич С.К.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893.
- Гезен А.* История славянского перевода символов веры: Критико-палеографические заметки. СПб., 1884.
- Добровский Й.* Грамматика языка славянского по древнему наречию. СПб., 1833–1834.
- Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской библии. СПб., 1911.
- Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
- Желтов М.С., Правдолюбов С.* Богослужение Русской православной церкви // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 492–508.
- Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1–2. М., 1993.
- Крылов Георгий (протоиерей).* Книжная справа XVII века. Богослужебные Минеи. М.: Индик, 2009.
- Кузьмина Е.А.* Грамматический сборник 1620-х гг. / Изд. и исследование Е. А. Кузьминовой // AION-Slavistica: Annali dell' Instituto Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell' Europa orientale. Sezione "Slavistica". Quad. № 1. 2002.
- Кузьмина Е.А., Литвинюк Е.Е.* Епифаний (Славинецкий) // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 552–556.
- Кузьмина Е.А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
- Кузьмина Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.

- Кузьмина Е.А. Книжная справа // Православная энциклопедия. Т. XXXVI. М., 2014. С. 122–134.
- Кузьмина Е.А. «Лексикон» Памвы Берьнды как источник Грамматики 1648 г. // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 17. М., 2016. С. 3–12.
- РГАДА. Ф. 1182 «Приказ книг печатного дела». Кн. 60–64.
- Сиромаха В.Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале склонения существительных): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. VII. М., 1885.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Хан Ч.Х. Острожская Библия 1581 г.: направления книжной справки новозаветных книг: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Цуркан Р.К. Славянский перевод Библии: происхождение, история текста, важнейшие издания. СПб., 2001.
- Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.
- Щепкин В.Н. Русская палеография: Учеб. для студентов вузов. 3-е изд., доп. М., 1999.
- Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.
- Dobrowsky J. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris.

Сведения об авторе: Кузьмина Елена Александровна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: elenk2002@mail.ru.

В.В.Каверина, Ван Сяоси

СТАՇОВЛЕНИЕ НОРМ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДВОЙНЫХ СОГЛАСНЫХ В ОТГЛАГОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII–XIX ВВ.

В статье рассматриваются сложные вопросы современной русской орфографии (употребление *н* и *nn* в отглагольных прилагательных и причастиях) в историческом аспекте. На обширном материале грамматических сочинений и текстов прослеживается тенденция формирования орфографических норм вплоть до настоящего времени. Материалом послужили «Ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», памятники деловой письменности, грамматические сочинения и словари XVII–XIX вв.

Ключевые слова: история русского письма, правописание отглагольных прилагательных и причастий, кодификация правописания.

The article focuses on the serious questions of modern Russian orthography (the use of the single or double «н» in verbal adjectives and participles) diachronically. Vast material, namely grammar books and texts including letters, newspapers etc., is used to show the formation of spelling standards in the right perspective. The material is taken from “Vedomosti”, “Sankt-Peterburgskie Vedomosti”, “Moskovskie Vedomosti”, legal records, grammars and dictionaries of 17th-19th cc.

Key words: The history of Russian orthography, Spelling participles and verbal adjectives, standardization of spelling.

Возникновение долгих согласных звуков в фонетической системе русского языка в древнерусский период отражалось на письме ростом числа удвоенных согласных. Многочисленные написания удвоенной *н* в причастиях фиксирует Б.И. Осипов в памятниках XV в., отмечая при этом, что «такие написания встречаются иногда и в XIV в., а еще раньше, в эпоху существования редуцированных, в памятниках традиционного содержания время от времени удваивается адективный суффикс *-ьн-*. Но именно с XV в. удвоенные написания входят в моду» [Осипов, 1992: 91]. Говоря о природе таких написаний в причастиях, Осипов выдвигает ряд гипотез, в частности о графической аналогии со словами типа истинный, «получившими [nn] в произношении после падения редуцированных и отвердения конечной фонемы корня в результате ассимиляции, а удвоенную

нн на письме – после утверждения безъероных написаний суффиксов», или о «наличии такой аналогии в живом языке» [Осипов, 1992: 91]. Исследователь отмечает устойчивость *-нн-* в причастиях в первых печатных книгах XVI в. [Осипов, 1992: 112].

Вместе с тем орфография многозначных отглагольных образований в памятниках XVI–XVII вв. демонстрирует нестабильность. Так, прилагательное *береженный* в значении ‘обеспечивающий сохранность’ пишется обычно с двумя *н*: «*И такие составы по статьямъ, кои же особно доведется ихъ гораздо въ береженномъ мѣстѣ, а не въ холодномъ или въ мочливомъ мѣстѣ... накрѣпко берчи.* Устав ратных д. I, 233. XVII в.» [Словарь XI–XVII, I: 143]. Однако в составе устойчивого словосочетания *береженная грамота* ‘грамота об охране неприкосновенности частной собственности и о защите прав кого-л.’ в данном слове употребляются одна или две *н*: «*И намъ бы его, Васку Шюмалкина, пожаловать, велѣть дать береженную грамоту, чтобъ его вотчинишко сторонние люди насилствомъ не ходили и бортей не драли, и льсу не съкли.* Арх. Стр. I, 542. 1576 г. *Бояре приговорили Резанского уѣзду черные слободы крестьяномъ дати береженую грамоту, что-бъ имъ отъ стояльщиковъ, отъ дворянъ, и отъ дѣтей боярскихъ и тотъ всякихъ людей, насильства и обидъ никакова не было, и дворовъ не обжигали.* А. подмоск., 17. 1611г.» [Словарь XI–XVII, I: 143].

Подобная вариативность отмечена в орфографии слова *названный* в значении ‘тот или та, с кем побратались, кого назвали братом или сестрою по особому к ним расположению’: «*Или съблужду с названными сестрами или с ѡхвоню сestroю или прелюбодѣйство сътворю с ыными женами.* Требник, 66. XVI в. *А тотъ де Климка братъ мнѣ названной.* Сл. и д. I, 238. 1650 г. [*Богатыри*] *называютъца братьями названными.* Пов. Мих. Поэт., 50. XVII в.» [Словарь XI–XVII, X: 90–91]. Однако в устойчивых словосочетаниях *названный сынъ*, *названная дочь* (‘приемный сын, приемная дочь’), а также *названный отецъ*, *названная мать* (‘отец, мать, воспитывающие приемных детей; не родной отец, не родная мать’) уже в этот период устанавливается написание с одной *н*: «*На Янке Павлове да на сыне ево названомъ на Ондрюшке 3 рубли.* Кн. прих.- расх. Синб., 13. 1667 г. *Пригъзжалъ къ везиру названой ево отецъ.* Ст. сп. Милосл., 97. 1642 г.» [Словарь XI–XVII, X: 90–91]. Так же пишется и прилагательное *званный* (‘приглашенный в гости’): «*Аще... лучитца... званои или избранои члѣкъ... ино... из одное бочки... пятъ*» *оловоников меду нацидят.* Дм., 122. XVI в. *Егда придут на пиръ вси людие званые гости и*

отѣцъ твои» *сядет в мѣсте свое*» *ты же сяди против отца своего*. Ист. семи мудр., 241. XVII в.» [Словарь XI–XVII, V: 344–345].

В указанный период устанавливается также орфография прилагательного *приданный* в значении ‘полученный в качестве приданого, составляющий приданое’: «*Вымѣниль есми у Олеши у Офонасьева его жеребей Ухтомы Терентьевскую землю приданую со всѣмъ и съ лѣсы и съ пустошьми и съ пожнями*. АЮБ II, 480. 1479 г. *А въ тѣхъ есми денгахъ заложиль у Некраса у Бронникова свою отчину приданую, что есми ее взялъ за сваю женою за Домною*. АОБ I, 223. 1561 г. *А с ними тестъ блѣгословляет дочеръ свою образы, платьем, суды, перстни, вотчину, приданые люди*. Дм. (Свад.), 193. XVI–XVII вв.» [Словарь XI–XVII, XIX: 140]. То же можно сказать и об отглагольном прилагательном *ветренный* (‘подверженный действию ветра’): «*Въ лодияхъ спящии быстриною и вѣтрѣмъ о себѣ вносимъ въ пристанища и вѣтрѣная мѣста въходятъ*. Златоостр., 65. XII в.» [Словарь XI–XVII, II: 125]. Очевидно, что данные слова уже утратили значение признака по действию.

Напротив, прилагательное *деланный* – ‘выделанный, обработанный (о шкуре)’, сохраняющее связь с исходным глаголом, демонстрирует вариативность орфографии: «*5 бобровъ темнокарихъ дѣланныхъ*. Кн. прих.-расх. Каз. пр., 56. 1614 г. *Да Бахусу на штаны у него-жѣ куплено 2 волка дѣланые*. Док. моск. театра, 73. 1676 г.» [Словарь XI–XVII, IV: 204]. Однако тесно связанное с глаголом прилагательное *вареный* пишется с одной *н* во всех значениях: ‘вареный (о пище)’ – «*шесть яицъ вареныхъ*»; ‘кипяченный’ – «*вареную воду, пияше*»; ‘обработанный кипячением’ – «*шолкомъ сырцомъ и варенымъ*» [Словарь XI–XVII, II: 19].

Особый интерес представляет написание омонимичных причастий и прилагательных. Так, в причастии *писанный* (‘написанный’) употребляется двойное *н*: «*И тѣ свиточки писанные... емлютъ съ письмами и относятъ къ... архимариту*. (Тел. солов. ин.) Суб. Мат. III, 56. 1666 г.» [Словарь XI–XVII, XV: 51]. В значении ‘раскрашенный (кистью)’ наблюдается вариативность: «*Развее одинаг<о> писаннаг<о> платка [т. е. антиминса] не достойтъ прати, не творя в том грѣха*. (Вопр. Кирика) Правила, 21. XVI в. *Четыре свѣчи деревянныхъ писаные*. ДАИ X, 201. 1682 г.» [Словарь XI–XVII, XV: 51]. А в значении ‘записанный, включенный в список чего-л.’ употребляется только одна *н*: «*И [воеводы]... псковския посадикия стрелъцы писаныя на том же месте поставиши, идеже... приступу быти*. Пов. прихож. на Псков, 142. XVII в. ~ XVI в.» [Словарь XI–XVII, XV: 51]. Такое же написание наблюдается в прилагательном со

значением ‘писчий, предназначенный для письма’: «Десять листовъ бумаги писаной нѣмецкой. Заб. Дом. быт. II, 616. XVII в. За два листа писаныхъ нѣмецкихъ и русскихъ – шестнадцать алтынѣ. Там же, 617» [Словарь XI–XVII, XV: 51]. Кроме того, одна *n* закрепляется в устойчивом сочетании *по писаному* – ‘так, как написано в священном писании’: «Гѣмъ подобаетъ мѣсть и судъ положити на умѣ, стяжи по суду раздаяти же въ милостыню по писаному. Пролог (БАН), 94 об. XIV в.» [Словарь XI–XVII, XV: 51].

Подобная ситуация наблюдается в орфографии причастия и прилагательного *реченный*. В причастии со значением ‘оговоренный, условленный’ пишется двойное *n*: «Да будетъ случится, что платежь денежный не поспѣетъ на реченный срокъ, и имъ мѣсяць времени въ терпѣнии пребыти. Устав ратных д. II, 53. XVII в.» [Словарь XI–XVII, XXII: 150–151]. В значении ‘названный, вышеупомянутый, о котором шла речь’ наблюдается вариативность: «Аще ли обряцють с(я)етери от тѣхъ дѣръзнувшие, или къмети, или простыхъ людии подвигы... съдѣявшие... воевода от реченаго урока княжа да подаетъ (εἰρηένον). (Экл. XVIII) Зак. суд. люд., 180–181. XIII–XIV вв. (1204): Бысть же сиа наовая Далида своему кралоу. Реченный же краль Родославъ, уведѣвъ же сиа, избѣгъ, приходитъ къ святому архиепископу. Ник. лет. X, 45. Коли реченное дружеское дѣло конецъ приметъ, не мogle борзѣе посолства учинити развѣе нынѣ, занже реченный князь маистръ конецъ дѣломъ добрыми и честными уряды уложити можетъ. Прус. д. 10. 1517 г.» [Словарь XI–XVII, XXII: 150–151]. Вариативность обнаруживается и в значении ‘сказанный’: «Да събудетъ ся реченое Исаимемъ пророкъмъ (το ρηθέν). (Матф. VIII, 17) Остр. ев., 63. 1057 г. Гадание разумѣвается притчею реченное слово, еже есть сокровен глаголь. Алф., 50 об. XVII в.» [Словарь XI–XVII, XXII: 150–151]. А в значении ‘назначенный’ пишется только одна *n*: «Иди же въ црквѣи помози ся прилѣжно; сяди ту, и иже вѣлѣзеть прѣвое, съ есть речении еи от Гѣ (в греч. ἀποσταλείς “посланный”). Патерик Син., 337. XI в.» [Словарь XI–XVII, XXII: 150–151]. Данное слово с одной *n* употребляется также в значении существительного (‘то, что сказано; сказанные кем-л. слова’): «Събысть же ся о немъ Христова апостола Павла реченое: мнѣ отмщение и азъ въздамъ мечь, глаголетъ Господь. Пов. убиен. Батяя, 114. XVI в. ~ XV в. [Словарь XI–XVII, XXII: 150–151].

В значении существительного употребляется также слово *раненый* («послѣ того раненой сдался. ДАИ VII, 11. 1676 г.»), написание которого с одной *n* очень стабильно не только в этом значении, но и в исходном

причастии: «*Раненымъ людемъ стрѣлянымъ или съченымъ*. Травник Любч., 292. XVII в. ~ 1534 г.» [Словарь XI–XVII, XXI: 272]. Такая же орфография закрепляется и в существительном *суженое* – ‘то, что принято в результате обсуждения’: «*Паче судить лучшее и бываетъ судъ, таче совѣщаваетъ и любить еже отъ свѣта суженое, и бываетъ воля. Аще бо судит и не приложится ко суженому, рекше любитъ его, не глаголется воля (τό κρίν... πρὸς τό κρίν)*. Варлаам и Иоасаф. 170. XVI в. ~ XI–XII вв.» [Словарь XI–XVII, XXVIII: 281]. Одна *n* пишется и в другом значении – ‘то, что определено судом, судебным решением’: «*Суженое, положеное дати: холопа, робу, должника, поручника, татя, разбоиника, душегубца... выдати по исправе*. Дух. и дог. гр., 30. XV в. ~ 1382 г.» [Словарь XI–XVII, XXVIII: 281]. Написание с одной *n* закрепляется также в прилагательном и существительном *бешенный*, давно утратившем связь с глаголом [Словарь XI–XVII, XXVIII: 183].

Особый интерес представляет слово *смышленный*, которое, несмотря на деэтимологизацию, нередко пишется с двумя *n*, даже в краткой форме: «*Власть бо очи смышленныхъ ослѣпляетъ*. (Сл. св. отец о славе мира сего) Пон. III, 83. XVII в. ~ XIV в. (1612). *Она бо есть премудра и смышленна, дерзновенна жъ и без(с)трашна, яко к тому есте рожденна, еже ей сердце царево укрочати*. Артакс. действо, 23. 1672 г. *Смышленная слова – умозаклучения, доказательства*. Гр. Наз., 64. XI в.» [Словарь XI–XVII, XXV: 234].

Нетрудно заметить, что вариативность наблюдается в отглагольных образованиях, сохраняющих в своем значении отношение к действию. В том же случае, когда этимология слова становится неясной, закрепляется написание с одной *n*.

Правописание одной и двух *n* – одно из редких орфографических правил, сформулированных еще М. Смотрицким в кратком разделе орфографии очень ясно и однозначно. В соответствии с рекомендациями грамматики следует писать в имени *nn*, а в причастии – *n* (*странный, законный, истинный*, но: *читанный, чтеный, виденый*), различая орфографию таких слов в зависимости от контекста: *окаянный – окаяный, смиренный – смиренный* [Грамматика, 2000: 145]. Данное правило без изменений перенесено московскими справщиками в переиздание 1648 г. [Грамматика, 2007: 67]. Однако в изданном ими же печатном Уложении 1649 г. последовательно пишут одну *n* во всех отглагольных образованиях: *на отпушеного холопа 16 об., с некошенихъ луговъ 18 об., искати кошеного съгна 22 об., в разоренихъ городъхъ 29, люди будутъ питаны... питанымъ*

правити бесчестие 138, *отпущенных холопа и рабу допрашивать* 139 об., *ис тѣхъ обиженныхъ людей* 142, *потравленной хлѣбъ* 149 об., *тѣ выданные люди* 166, *против... утаенного помѣстья* 197, *останется купленная вотчина* 216, *купленныхъ татаръ* 289, *на тѣ лавки даны имъ будутъ грамоты... и тѣ лавочные даные печати* 237 об. [Черных, 1953: 355–356].

Напротив, в скорописных вестях-курантах первой половины XVII в. написание *н–ни* в полных причастиях нестабильно: *введено^н* В-К I 6.45¹, *договоренное* В-К I 22.19, *саде^нжаные* В-К I 6.21, *саслужено^н* В-К I 31.5 – *вооруже^нны^х* В-К I 6.50, *да^нномму* В-К I 6.19, *жалова^нные* В-К I 39.121, *сакрепле^нной* В-К I 6.67, *заслуженые* В-К I 40.107 и др.

Петровские «Ведомости», как и скорописные «Вести-Куранты», в указанных позициях демонстрируют вариативность. Даже самое распространенное здесь слово «присланные», входящее в стандартную формулу почти каждого номера, пишется по-разному: *присланные* 1703.2², 7, 9 и др. – *присланные* 1703.10, 13. Надо сказать, что наиболее нестабильным участком является группа полных причастий, орфография которых даже в пределах одного номера может варьироваться: *привезенныхъ, повезеные, недоданные – посланные, вѣщаннхъ, соединенной, переписанное* 1703.2, *разпущеными, вѣзенымъ – новоизбранный* 1703.3, *присланные – посланные, соединенныхъ* 1703.9, *присланные – изгнанные, избранныхъ* 1703.11, *завоеванья, преименованья – посланные* 1703.16, *полученной, вставленымъ* 1703.19, *перепущенные – присланные, писанные* 1704.12, *вставленыхъ, поиманыхъ – присланногъ, опечаленной* 1704.14, *врученые, высланныхъ – завоеванные, вдержанной* 1704.21, *позжженный – нововыбранный, назначенный, нововыбраннаго, нововыбранному (2 раза), смущенную, показанную* 1704.23, *соединенное* 1704.28, *неизреченной* 1704.31, *предложенный* 1704.39, *соединенныхъ* 1705.2, *полученнымъ* 1705.3, *иманованные* 1705.4, *соединенные* 1705.5, *вставленые – новобранному, иманованной (2 раза)* 1705.6, *розсыпанными* 1705.8, *впущенной* 1705.9, *посланные, оучиненный, вѣщанную* 1705.11, *(слово) данное* 1705.12, *неизреченное* 1705.15, *затаеные* 1705.24, *соединенное, соединеннымъ* 1705.25, *выписано^н* 1705.27, *высланные – собранныхъ, командованныхъ, осаженные* 1705.28, *высланные* 1705.29, *собранныхъ* 1705.30, *разореной – оучиненнымъ* 1705.31, *оруженныхъ, нововбранного*

¹ Здесь и далее число перед точкой обозначает номер текста в публикации, после точки – номер воспроизведенного в ней рукописного листа.

² Здесь и далее число перед точкой обозначает год издания, после точки – номер газеты.

1705.32, посланные, соединенного, соединенное 1705.34, полученной 1705.40, избранных 1705.42, новокоронованной 1705.43, нижеписанных 1705.44, оучиненных, полученнымъ, оустановленной 1706.2, вбрубленной 1706.4, новоприбранных 1706.6, вышеиманованное 1706.7, вдержаной – новокоронованнымъ, соединенныхъ (3 раза), иманованный 1706.8, посланные, вдержанной 1706.9, вкровенномъ (бунтъ), приложенному 1706.10, нагруженныхъ 1706.21, собранныхъ, неданнагъ 1707.1, розмъненымъ, вправленномъ, вреченнагъ, вбманеннымъ 1707.2, здъланные 1707.19, жалованную 1707.19, разставленные – высланныхъ 1708.1, командированными 1708.3, въ присланныхъ, недодъланные 1708.5, готовленныхъ 1708.6, посланные, совершеномъ 1708.9, вбметаными – вышеписанной 1709.2, розставленные – вооруженного, полученнымъ, командированнымъ, разставленные, посланного, командированныхъ 1709.5, печатаной – командированныхъ, оучиненныхъ 1709.6, заслуженаго – вооруженною, назначенные 1709.12, сломленный – присланные, впущенные, саединеннымъ, соединенными (2 раза) 1710.1, соединенные, новособраной – имянованныи, соединенныхъ (2 раза), имянованного, соединенными, урожденныхъ (2 раза), утъсненнымъ, брошенныхъ 1710.2, соединенные, имянованныи, соединенные (2 раза) 1710.5, завоеванного 1711.7, учиненомъ – писанного, отправленного 1712.11, учиненныхъ, учиненной, вышеобъявленному, опредъленные, вышеобъявленныхъ 1714.1, полученная, опредъленные, вышеозначенномъ 1715.1, командированные 1715.12, объявленныхъ, изготовленныхъ 1716.1, объявленныхъ, изготовленныхъ 1716.2, поиманыхъ – учиненной, вышеозначенною 1716.7, окопаннаго 1716.8, крещеннаго, учиненную, вышеозначенные 1717.12, замысленной 1720.2, не довершенные 1722.8 и др.

Полные причастия в ранних номерах втрое чаще пишутся с двумя *n*, и число таких написаний постепенно возрастает. Исключение составляет упомянутое выше слово «присланные», входящее в стандартную формулу и, очевидно, испытывающее влияние употребляемой иногда в той же роли краткой формы «присланы», которая всегда пишется с одной *n*. В орфографии слова «присланные», вопреки общей закономерности, заметно превалирует написание с одной буквой *n*, особенно в ранних номерах. Так, в 1703 г. на 20 номеров с вариантом *присланные* приходится лишь 2 с написанием *присланные*, в остальных 17 краткая форма *присланы*. Написания *присланные* перестают употребляться только вместе с соответствующей стандартной формулой, систематически с 1708 г., однако изредка появляются и в более поздних номерах.

Интересно, что полные причастия пишутся с двумя *н* независимо от вида глагола, от которого образованы. Подавляющее большинство таких слов в «Ведомостях» можно отнести к виду совершенному, однако отмечены и причастные формы глаголов несовершенного вида (*писанные* 1704.12, *готовленныхъ* 1708.6, *держанномъ* 1715.12), а также двувидовых (*иманованный* 1706.8, *жалованную* 1707.19, *командированныхъ* 1709.6, *командированные* 1715.12, *крещеннаго, имянованное* 1717.12). Изредка такие слова могут писаться с одной *н* (*печатаной* 1709.6, *вербованныхъ* 1716.7), однако не чаще, чем все прочие. Наличие зависимых слов, по нашему наблюдению, не влияет на количество *н* в причастии, например: *добръ ученое войско* 1710.2.

Большую стабильность обнаруживает орфография существительного «раненый»: *опричь раненыхъ* 1703.13 (2 раза), *многихъ раненыхъ* 1705.6, *двадцать раненыхъ* 1707.26, *раненыхъ, ранеными* (2 раза) 1709.5 и др. – всегда с одной *н*. В позиции определения полная форма данного слова в «Ведомостях» не обнаружена, а краткая форма пишется всегда с одной *н*, о чем подробнее ниже.

В кратких причастиях пишется одна *н*: *присланы* 1703.6, *договорено, привезены* 1703.4, *поставлены* 1703.8, *посланы* 1703.11, *поставлено* 1703.16, *выпалено, оуказано* 1703.17, *написано* 1704.12, *поиманы, ѡвезены, повезены, всвобожжены* 1704.14, *возведены, сохранено* 1704.23, *розставлены, выпорожены, втогнаны* 1705.3, *оукръплено* 1705.4, *розмънены* 1705.5, *оустановлено* 1705.6, *отогнаны* 1705.6, *втосланы* 1705.11, *брошено* 1705.12, *велено* 1705.16, *оумалено* 1705.29, *втогнаны* 1705.30, *приведены, перечтено* 1705.31, *потоплены, ранены, ранено* 1705.31, *ѡказано* 1705.34, *ѡложено, ѡпущены* 1705.41, *рѣшено* 1705.43, *сожжены* 1705.44, *исполнены* 1706.4, *принужжены* 1706.7, *привезено* 1706.9, *различены, всажжена* 1707.18, *вбезглавлены и ѡставлены* 1707.26, *ранены, ѡправлена, получена* (2 раза), *раненъ* (2 раза), *получена* 1708.1, *напечатано* (2 раза), *писано* (3 раза) 1708.5, *писана, принесено, готовлены* 1708.6, *переловлены, кованы, переловлено, об'явлено* 1708.7, *писано, правлена, здълана, поставлены, гнаны, ѡпущено, ранены, раненъ, ранено* 1708.8, *писано, положено, ранено, разогнаны, получена, получено, чинено, ведены, видънъ, ранена, здълана, проведено, проведены* 1708.9, *писано, положено, печатано, гнаны* 1708.10, *созжены, ранено, печатано, прислана, призваны, предложено, опредълена, велъно, ординована, принуждена, оуслано, из'ѡбрътено, свобожжено, загнаны* 1709.5, *исполнено, чинены, поставлены, разорены, сочтено, сосвобожде-*

но, сожжены, ранено 1709.6, принуждены, повелено, заключена, отк-
зано, подана, заключена, учреждено, поставлена, вельно, изображено,
уложено, принуждены, изготовлены 1710.2, получена, повезены (2 раза),
оставлены 1711.7, перевезено, посланы, сожжена и потоплена, выпса-
но, посланы 1712.11, получена, написано 1713.1, освидетельствованы, на-
писано, чинена, освидетельствовано, приведены, учинено 1714.1, намѣрена,
ранено, принуждены, сожжены, получено, печатано 1715.11, запрещены,
высажено, получено 1715.12, побуждены, прогнаны, печатано 1716.10,
учинено, недопущены, получены 1717.12, окончаны 1718.2, печатана
1719.5, изключены 1720.2, разорены, опредѣлены 1722.8, допущены
1723.2, одержана 1724.9 и др.

Исключения из данного правила уникальны: (*драгоцѣннѣ*) *вдѣяннѣ*
1707.2, *вооруженнѣ (были)* 1707.18, *принужденнѣ (втойти)* 1707.26,
добрь оруженнѣ 1710.2, *обѣцанно (выпустить)* 1716.2. Еще одно сло-
воупотребление можно отнести как к кратким причастиям, так и к наре-
чиям, что, очевидно, и отразилось в его орфографии: *правое крыло все*
вкружено, и пробитиса принужденно, и то жестокиѣ боемѣ оучини-
лось 1707.26. Заметим, что большинство таких написаний обнаружено в
номерах за 1707 г.

Написанные в 1720-е гг. грамматические сочинения Ф. Поликарпова
не регламентируют данное правило, однако употребление слов с данной
орфограммой не отличается от узуса «Ведомостей». В полных отглаголь-
ных образованиях пишется обычно *нн*: *составленное, вѣдущевленнѣ, не-*
впредѣленная, вполченнѣ, связаннѣ, вооруженнѣ, совершеннагѣ, рече-
нагѣ [Поликарпов, 2000: 252, 254, 320–325]. Однако в данном случае
возможна вариативность: *вблеченая – вблеченная* [Поликарпов, 2000:
325, 327]. Краткие причастия пишутся с одной *н*: *приложено, преклонена,*
сложена [Поликарпов, 2000: 254, 327], чем принципиально отличаются
от наречий: *расположенно (знаменуетъ)* [Поликарпов, 2000: 254, 327].

В скорописи XVIII в. (ПМ XVIII), как и в «Ведомостях», краткие при-
частия пишутся только через одну *н*: *учинено* 33.4, *уничтожена, астав-*
лены 36.7об., *аставлена* 38.10, *залажена* 40.11 (2 раза), *уволены* 42.12,
оставлена 47.3, *аставлена* 48.4, *оставлены* 49.5, *намерена* (2 раза), *за-*
ложены, намерено 52.9, *о^{та}лена* 55.6, *оставлена* 55.6об., *получено* 57.1,
58. *о^нправлено* 59.7, *заплачено* 60.5об., *заплачены* 61.10, *перевезено* 62.13,
по^нчены, прилана, выдано 66.19, *напиловано* 66.19об., *дѣлана* 66.20 и
др. (ПМ XVIII). Орфография полных причастий в скорописных памятни-
ках (ПМ XVIII) более близка к современной норме по сравнению с «Ве-

домостями». Как и в газете, одиночные полные причастия несовершенного вида, «не поддающиеся четкому отграничению от прилагательных... с которыми внешне совпадают» [Русская грамматика, 1980: 666], здесь пишутся через *н*: *резаны*^х 57.1, *варены*^х, *ста^елены*^х 61.10, тогда как с зависимым словом – через *нн*: *писан^ьное (декабря 24)* 34.5, *писанное (прошедшаго ноября)* 45.1, *писа^ное (в Париже)* 52.9, *(выше) писа^ных* 158.1 и под. А вот образования от глаголов совершенного вида употребляются с двумя *н* в скорописи более последовательно, чем в «Ведомостях»: *без^ъпрестан^нья* 36.7 об., *о^значенное* 52.9, *посла^нному* 59.7, 61.10 об., *прило^женное* 60.5, *поданной* 60.5, *издержанн^ы*^м 60.5, *прило^женное* 62.13, *со^бранн^ы*^х, *при^еланн^ю*, *и^де^ян^ы* 65.21 об., *по^ла^нные* 66.19 и др. (исключение единично: *по^рмоченые* 61.10 об.).

Итак, закономерность распределения *н* и *нн*, одно из первых правил, сформулированных М. Смотрицким в разделе «Орфография» четко и однозначно (*нн* в имени, а *н* в причастии), не соблюдается ни в «Ведомостях», ни в современных им деловых скорописных текстах. В обоих источниках наблюдается сильная тенденция к формированию современной нормы, предполагающей употребление *н* в кратких причастиях и *нн* в полных причастиях от глаголов совершенного вида, причем скоропись оказывается даже несколько прогрессивнее в этом отношении. Заметим, что именно в скорописи формируется оппозиция *н*–*нн* в причастиях несовершенного вида в зависимости от наличия распространителя.

«Санкт-Петербургские ведомости» наследуют скорописный узус, в соответствии с которым полные причастия и прилагательные от глаголов совершенного вида и двувидовых, даже деэтимологизированные, пишутся только через *нн*: *совершенной* 1728.9, *нам^тренному* 1729.6, *проданные* 1729.39, *полученным* 1729.40, *поставленной* 1729.41, *полученных*, *полученные*, *запрещенной* 1730.25, *полученныя писма*, *издержанныя иждивенія* 1734.68, *отчаянныя* 1734.12, *новоустроенной*, *сосланнымъ*, *совершенно* (3 раза), *учиненной*, *полоненныхъ*, *утесненному*, *полученныя* 1735.2, *наведенныхъ* 1735.2, *новоустроенной* (2 раза), *предложенное* 1735.3, *предложенное*, *укрепленной*, *удовольствованной*, *обыкновенную*, *привезенныхъ*, *собраннаго*, *учрежденная*, *задержанные*, *конфискованной* 1735.56, *избранные*, *полученнаго* (2 раза), *совершенной*, *назначеннымъ*, *учрежденной* 1735.103, *передъланнаго*, *недъланнаго* 1735.104, *просвѣщеннаго*, *порученную*, *учрежденную*, *усмотрѣнномъ*, 1746.47, *подданнымъ* (3 раза), *совершенное*, *почтенные*, *поставленныхъ* (2 раза), *объявленные* 1746.47, *означенную*, *показанной* 1746.71, *насеченные* (4 раза),

означенной, показанной, позволенные, означенную 1746.102, посланных, объявленнаго, оказанной, несказанномъ 1746.70, полученныхъ, показанной, разломаннымъ 1751.10, посланнымъ, привезенной, присланные, вышеозначеннаго, означеннаго, обыкновенные 1751.11, присланной 1751.57, штикованную 1751.58, полоненной, предложенной, совершенномъ здравіи, учрежденные, вышеобъявленныхъ, осіянная 1751.58 («Санкт-Петербургские ведомости»). С появлением «Московских ведомостей» в 1856 г. ситуация не меняется: заключенную 1756.69 Мск³, новонабранныя, выданной, показанной, развезенныхъ, разставленныхъ 1758.3 СПб⁴, осажденными, учиненной, неожиданное, означеннаго (2 раза) 1758.53 СПб, оставленной, выстроенныхъ 1758.94 СПб, означенной, учиненной 1771.3 Мск, осыпанной, препорученную, безпрестанныхъ, нагруженныхъ, сделанная, новонапечатанная, привезенная, повереннаго, полученнаго 1771.52 СПб, подданныхъ (6 раз), найденная 1780.92 СПб, выбранная 1780.92 СПб, обещаннаго, скошенной, введенному, доказанная 1780.93 СПб, полученныхъ 1787.2 СПб, 1796.54 Мск, собранную, сочиненную, умереннымъ, постыаннымъ 1787.15 СПб, новообученныхъ, назначенное 1804.3 Мск, полученнымъ, отобранной, заплаченныхъ 1806.8 СПб, возвышенномъ, данную, повъренной (6 раз) 1806.14 СПб, уступленныхъ 1806.22 СПб, данныхъ 1806.30 СПб, вооруженнымъ 1806.41 СПб, отправленный, показанную 1817.50 Мск, данные 1830.20 Мск, полученные, оказанная, данныхъ, урожденной, сделанный, напечатаннаго, раззоренныхъ, умерщвленнымъ 1850.147 СПб и мн. др. Единичное исключение представлено в сочетании с двумя правильными написаниями: собранную, сочиненную, дополненую родословную 1787.15 СПб.

Так же пишутся полные причастия от глаголов несовершенного вида с зависимыми словами: *его рукою писанное* 1729.6, *писанное из Бостона* 1780.72 СПб, *писанной ими въ прошломъ 1778 году* 1780.92 СПб, *писанныхъ масляными красками* (2 раза), *рисованными на стекль* 1840.73 СПб и под. Исключение *луженое съ обоихъ сторонъ* 1780.72 СПб, очевидно, объясняется влиянием слов следующей группы.

Как и ранее, одиночные полные причастия несовершенного вида, совпадающие с прилагательными, здесь пишутся через *н*: *топленое сало* 1751.58, *соленымъ озерамъ* 1771.52 СПб, *масляными красками* 1771.41 Мск, *топленого сала* 1771.41 Мск, *2 некрашеня шкафа* 1780.92 СПб, *соленя сливы, соленые лимоны, моченя яблоки* 1787.15 СПб, *квашеной*

³ Здесь и далее «Московские ведомости».

⁴ Здесь и далее «Санкт-Петербургские ведомости».

капусты 1806.14 СПб, *клееной бумагой* (3 раза), *соленого мяса* (2 раза), *соленую рыбу*, *соленья сельди*, *моченая морошка*, *пиленья дрова* 1812.1 СПб, *чесаной шерсти* 1812.14 СПб, *вареное мясо*, *вареная рыба*, *печеный хлѣбъ*, 1843.18 СПб, *топленого сала*, *луженых крашених кадокъ*, *стян-ное сѣно*, *граненая посуда* 1840.48 СПб и др. (исключения редки: *клееной бумаги* 1787.20 СПб; *приготовляет мороженныя* 1787.24 СПб).

В XVIII столетии окончательно устанавливается написание прилагательного *береженный* с одной *н* [Словарь XVIII, II], однако Словарь 1847 г. приводит устарелое написание с двумя *н*: «*Велѣтъ дати береженную грамоту, чтобъ въ его вотиннишко сторонніе люди насилствомъ не ходили, и бортей не драли и льсу не стѣкли*. Акты Юр. 384» [Словарь, 1847, I: 44]. Современная орфография данного слова регламентирована только в словаре под редакцией Я.К. Грота: «Бережёный, ая, ое, *страд. прич. гл.* беречь. 1. Оберегаемый, охраняемый. 2. Осторожный. *Береженаго и Богъ бережетъ*, посл.» [Словарь, 1895: 175].

К данной группе можно отнести написание *бѣшеная* 1729.6 СПб, предлагаемое современными правилами для запоминания. Впрочем, отглагольным данное образование можно назвать лишь с точки зрения этимологии. Если Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. еще связывает его с соответствующим глаголом: «безумный, сумасшедший, изумленный, который бесится» [САР, 1789–1794, I: 452], то Академический словарь 1847 г. уже толкует его через существительное «бѣшенство» – «Подверженный бѣшенству» [Словарь, 1847, I: 96].

С книжной традицией, очевидно, связано двойное *н* в устаревшем образовании «реченный» (*реченной* 1758.2 СПб, 1758.53 СПб, *реченнаго* (3 раза) 1758.94 СПб), помеченном в Словаре Академии Российской как «прил. Сл.» [САР, 1789–1794, V: 121] – «прилагательное славянское».

Напротив, образование от двувидового глагола «ранить» пишут только с одной *н*, независимо от контекста: *60 человекъ раненыхъ* 1735.56, *между смертельно ранеными, побито и ранено* 1758.53 СПб, *раненые и больные отвезены* 1758.94 СПб, *раненыхъ въ прошедшую войну солдатъ* 1806.41 СПб, *ранено 200 человекъ* 1812.1 СПб, *тяжело ранены* 1840.48 СПб и под. Данное образование пишется с одной *н* и характеризуется в Словаре Академии Российской [САР, 1789–1794, V: 71] как прилагательное, а в Академическом словаре 1847 г. – как страдательное причастие глагола «ранить» [Словарь, 1847, IV: 40].

Правописание кратких причастий через одну *н* очень стабильно: *учинена* 1728.9, *поставлено* 1729.41, *усмотрены* 1729.6, *намѣрены*, *учинено*,

предложено 1729.7, погребены, получены 1730.25, проданы 1735.57, оставлены 1735.103, произведена, получена (2 раза) 1746.47, учинено, привезено 1746.5, прощены 1746.70, обнадежены 1746.102, наречены 1751.10, отправлены, присланы, допущень 1751.11, принуждены 1751.57, убраны, побуждены, приготовлены 1751.58, отягощены, одержаны, затоплены, умножено 1758.3 СПб, ранено 1758.53 СПб, поставлено, подчиваны, выпущены 1758.53 СПб, получено 1758.94 СПб, вывезены 1771.52 СПб, получено (3 раза), собраны, совершено, усмотрено 1780.92 СПб, предложены, показано, сдѣланы, повторены, умножены, написаны, нанесена, подтверждены, сочинены 1780.93 СПб, напечатано, отсročены, привезены, прекращено, назначены 1787.2 СПб, вызолочен, вырезаны, назначены 1787.15 СПб, отпущены, покрадены 1787.20 СПб, написано, намѣрена, ограблены, получено 1803.57 Мск, решено 1804.3 Мск, повельно, отказано, определено, награждень, вывезено 1806.8 СПб, отряжена, поражены, прогнаны, гнаны на штыкахъ, помѣщено, встрѣчены, припечатано 1806.14 СПб, размещены, положено отчеканить 1806.22 СПб, изображено (4 раза) 1806.30 СПб, соединена, запрещень 1806.30 СПб, задержаны, нагружены, подписано, учинень, извъщены, предварены 1806.41 СПб, наполнены, назначены, сказано 1817.50 Мск, подписано, назначены 1830.20 Мск, казнено 1850.147 СПб и мн. др.

Таким образом, современная орфография отглагольных образований с одной и двумя *н* окончательно устанавливается в узусе еще в 1720-е гг. вопреки рекомендациям грамматики Смотрицкого и ее переизданий и с тех пор почти не знает исключений. Полные страдательные причастия и прилагательные от глаголов совершенного вида, а также от глаголов несовершенного вида с зависимыми словами пишутся с двумя *н*, а образования от глаголов несовершенного вида без зависимых слов – с одной *н*. Однако грамматические сочинения даже в середине XVIII столетия предлагают руководствоваться совсем иными критериями. Так, М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 г. разграничивает страдательные причастия «славенские» на *-нный, -ннаго* (*питанный, вѣнчанный, писанный, видѣнный, написанный, написаннаго*) и «простые Российския», которые «приличнее на *ой*» (*качаной, мараной, замараной, замараного*) и которые «также и на конце один *н* имеют» [Ломоносов, 1952: 548]. Показательно, что в тексте грамматики данное правило нередко не соблюдается, и количество *н* не определяется окончанием слова: *писанный – писаной, показанный – показыванной* [Ломоносов, 1952: 498]. Замечание автора: «*нный* принимает к себе другой *н*, что в письме употребляется, например:

писанный» [Ломоносов, 1952: 498], – скорее констатирует наметившуюся тенденцию, чем регламентирует правописание.

Авторы грамматических сочинений второй половины XVIII в. не идут дальше предшественников: А.А. Барсов заимствует формулировку Ломоносова о разделении причастий «славенских» и «российских» [Барсов, 1981: 646], а Н.Г. Курганов повторяет правило Смотрицкого о том, что в прилагательных следует писать две *н*, а в причастиях – одну [Курганов, 1769: 99]. Последний также пытается кодифицировать правописание всех кратких прилагательных и причастий через одну *н* [Курганов, 1769: 99]. Но впервые правило орфографии кратких форм в современном виде представлено в Академической грамматике 1802 г., где в причастиях рекомендуется писать одну букву *н* (*писанный – писань, писана, писано, писаны*), а в прилагательных сохраняется *нн*, кроме формы ед. ч. м.р. (*блаженный – блаженъ, блаженна, блаженно, блаженны*) [Российская грамматика, 1802: 80].

В той же Академической грамматике 1802 г. впервые сформулировано правило, связывающее употребление одной или двух букв *н* с видом глагола: «Причастія прошедшіе совершеннаго залога страдательнаго кончающіеся на *ый* принимают по большей части предъ симъ слогомъ два *нн*, на прим: *избранный, почтенный, украшенный*, и проч. Напротивъ того причастія прошедшіе неопредѣленные произведенные отъ глаголовъ наипаче первообразныхъ удерживаютъ *н* одинъ, напр.: *сученый, писаный, ученый* и проч.» [Российская грамматика, 1802: 29], см. также: [Российская грамматика, 1819: 25]. Показательно, что в тексте грамматики правило соблюдается непоследовательно: к примеру, в словах *писанный, читанный* употреблены две буквы *н* вопреки правилу [Российская грамматика, 1802: 238]. Противоречива орфография подобных слов и в «Российской грамматике» 1811 г. (*посланный, крашенный – писанный*) [Российская грамматика, 1811: 74], где нет правила правописания причастий и прилагательных.

Вариативность орфографии образований от глаголов несовершенного вида констатирует Н.Ф. Кошанский, отмечая, что страдательные причастия «прошедшіе неопредѣленнаго времени» пишутся «съ повтореніемъ буквы *н* или безъ повторенія: *видель – виденный, зваль – званный*», причастія «прошедшіе однократные» пишутся «с повтореніемъ буквы *н*: «*разориль – разоренный*» [Кошанский, 1809: 61].

Большинство же грамматик первой половины XIX в. рекомендует писать с двумя буквами *н* все причастия, независимо от вида: *писанный, черпанный, сеянный, скребенный, береженный, веденный, везенный, вле-*

ченый, двиганный, несенный, плетенный, балованный, конченный, чувствованный, канчиванный, черпыванный [Орнатовский, 1810: 168–169], [Княжев, 1834: 48], [Востоков, 1835: 104]. Аналогичные написания находим и у Н.И. Греча: *береженый, верченый, виденный, вьюченный, говоренный, готовленый, деланный, деленный, еденный, жеванный, жжженный, зреный, мценный, мышленый, несенный, прошеный, проценый, развеяный, чтеный, печеный*. Исключение составляет слово *браный* (образовано от «неправильного односложного глагола») [Греч, 1834: 203], которое напоминает современное написание образований от односложных глаголов на *-ать*: *драный, званый, рваный, тканый*. Кроме того, Греч рекомендует отличать причастия от «произведенныхъ отъ нихъ прилагательныхъ, как-то: *ученый*» [Греч, 1834: 486]. Греч считает важным, что отыменные прилагательные с суффиксами *-ан-* / *-ян-* следует отличать от причастий, имеющих на конце *-енный*: *серебряный – серебряный, посеребренный* [Греч, 1834: 465]. Приведенный пример особенно показателен, ведь в Академических словарях и причастие, и прилагательное пишутся одинаково – **серебряный** [Словарь, 1847, IV: 120], [Словарь, 1867–1868, IV: 249]. Однако видовую характеристику Греч в написании причастия не учитывает, а отражает существовавшую в то время тенденцию нормализовать все причастия через *ни*.

Дифференцировать написания *н* и *ни* в причастиях и отглагольных прилагательных стремится И. Давыдов в Академической грамматике 1849 г.: он предлагает писать страдательные причастия через *ни* (*принесенный*), а «прилагательные, от них произведенныя», – через *н* (*Заслуженый Профессор*, но: *заслуженная пенсия*) [Грамматика русского языка, 1849: 49–50].

Первая попытка нормализации употребления *ни* в образованиях от глаголов несовершенного вида с зависимыми словами сделана в Словаре 1847 г., где представлены следующие словарные статьи:

«ЗВАННЫЙ, ая, ое, -нь, а, о, прич. стр. гл. звать. *Никто же самъ себя прїемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ*. Евр. V. 4.

ЗВАННЫЙ, ая, ое, пр. 1) Приглашенный. *Званые гости*. 2) Сдѣланный по приглашенію. *Званный обѣдъ*» [Словарь, 1847, II: 78].

При этом однокоренное причастие *названный* дано с двумя *н*, при этом в словарной статье приводится прилагательное *названный* с одной *н*: «НАЗВАННЫЙ, ая, ое, -нь, а, о, прич. стр. гл. называть. *Названный братъ, названая сестра*. Тотъ или та, кого по особенной дружбѣ назваль кто либо братомъ или сестрою» [Словарь, 1847, II: 368].

Современное правило правописания одной и двух *н* в отглагольных образованиях впервые сформулировано Я.К. Гротом в «Русском правописании» 1885 г., где автор различает написания *обреченный, сделанный, снесенный* и *вареный, жареный, суженый*. Последние автор называет причастиями «этой формы, которая употребляются в значении именъ прилагательныхъ или существительныхъ (с утратою понятія времени и действующаго лица на вопросъ “кем?”)» и при этом «не удворяютъ *н*» [Грот, 1885: 66–67]. Интересно, что в числе прилагательных, пишущихся с одной *н*, приведены слова, правописание которых вызывает трудности и по сей день: *береженный, званный, мороженое, названный, приданое, раянный, смышленный*. Грот замечает, что «по присоединеніи къ нимъ предлога, придающаго имъ значеніе причастія, они обыкновенно получаютъ и двойное *н*, напр. *наученный, израненный, сотканный*. Нѣкоторые ходятъ въ двоякой формѣ (иногда съ различнымъ удареніемъ), смотря по тому, имеютъ ли они значеніе прилагательнаго, или причастія: *названый* (древ.) и *названный, положоный и положенный*» [Грот, 1885: 67]. Написание слов *бездыханный, данный, желанный, неустанный, подданный, окаянный* Грот рекомендует запомнить [Грот, 1885: 67].

Кроме того, Грот обосновывает оппозиции *ветренный – ветряный, маселный – масляный* [Грот, 1876: 255]. Например, о словах *ветренный – ветряный* он пишет следующее: «Вѣтреный 255 (причастіе-прилаг. отъ малоупотр. гл. *вѣтрить*). Подверженный дѣйствию вѣтра, имѣющий къ нему отношеніе. На дворѣ вѣтрено. Вѣтрена рыба, вѣтреное мясо. Вѣтреный человекъ... Вѣтряный 255. Состоящій изъ вѣтра, дѣйствующій посредствомъ вѣтра. Вѣтряная мельница, труба. Вѣтряный мехъ. Прил. *вѣтряный*, какъ вещественное, не можетъ употребляться въ краткой формѣ. Нельзя сказать: *мѣхъ ветрянь*» [Грот, 1876: 426]. О неустойчивости данного правила свидетельствует замечание Грота: «Примѣры на *вѣтреный* и *вѣтряный* въ Толк. словарѣ Даля приведены невѣрно» [Грот, 1876: 426]. Действительно, у В.И. Даля в словарной статье **ВѢТЕРЬ** находим: «*Вѣтряная рыба, мясо, вяленое, провъсное*» [Даль, 1998: 335], что, очевидно, неправильно, т. к. это слово даже мотивировано отглагольным образованием *вяленое*.

Итак, современная орфография отглагольных образований с одной и двумя *н* установилась в узусе в 1720-е гг. Кодификация же, не говоря уже о теоретическом обосновании правила, значительно отставала от употребления, а нередко и противоречила ему, и даже в текстах самих грамматик не соблюдались сформулированные в них правила. Как и многие другие, данная орфограмма была впервые основательно проанализиро-

вана и подробно сформулирована Я.К. Гротом в «Русском правописании» 1885 г.

Список литературы

- Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстологич. коммент. М.П. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.
- Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972 (В-К I).
- Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб., 1835.
- Вѣдомости времени Петра Великаго: В память двухсотлѣтія первой русской газеты. Вып. 1, 2. М., 1903–1906.
- Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М., 2007.
- Грамматика русского языка: Издание Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. СПб., 1849.
- Грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго / Сост., подгот. текста, науч. коммент. и указатели Е.А. Кузьминовой; Предисл. Е. А. Кузьминовой, М.Л. Ремневой. М., 2000.
- Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ. СПб., 1834.
- Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ: Филологическое разысканіе Я. Грота // Грот Я.К. Филологические разысканія. Т. 2. СПб., 1876.
- Русское правописаніе: Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ академикомъ Я.К. Гротомъ. СПб., 1885.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусскаго языка: В 4 т. Т. 1: А–З. М., 1998.
- Княжев В.* Россійская грамматика, изданная В.К. М., 1834.
- Кошанский Н.Ф.* Начальныя правила русской грамматики: Въ пользу воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона. М., 1809.
- Курганов Н.Г.* Россійская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе. Издано во градѣ Святаго Петра, 1769.
- Орнатовскій И.* Новѣйшее начертаніе правилъ російской грамматики. Харьков, 1810 // Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812. Vol. 1. München, 1984.

- Осинов Б.И.* История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.
- Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Московские ведомости XVIII–XIX вв.
- Орнатовский И.* Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики. Харьков, 1810 // Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812. Vol. 1. München, 1984.
- Поликарпов Ф.* Технологія. Искусство грамматики / Изд. и исследование Е. Бабаевой. СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2000.
- Россійская грамматика: Издана от Главного правления училищ для преподавания в нижних учебных заведениях. СПб., 1811.
- Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. СПб., 1802.
- Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. СПб., 1819.
- Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
- Санкт-Петербургские ведомости XVIII–XIX вв.
- Словарь Академии Россійской 1789–1794. Т. I–VI. М., 2002.
- Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ: В 4 т. СПб., 1847 (Словарь, 1847).
- Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. 2-е изд.: В 4 т. СПб., 1867–1868 (Словарь, 1867–1868).
- Словарь русскаго языка, составленный вторым отделениемъ Императорской Академіи Наукъ / Гл. ред. Я.К. Грот. СПб., 1895. Т. 1 (А – Д) (Словарь, 1895).
- Словарь русскаго языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008 (Словарь XI–XVII).
- Словарь русскаго языка XVIII вѣка. Вып. 1–6. Л., 1984–1991; Вып. 7–19. СПб., 1992–2011 (Словарь XVIII).
- Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с исторіею Уложенной книги. М., 1953.

Сведения об авторах:

Каверина Валерия Витальевна, докт. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kaverina1@yandex.ru;

Ван Сяоси, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: russlang@philol.msu.ru.

Сунь Шуфан, Сунь Минжуй

О МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ¹

С развитием когнитивного терминоведения когнитивный механизм номинации терминов стал центром исследования терминологии. Так, способы формирования компьютерных терминов бурно развивающейся информатики стали актуальнейшей темой исследований. Настоящая статья посвящена семантической интерпретации основных компьютерных терминов в рамках когнитивного терминоведения на основе системного подхода к явлению метафоризации.

Ключевые слова: метафора, семантическое терминообразование, компьютерные термины.

With the development of Cognitive Terminology, studies on cognitive mechanisms of terminological nomination have become a new approach in the search of terminology. In recent years, computer terminological nomination and word-formation methods have obtained most research focus. This article aims to illustrate the semantic interpretation of basic computer terms, within a framework of Cognitive Terminology, based on systemic approach to the phenomenon of metaphORIZATION.

Key words: metaphor, semantic derivation in terminology, computer terms.

1. Понятие семантического терминообразования

Терминология – научная дисциплина, зародившаяся в рамках лексикологии. Ее предметом являются термины и терминологические системы, а под терминологизацией понимается принятие словом общеупотребительного языка специального значения, т. е. переход слова-нетермина в слово-термин [Фролова, 2011: 35–40]. По мнению Г. О. Винокура, термины – это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, – это функция названия, при этом бытовой термин есть название вещи, а научно-теоретический термин есть непременно название понятия [Винокур, 1994: 24]. Основная часть новых слов какого-либо развитого языка – это термины.

---

¹ Настоящее исследование выполнено в рамках проекта социально-гуманитарных наук Управления образования провинции Хэйлунцзян «Исследование лингвистической семантики в России» (грант 1254z002) и программы научного коллектива для выполнения инновационных проектов философии и социально-гуманитарных наук провинции Хэйлунцзян «Исследование российского языкознания» (TD201201).

Наука порождает термины, термины в свою очередь способствуют существованию и развитию науки, так как без четкой терминологии наука не может ни существовать, ни развиваться. Каждая область науки и техники обладает своей системой специфических понятий и их названий. Совокупность этих названий, функционирующих в определенных областях знаний, называется терминологией. В отличие от слов общеупотребительного языка термины сознательно вводятся в научный оборот. А.Г. Адмони считает, что термины – не «появляются», а «придумываются», «творятся» по мере осознания их необходимости [Чернышова, 2010: 114].

Термины – это обозначения специальных понятий. Специфика их состоит в том, что прежде всего они не теряют своей целостности, какими бы способами ни передавалось их содержание. Независимо от того, являются ли термины однословными или многословными словосочетаниями, они всегда представляют собой один знак, которому соответствует одно понятие. Даже если термин имеет сложную внутреннюю семантическую структуру, все равно он является единой самостоятельной единицей наименования.

Как и обычные слова, термины очень часто образуются на базе существующих слов посредством словообразования [Фролова, 2011: 4]. В русском языке существуют разные способы терминообразования. Главные из них – морфологическое, семантическое, синтаксическое терминообразование и использование иноязычных слов, заимствованных в настоящее время в основном из английского языка.

Под семантическим способом терминообразования или семантической деривацией понимается широкий круг семантических преобразований, в первую очередь разные виды переносов (метонимических, метафорических, функциональных), изменение семантического объема слов (расширение и сужение, специализация значений), семантические кальки и так далее. Семантическая деривация относится к так называемой вторичной номинации, т.е. к использованию уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [Зарипова, 2004: 2]. Семантический способ образования терминов основан чаще всего на сужении и метафорических переносах [Цаголова, 1985: 45].

Следует отметить, что продуктивность того или иного способа образования терминов обусловлена спецификой компьютерной терминологической системы. Распространенным видом семантической деривации в образовании компьютерных терминов русского языка являются метафорические переносы.

2. Два основных типа метафорических моделей

Метафора как способ терминообразования в соответствии с аналогией между предметами приписывает языковым знакам новые понятия и значения. Метафорический перенос помогает людям познать неизвестную область с помощью аналогии между заданной и неизвестной областью. Хотя аналогия представляющих эти области предметы первоначально людям не известна, но, как только она указана, она сразу становится понятной, что и способствует пониманию и познанию новых терминов. Отличительной чертой метафоризации в языке науки, по словам Э.А. Лапиня, является то, что она «выступает в качестве первичного наименования обозначаемого объекта по той причине, что другого названия у него нет» [Лапиня, 1988: 134]. Процесс метафоризации начинается в терминопроизводстве с подбора общеупотребительного слова для обозначения научного понятия [Зарипова, 2004: 4].

Основатели когнитивной лингвистики Дж. Лакофф, М. Джонсон предположили, что суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида [Lakoff, Johnson, 1980: 5]. В отличие от традиционного аристотелевского подхода к метафоре как свернутому сравнению, здесь развивается лингвокогнитивный подход Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др., согласно которому метафора рассматривается как образование, включающее область-источник, область-мишень и механизмы, отображающие источник на мишени [Лейчик, Павлов, 2010: 599].

Следует подчеркнуть, что сходство – это основа метафоры. Как справедливо указывала Н.Д. Арутюнова, для определения метафоры существенно понятие меры сходства. Метафора возникает тогда, когда между сопоставляемыми объектами имеется больше различного, чем общего [Арутюнова, 1999: 367]. По мнению китайского лингвиста Ван Вэньбиня, сходство может быть внешним и объективным, или внутренним и субъективным [Ван Вэньбинь, 2006: 127], причем сходства метафоры подразделяются на два типа: первый тип – метафора на основе сходств, существующих в природе вещей (similarity-based metaphors); второй тип – на основе сходств, создаваемых человеком (similarity-creating metaphors), обычно базирующихся на психологической ассоциации [Шу Динфан, 2000: 15]. В познавательной деятельности человека второй тип оказывается более важным. Б. Индурхиа придерживался подобной точки зрения: он считал, что сходства области-источника и области-мишени в метафорах первого типа легче заметить, чем в метафорах второго типа, для по-

нимания сходства в которых требуется специальная интерпретация [Indurkha, 1992: 2].

Мы согласны с этим мнением и в последующем анализируем метафорические модели именно согласно такому их делению. Одновременно мы считаем, что отмеченное разграничение сходств двух типов не очень четкое. На самом деле любое сходство имеет место в результате совместного действия субъективных и объективных факторов; различия заключаются в том, какие факторы играют ведущую роль в процессе метафоризации. Иными словами, для метафорических моделей первого типа больше объективных внешних факторов, а для метафорических моделей второго типа больше субъективных психологических ассоциаций. Ниже с этой точки зрения развивается анализ метафорических моделей компьютерной терминологии.

3. Метафорические модели на основе имеющих сходств

Метафора участвует в создании наименований объектов и процессов в компьютерной технике и в технологии на всех уровнях компьютерного языка, а также всей совокупности языковых явлений, которые связаны с внедрением и использованием современных средств электронной коммуникации. В лексике компьютерного языка легко обнаружить все виды метафоры, то есть переноса названия с одного предмета на другой исходя из сходства их признаков [Лейчик, Павлов, 2010: 598].

3.1. Метафорические модели, основанные на сходстве внешних признаков

С помощью метафорического переноса компьютерные термины русского языка образуются прежде всего на основе внешней аналогии предметов. В соответствии с такой трактовкой на основании сходства предметов по одним признакам делается вывод об их сходстве и по другим признакам. Это может быть простая метафора, основанная на сходстве физических признаков: в компьютерном языке это, например, термины *мышь*, *окно*, *дерево каталогов*, *рабочий стол* и так далее.

Простейшим видом сходства является сходство физических признаков. В компьютерной лексике термин *мышь* (разг. *мышка*) – одно из указательных устройств ввода, обеспечивающих интерфейс пользователя с компьютером. Компьютерная мышь – это не мелкое животное, живущее в зданиях и в полях. Это небольшое устройство, которое движется по плоской поверхности перед компьютером и двигает указатель (курсор) на экране компьютера, ср.:

(1) Существует несколько видов *мышей* для компьютеров.

(2) Не двигается курсор *мыши*, но *мышь* работает.

Метафорический перенос из бытового понятия в компьютерное осуществляется на основе сходства внешних признаков – формы и размера: и реальную, и компьютерную мышшь человек может держать в руке.

Общеизвестный компьютерный термин *окно* считается и образным, и глубоко содержательным, потому что это «часть экрана, в которой могут выполняться программы и процессы. Одновременно может быть открыто несколько окон. Окна можно закрывать, перемещать, изменять их размеры, свертывать в кнопки на панели задач или разворачивать на весь экран». Из этого описания легко увидеть, что внешне простейший образ окна в компьютерном языке содержит в себе и серьезные признаки научного концепта [Лейчик, Павлов, 2010: 597]. В компьютерной терминологии образуется немало терминологических словосочетаний со словом *окно*, например: *активное окно*, *окно программы*, *окно правки/окно редактирования*, *диалоговое окно*, *окно списка*, *текстовое окно*, *окно предупредительных сообщений* и т. д. Метафорический перенос из бытового понятия в компьютерное осуществляется на основе сходства внешних признаков, например:

(3) *Диалоговое окно* нельзя изменить в размерах или свернуть, его можно только закрыть.

(4) Если *текстовое окно* не отображается, введите в командной строке текст экрана.

Словосочетание *дерево каталогов* – это компьютерный термин. Слово *дерево* в прямом значении означает растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону, а в качестве компьютерного термина *дерево* означает нелинейные отношения между узлами ветвления. *Дерево каталогов* – это графическое представление структуры каталогов диска в виде схемы с ответвляющимися каталогами и подкаталогами. В этой метафорической модели объект, обозначаемый словом *дерево* в его прямом значении, находящийся в области-источнике, является конкретным и материальным. А в качестве компьютерного термина это слово обозначает абстрактный объект, находящийся в области-мишени. Отображение источника на мишень осуществляется на основе схематического сходства формы дерева с формой графического отображения структуры каталогов. Кроме того, термин *дерево каталогов* демонстрирует наличие «метафорических полей», т. е. фактически демонстрирует метафорические парадигмы, в которых одна метафора тянет за

собой другую. В компьютерных науках сформировалось даже несколько таких метафорических полей (фитонимы, термины и профессионализмы делового языка/речи и др.) [Лейчик, Павлов, 2010: 598], ср:

(5) Необходимо найти существующие разделы на жестком диске и составить *дерево каталогов*.

(6) Вы можете развернуть / свернуть *ветви дерева*, используя кнопки Num + и Num – или нажимая на знак [+]/[-] слева от значка папки.

Метафорический термин *рабочий стол* обозначает всю рабочую область экрана. Пользователь на экран, как на стол, выкладывает значки (ярлыки) программ и может перемещать их так, как ему удобно.

(7) Мы стремимся улучшить и его внешний вид, используя обои, темы на *рабочий стол*, заставки, цветы и т. п.

(8) Windows 7 содержит множество новых фоновых изображений *рабочего стола*.

3.2. На основе сходств функций

Более сложным является функциональное сходство типа *корзина, мусорная корзина* – «место хранения удаленных файлов в среде Windows» [Лейчик, Павлов, 2010: 598]. В этом случае метафора в большей степени является образным средством обозначения, т. е. к чисто номинативному признаку добавляется признак эмоциональности, выразительности.

Слово *вирус* демонстрирует типичный пример метафорического переноса. Его первоначальное значение – неклеточный инфекционный агент, который может воспроизводиться только внутри живых клеток. Это биологический или медицинский термин. А как компьютерный термин *вирус* имеет значение вредоносной программы, которая попадает в компьютер из Интернета или с зараженного диска и выполняет прописанные в ней вредные действия, не давая работать нормально.

Известные когнитивные лингвисты Ж. Фоконье и М. Тернер [Fauconnier, 1997], [Fauconnier, Turner, 1998], [Fauconnier, Turner, 2002] предложили теорию «концептуальной интеграции ментального пространства». Авторы рассмотрели четыре ментальных пространства (два исходных пространства, общее пространство и смешанное пространство) и взаимосвязи между ними. Концептуальная интеграция представляет собой усовершенствованную модель концептуальной метафоры [Lakoff, 1993] с использованием теории ментальных пространств. В рамках данной теории Ж. Фоконье и М. Тернер изложили процесс формирования значения слова *вирус* в компьютерной терминологии английского

языка. Они считают, что биология / медицина и компьютерная наука соответственно находятся в исходном пространстве I и исходном пространстве II. В общем пространстве существуют отношения аналогии феноменов в сфере вышеуказанных наук, а новое значение слова *вирус* в компьютерной сфере, как следствие выборочного отображения из пространство I на пространство II, находится в смешанном пространстве.

С.Л. Мишланова и Я.В. Мишланов на русском материале подвергли термин *вирус* – ключевой в «компьютерной вирусологии» – концептуально-семантическому анализу. Они выявили особенности терминологизации лексемы *вирус* при образовании медицинского термина и метафорического переноса при образовании компьютерного термина. Процесс концептуализации в сфере «компьютерной вирусологии» был разделен ими на три периода: на первом этапе в (1950–1970-е гг.) было сформировано представление о фрейме «Размножение»; второй этап (1970–1980-е гг.) характеризуется формированием представления о фрейме «Инфекция»; для третьего этапа (1990–2000-е гг.) характерно представление о фрейме «Эпидемия» [Мишланова, Мишланов, 2012: 117–119].

Безусловно, эти исследования дали содержательную интерпретацию метафоризации термина *вирус*. И биологический (медицинский) вирус, и компьютерный вирус обладают общими характеристиками: инфекция, размножение, незаметность, возбудимость, разрушительность, эпидемия и др. Этот факт доказывают многие слова и словосочетания в компьютерной терминологии, например: *сигнатура вируса, типы вируса, мутация вируса, меры предосторожности от вирусов, уничтожение компьютерных вирусов, дублирование кода вируса, сканирование на наличие вируса, программа вируса, антивирус / программа антивируса*. Следует признать, что аналогия вирусов в вышеупомянутых областях делает абстрактное и сложное понятие компьютерного вируса более образным, например:

(9) Для обнаружения, удаления и защиты от *компьютерных вирусов* разработано несколько видов специальных программ, которые позволяют обнаруживать и уничтожать *вирусы*.

(10) Независимо от типа сигнатуры *вируса* антивирусные программы используют их для обнаружения «компьютерных инфекций».

Слово *память* имеет первоначальное значение «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта» [Ожегов, Шведова, 2014: 455], [Ушаков, 2013: 436]. А в компьютерной терминологии

память означает «часть вычислительной машины, физическое устройство или среду для хранения данных, используемая в вычислениях в течение определенного времени» [Ожегов, Шведова, 2014: 455]. Метафорический перенос из бытового понятия в компьютерное осуществляется на основе сходства функции хранения и воспроизводства, например:

(11) Весь этот ансамбль задач и их решений можно хранить в *памяти компьютера*, вывешивать на сайтах сети Интернет, выборочно распечатывать в форме статей, задачников или учебников.

(12) Результаты измерений параметров окружающей среды записываются в *память бортового компьютера* и после всплытия передаются по радио на борт научно-исследовательского судна.

Слово *меню* имеет первоначальное значение «подбор кушаний, а также листок с их перечнем» [Ожегов, Шведова, 2014: 325], [Ушаков, 2013: 294]. Означаемый объект является конкретной и материальной вещью. Так же, как и в гастрономии, в компьютерной сфере *меню* означает список чего-либо, но это виртуальная программа. Чаще всего термин употребляется применительно к сайтам, где обозначает список его разделов и компьютерных программ, где *меню* – это список действий и команд, которыми можно оперировать в данной программе. Метафорический перенос из области-источника в область-мишень осуществляется на основе сходства функции подбора, например:

(13) В контекстных *меню* рабочего стола и компьютера очень удобно иметь различные программы и инструменты для быстрого доступа.

(14) В главном *меню* операционной системы Windows реализован основной способ запуска установленных в компьютере прикладных программ и элементов управления системой.

В качестве общеупотребительного слово *мост* имеет прямое значение «сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь, какие-н. препятствия» [Ожегов, Шведова, 2014: 341], [Ушаков, 2013: 310]. А как компьютерный термин *мост* имеет метафорическое значение, которое обозначает электронное устройство, обеспечивающее взаимосвязь разных компьютерных сетей. Метафорический перенос из области-источника в область-мишень осуществляется на основе сходства функции перехода и соединения, например:

(15) Сетевой *мост* предлагает простой способ соединения сегментов локальной сети.

(16) Перед нами стоит задача создать *мост* WiFi, то есть объединить две независимые локальные сети.

Электронная почта – технология и предоставляемые ей услуги по отправке и получению электронных сообщений (электронных писем) по распределенной компьютерной сети (в том числе через Интернет). Отображение источника на мишень осуществляется на основе сходства функции отправки и получения, например:

(17) *Электронная почта* не требует одновременного присутствия обоих абонентов на разных концах линии.

(18) Для того, чтобы электронное письмо дошло до адресата, оно, кроме самого сообщения, обязательно должно содержать адрес *электронной почты* получателя письма.

4. *Метафорические модели на основе созданных человеком сходств*

Метафорические модели на основе созданных сходств подразумевают «установление новых контактов между двумя предметами для познания последнего с новой точки зрения» [Ван Инь, 2007: 413].

4.1. *На основе сходств, созданных психологической ассоциацией*

Психологическая ассоциация между предметами, уже имеющими наименование, возникает благодаря абстрагированию. В компьютерной терминологии словосочетание *полоса пропускания* имеет метафорическое значение, означая такое свойство электронных каналов, как скорость передачи по ним данных. *Широкую полосу пропускания* имеют каналы, через которые за единицу времени передается количество данных, превышающее определенную величину. В основе данной метафоры лежат другие, более базовые метафоры. Это, во-первых, «онтологическая» метафора «данные – это вещь», а во-вторых, метафора канала, перенесенная на область-цель передачи информация. Канал в прямом значении – это сооружение, форма которого схематически представима как полоса. Чем шире эта полоса (и тем самым канал), тем больше грузов (вещей) может быть за единицу времени транспортировано по нему. Без такой интерпретации трудно понять, в чем аналогия между скоростью и полосой; такое сходство является следствием психологической ассоциации передачи информации с транспортировкой вещей, основанной на обобщении. Например:

(19) Под *широкой полосой* пропускания обычно понимается полоса пропускания выше 2 Мбит/с.

(20) Обычно *широкая полоса* включает в себя множество узких полос. В Интернете *зеркалом сайта* называют точную копию другого сайта.

Наиболее часто зеркала сайтов используются для предоставления нескольких источников одной и той же информации. Зеркалами по отношению друг к другу как правило бывают сайты с «www» и без. Как общепотребительное слово *зеркало* означает конкретную материальную вещь, а как компьютерный термин – виртуальный копированный сайт. Такое сходство осуществляется на основе психологической ассоциации между отражением физического объекта в обычном зеркале и точной копией сайта в виртуальном пространстве (отметим, что в установлении данной ассоциации участвует и метонимический перенос: зеркало – отражение в зеркале). Например:

(21) Обычно создание *зеркала сайта* имеет несколько целей – оптимизация сайта, раскрутка, продвижение сайтов.

(22) Тему склейки *зеркал сайта* просил осветить один из постоянных посетителей моего сайта.

Облачные вычисления – это новый метафорический термин, обозначающий обеспечение повсеместного и удобного доступа к различным ресурсам через сеть Интернет, а также их хранения и обработки. Без специального пояснения трудно представить связь между вычислительной моделью и природным явлением. Когнитивный субъект, т.е. носитель языка, создает сходство путем психологической ассоциации, и формирует метафорический перенос. В этой ассоциации задействованы такие общие черты облака и данного типа вычислительной концепции, как крупномасштабность, многоступенчатость, динамичность и виртуальность. Облако в природе обычно охватывает значительную область природного ландшафта, и в компьютерной науке *облачные вычисления* также опираются на крупномасштабный кластер серверов; облака в природе могут быть слоистыми, могут перекрываться, пересекаться при наблюдении их с земли, и *облачные вычисления* также могут вступать в аналогичные отношения; облака в природе динамично меняют свою форму и местоположение, им свойственна иллюзорность, и *облачные вычисления* обеспечивают динамические, масштабируемые и виртуальные ресурсы. Эти сходства далеко не очевидны, только постфактум, проанализировав и сопоставив характеристики облаков в природе и облачных вычислений, мы можем воспринять то сходство, на котором основан метафорический термин *облачные вычисления*. В таких случаях примеры употребления термина обычно не содержат упоминания об общих свойствах концептов из области-источника и области-цели:

(23) Вычисления в облаках – *облачные вычисления* как некая лабора-

тория с суперкомпьютером и многочисленными стеллажами: заходи и бери папки по интересам.

(24) *Облачные вычисления* дают значительные преимущества с точки зрения адаптивности и экономической эффективности.

4.2. Интеллектуальная метафора «Компьютер – Человек»

По нашему мнению, метафоризация в процессе образования русских компьютерных терминов происходит на разных уровнях. Как справедливо указали В.М. Лейчик и В.Ю. Павлов, более сложными являются интеллектуальные метафоры, образно обозначающие предметы и процессы, находящиеся в необычном состоянии [Лейчик, Павлов, 2010: 598]. В формировании терминов понятие «человек» играет важную роль. В антропоморфной метафоре компьютер предстает как не только механическое, но и интеллектуальное устройство. В составе когнитивного слоя выделяются когнитивные сегменты «материальные компоненты компьютера» и «идеальные компоненты компьютера» [Турко, 2007: 15]. К первым относятся монитор, клавиатура, мышь и др., к последним – системное программное обеспечение и прикладное программное обеспечение. Характеристика метафорической модели такого типа состоит в том, что она не ограничивается понятием, связанным с одним конкретным термином, а является концепцией в широком понимании, объединяющей понятия, связанные с целыми рядами терминов, в определенную логическую структуру. Для компьютерных терминов эта концепция в широком понимании – метафорическая концепция «Компьютер – Человек».

На пути создания искусственного интеллекта компьютеру приписываются или придаются свойства и действия, характеризующие человека как *Homo sapiens* и биологический вид [Турко, 2007: 16]. Вот почему много слов для описания поведения человека имеют переносное значение и образно означают поведение компьютера.

У человека есть мозг, обладающий способностью к хранению и воспроизведению в сознании прежних впечатлений и опыта. У компьютера тоже есть запоминающее устройство – это память, где хранится вся информация компьютера. Таким образом, рассмотренная выше метафора *памяти*, основанная на имеющемся функциональном сходстве, вписываются в общую концепцию интеллектуальной метафоры «Компьютер – Человек».

Компьютер, мыслимый как человек, может выполнить познавательные, арифметические и логические функции. В систему компьютерных терминов входят такие общеупотребительные слова, как *запоминать*,

понимать команды, читать, сравнение, анализ, синтез, обобщение, сложение, вычитание, умножение, деление и т. д.

Компьютер наделяется и биологическими и социальными свойствами и проявлениями человека, ср. такие термины, как *спящий режим, состояние занятости, по умолчанию, заразиться вирусом, конфликтовать, умереть, вылечить, управлять, отказать, подсказка* и так далее.

У человека есть свой язык, и у компьютера тоже есть свой язык. Компьютерный язык, т. е. язык программирования, относится к формальным языкам, образуется из цифр, символов и грамматических правил. Переход от языковых конструкций к машинным командам осуществляет транслятор языка. Поэтому общеупотребительные слова или словосочетания, такие, как *слово, словарь, синтаксис, лексический анализ* и другие включены в словарь компьютерных терминов. Их значения в компьютерной науке отличаются от значений данных слов в лингвистической науке и в то же время им уподобляются.

Если мы говорим, что один компьютер представляет собой одного человека, то принято считать, что круг общения формируется при соединении многих компьютерных сетей. На этом базируется метафора «Интернет – Круг общения». В рамках этой модели образуются многие термины интернета, например: *электронная почта, доска объявлений, рабочая станция, интернет-магазин, широкоэкранное кино* и т. д. Первоначальные значения слов «*почта, доска, станция, магазин, кино*» означают или конкретные вещи, или реальное пространство, а в компьютерной терминологии с их помощью описывается абстрактное программное обеспечение. С одной стороны, эти метафорические значения возникают на основе сходства функции, с другой стороны, они находятся в рамках метафоры «Интернет – Круг общения».

Метафорическая модель на основе созданных сходств является результатом познавательной деятельности человека. По сравнению со сходством, созданным на основе обычной психологической ассоциации, сходство, задействованное в метафоре «персонификации», требует большей субъективной активности, что соответствует типичной когнитивной характеристике «антропоцентризма». Человек, как субъект познания мира, постоянно узнает, понимает, создает внешние предметы, работая над самим собой. Как выразил эту мысль А.А. Пшенкин, с точки зрения когниции, данный тип метафоры позволяет субъекту изменить для себя образ окружающего мира, используя проекцию как неконвенциональный способ его концептуализации и категоризации. В этом, по мнению авто-

ра, состоит ценность метафоры для процесса познания окружающего мира индивидом [Пшенкин, 2006:14]. В общем, в метафорической модели «Компьютер – Человек», «Интернет – Круг общения» ярко проявляется антропоцентризм.

5. Заключение

Рассмотренные выше метафорические модели образования компьютерной терминологии позволяют сделать следующие выводы: метафоризация в процессе образования русских компьютерных терминов происходит на разных уровнях. Продуктивность того или иного способа образования терминов обусловлена спецификой компьютерной терминологической системы. Многочисленные языковые факты показали, что в образовании компьютерных терминов значительное место занимают два основных типа моделей метафоры: первый тип это модель на основе имеющихся сходств, в том числе на сходстве внешних признаков и функций; второй тип – это модель на основе сходств, созданных психологической ассоциацией, включающая и интеллектуальную метафору. В познавательной деятельности человека более сложным и важным оказывается второй тип, который требует специальной семантической интерпретации.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Ван Вэньбинь.* Снова о сходствах метафоры. Вестник Сычуаньского института иностранных языков. 2006. № 2.
- Ван Инь.* Когнитивная лингвистика. Шанхай: Шанхайское изд-во просвещения иностранных языков, 2007
- Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // История отечественного терминоведения. М., 1994.
- Зарипова А.Н.* Экономическая терминология в немецком, русском и татарском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
- Лапина Э.А.* Метафора в терминологии микроэлектроники // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Лейчик В.М., Павлов В.Ю.* Метафора в лексике компьютерного языка // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2).
- Мишланова С.Л., Мишланов Я.В.* Вирус как метафора (особенности метафоризации в компьютерной вирусологии) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1.

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва, 2014.
- Пиенкин А.А.* Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
- Розвезев А.М.* Китайско-русский, русско-китайский словарь компьютерной лексики. М., 2007.
- Словарь компьютерных терминов. <http://a.iletushov.ru/files/2013/09/dictionary.pdf>.
- Турко У.И.* Лингвокогнитивный анализ компьютерной терминологии русского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2007.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.
- Фролова О.Н.* Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. М., 2011.
- Цаголова Р.С.* Лексико-семантические особенности политэкономических терминов. М., 1985.
- Чернышова Л.А.* К вопросу об этимологическом анализе английской и русской отраслевой терминологии // Вестник военного ун-та. 2010. №4 (24).
- Шу Динфан.* Исследования по метафоризации. Шанхай, 2000.
- Indurkha V.* Metaphor and Cognition. London, 1992.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, 1980.

Сведения об авторах:

Сунь Шуфан, профессор Научно-исследовательского центра изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета при Министерстве образования Китая (Харбин, КНР). E-mail: sunsf888@yeah.net;

Сунь Минжуй, докторант факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков (Шанхай, КНР). E-mail: recosuke@yeah.net.

Д.И.Ермолович

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: КРИЗИС ГУМАНИТАРНОСТИ

В статье анализируются работы участников финальных состязаний по устному последовательному переводу среди профессионалов в рамках конкурса «Косинус Пи» (МГУ, сентябрь 2017 г.). Обобщены типичные ошибки и упущения переводчиков, высказаны суждения относительно оптимальной длительности непрерываемых фрагментов речи оратора, а также сформулированы рекомендации для переводчиков и преподавателей перевода, призванные помочь им повысить качество перевода.

Ключевые слова: последовательный перевод, ошибки перевода, профессиональный перевод, точность перевода, адекватность перевода, мем, термин, абстрактное понятие.

The paper is an analysis of the finals in a consecutive interpreting contest among professionals, held at Moscow State University in September 2017. The author discusses the prevalent interpretation mistakes and inaccuracies he has identified and offers arguments in favor of what he considers as the optimal length of uninterrupted speech segments for efficient consecutive interpreting. Recommendations are given in order to help interpreters and teachers of interpretation to improve translation accuracy and overall quality.

Key words: consecutive interpreting, professional interpreting, translation mistakes, translation accuracy, translation adequacy, meme, term, abstract concept.

Эта статья написана по итогам первого конкурса по устному синхронному и последовательному переводу «Косинус Пи», состоявшегося в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова в сентябре 2017 г. Конкурсанты соревновались в двух номинациях – «Потенциал» и «Профессионал», предназначенных соответственно для начинающих переводчиков и для тех, кто считает себя действующим и уже сложившимся профессионалом.

Автору статьи довелось участвовать в конкурсе в качестве председателя жюри во второй номинации. Эта работа позволила сделать некоторые наблюдения еще в ходе соревнований, однако конкурсные переводы дали поводы заняться их более глубоким изучением. Анализировались выступления финалистов в категории «устный последовательный перевод».

В опубликованной ранее статье «Детская болезнь размазни в устном последовательном переводе» [Ермолович, 2005: 47–58] мною рассматри-

вались типичные ошибки начинающих и непрофессиональных переводчиков. Благодаря новому материалу представился случай (конечно, в рамках результатов ограниченной группы финалистов) обобщить практику профессионалов.

Несмотря на значительные достоинства работ конкурсантов (выдержавших жесткий конкурсный отбор и предварительные соревнования среди сотен участников), основное внимание в настоящей статье уделяется допущенным ими ошибкам, неточностям и упущениям. Это сделано, чтобы, во-первых, выдержать единство подходов по сравнению с предыдущей статьей об устном последовательном переводе, а во-вторых, сделать статью максимально полезной в надежде, что анализ недостатков поможет как самим конкурсантам, так и другим переводчикам их избегать.

Образ профессионала

Закономерен вопрос: по каким критериям переводчики были отнесены к числу профессионалов? Сразу необходимо отметить, что я решил вынести этот вопрос за скобки исследования и считать профессионалами тех, кто сам причислил себя к таковым и был допущен техническими экспертами к соревнованиям в данной категории. Такое допущение соответствует жизненным ситуациям: в большинстве случаев заказчик, впервые приглашающий на устный перевод фрилансера, вынужден полагаться либо на его собственное заявление о своей профессиональной квалификации, либо на мнение коллег или рекомендателей.

Из этого принципа, впрочем, пришлось сделать одно исключение. Перевод одного из участников со всех точек зрения – а именно в плане смысловой и логической адекватности, лексической и синтаксической корректности, связности и манеры подачи – оказался ниже критического уровня, который я считаю минимально приемлемым. Трудно судить, что именно было причиной неудачи финалиста – усталость, перенапряжение, недомогание, сам факт участия в ответственном публичном соревновании, какие-то внешние факторы, а может быть, недосмотр экспертов и недостаточная квалификация, – но переводные тексты данного конкурсанта пришлось исключить из рассмотрения: ошибки были им допущены практически в каждой смысловой синтагме, и их разбор превратил бы аналитическую статью в разбор нарушений основных правил грамматики английского языка и культуры русской речи.

Думается, что стрессовые факторы, обусловленные участием в конкурсе, в принципе не заслуживают учета при анализе ошибок: ведь и в

реальной практике переводчику подчас приходится действовать, испытывая напряжение, усталость, находясь среди критически настроенных людей и т. д., но скидок на эти неблагоприятные обстоятельства заказчики не делают, и уровень профессионализма в работе опытного переводчика не должен существенно от них зависеть.

Итак, из пяти финалистов рассмотрим перевод четверых. Не называю ни фамилий, ни каких-либо других характеристик этих конкурсантов, но, выводя некий обобщенный портрет, все они являлись молодыми людьми в возрасте примерно от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Такой возрастной диапазон вполне соответствует представлению о типичном последовательном переводчике: как правило, именно в этом возрасте переводчики уже накопили опыт сопровождения делегаций и последовательного перевода встреч, переговоров, лекций, речей и презентаций.

Если говорить о половом составе, среди финалистов подавляющее большинство составляли девушки. Несмотря на это, в дальнейшем применительно к любому из конкурсантов я буду пользоваться существительным мужского рода *переводчик* и, соответственно, местоимением *он*.

Переводимый материал

Особенностью конкурса было то, что последовательным переводчикам были предложены не аудио- или видеозаписи; на сцену поднялись и сели за стол живые ораторы – носители как русского, так и английского языка в двух его вариантах (североамериканском и британском). Это были лекторы-интеллектуалы, привычные к публичным выступлениям и дискуссиям: артист и антрополог Эйдриан Кристиан (Канада), журналист Эдуард Крэбтри (Великобритания), писатели и ученые Андрей Навиков-Ланской и Марина Сидорова.

Ораторы говорили, не пользуясь какими-либо текстами на бумаге, и проявили, помимо красноречия, замечательную способность насытить свою речь именно теми «трудностями перевода», с которыми, как правило, хуже всего справляются российские переводчики. Сложным оказался сам жанр, в котором они выступали. Это были академичные и подчас абстрактные рассуждения, слушая которые переводчику требовалось уследить за тонкими логическими и семантическими связями и нюансами в развитии мысли оратора. Нужно отметить, что для фиксации таких нюансов система переводческой скорописи не очень хорошо приспособлена. Память же может их не удержать, и переводчику грозит опасность сбиться на общие слова и банальности, исказить или вообще выхоло-

стить мысль выступающего. (Что в некоторых случаях и произошло – примеры приводятся ниже.)

Удачным организационным ходом конкурса было то, что ораторы выступали парами. Каждый из собеседников не только предьявлял аудитории и переводчику свой монолог, но и реагировал на высказывания содокладчика. Поэтому конкурсантам необходимо было не просто выдать некий перевод, а и позаботиться о том, чтобы участники разговора адекватно поняли друг друга. Малейшая неточность могла стать основой недопонимания и по мере продолжения разговора разрастись в глубокий разрыв между тем, что было сказано, и тем, на какие идеи реагировали собеседники, вынужденные общаться через посредника.

Приступим к конкретному анализу переводов с примерами. (Все примеры из выступлений лекторов и конкурсных переводов приводятся согласно аудиозаписи, без редактуры повторов, оговорок и ошибок. Примеры пронумерованы; номера проставлены в конце примеров и заключены в круглые скобки.)

«Детские болезни»

Прежде всего было проверено, в какой степени конкурсанты избавились от «детских болезней», описанных мною ранее.

Начнем со **слов-паразитов**. Речь профессионалов оказалась от них не свободной, однако это были не те явные слова-паразиты, какие отмечались в речи слабо подготовленных переводчиков (*вот, значит, как бы, что ли, так сказать*). Лишь один раз в течение финала в высказывании переводчика прозвучала вопросительная частица-паразит *да?*, ставшая сегодня бичом русской речи:

Ну, в принципе гуманитарные науки связаны с человечеством, *да?* (1)

(Эта фраза, кстати, явилась в чистом виде собственным творчеством переводчика, и к ней я вернусь в конце статьи.)

Те лишние слова, что все же встречались в переводе конкурсантов, выглядели не столь очевидными «паразитами», маскируясь под значимые члены предложения. Это были вводные слова *конечно (же), опять же, в принципе*. Переводчики часто вставляли их в свою речь без нужды, однако, поскольку предложения были распространенными, эти вставки не выделялись из контекста и в целом не повлияли на общее впечатление о качестве перевода.

Такие явления, как **подводка, торможение, смысловая разделка, комментаторство и ссылка на оратора в третьем лице**, описанные в статье [Ермолович, 2005], оказались для конкурсантов нехарактерны. Если какие-то из них встречались, то в единичных случаях. Однако **перебор синонимов** пришлось слышать неоднократно, хотя от некоторых переводчиков чаще, чем от других:

I'm not aware of that.

Опять же, я **не совсем понимаю эту концепцию, не совсем ее осознаю.** (2)

Вторая опасность, которую я вижу... это то, что мы очень мало думаем о **взаимодействии** культуры с цифровыми технологиями.

And there's another thing that I would like to mention in this regard, and that is **the liaison, the interaction** between the culture and the digital technologies. (3)

Мы очень часто **принимаем как данное**, что...

We take it now for granted, we believe that... (4)

Мы предполагаем, что разглядывать картину «Переход Суворова через Альпы» в Интернете – это **то же самое, что** смотреть на нее в музее. Нет, это не так, потому что ее величина – 4 на 5 метров, и **говорить о том, что мы получаем тот же эффект, нельзя.**

I believe it is erroneous to assume that looking at a painting like “Suvorov Passing through the Alps,” on the Internet **is a good substitution, is a good proxy** for watching it live, because the live painting is 4 by 5 meters, and **you get a different effect, you get a different impression** whatsoever. (5)

Вряд ли нужно доказывать, что в переводе слов и оборотов семантически избыточными парными соответствиями нет ни необходимости, ни стилистического изящества. К тому же крайне приблизительные соответствия *liaison* и *proxu* в примерах (3) и (5) неуместны и наводят на подозрение, что переводчику захотелось произвести эффект, употребив неординарные слова. (Это подозрение подкрепляется и употреблением таких книжных лексических единиц, как *erroneous* и *whatsoever*: вместо первой из них естественнее сказать “wrong” или “a mistake”, а вторая в данном контексте даже ошибочна, так как употребляется всегда лишь в отрицательных конструкциях.)

Такие явления, отмеченные мною ранее в работе слабо подготовленных переводчиков, как **словесная избыточность, «отсебятина» и смысловые потери**, оказались не чужды и профессионалам и заслуживают

более подробного рассмотрения. Однако они проявились несколько иначе, поскольку переводчики работали в особом режиме – они выполняли перевод, не прерывая оратора.

В ожидании приглашения

Здесь снова придется упомянуть переводчика, чья работа была исключена из рассмотрения. Это был единственный конкурсант, попросивший ораторов делать паузы для перевода между фрагментами длиной в одно-два предложения. Ни один из других четырех переводчиков не обращался к выступающим с подобной просьбой; более того, никто не делал попыток ни останавливать оратора, ни даже использовать естественные паузы в его речи, а дождался от него явного приглашения – либо словесного, либо в виде жеста руки или поворота головы в сторону переводчика.

Ораторы же, особенно англоязычные, увлекались выступлением и порой вообще забывали о том, что их слова нуждаются в переводе. Практикующие переводчики знают, что такое случается сплошь и рядом: ведь английский язык сегодня – язык международного общения, и носители этого языка реже других прибегают к помощи переводчиков, а следовательно, не привыкли говорить, делая паузы.

Самый длительный – 4,5 минуты – фрагмент не прерываемой переводчиком речи прозвучал из уст Эдуарда Крэбтри. Письменная запись этого фрагмента содержит 3090 знаков, или 565 слов, то есть 2 страницы текста. Переводчик терпеливо воздерживался от вступления и включил свой микрофон лишь тогда, когда оратор наконец передал слово содокладчику. Перевод длился ровно столько же времени, а его текстуальная запись имеет объем 3539 знаков, или 540 слов. Когда переводчик закончил, зал заплодировал.

И действительно, выдержке переводчика можно было аплодировать. На этом фоне вспомнились рассказы о достижениях, которыми славились великие переводчики первой половины XX в., работавшие в Лиге Наций: они были способны слушать выступления дипломатов, длившиеся от одного до двух часов, а затем воспроизводить их на другом языке в течение такого же времени.

Сегодня тоже существуют регламентируемые протоколом мероприятия (например, некоторые виды дипломатических контактов и встреч, а также официальные переговоры или приемы с участием руководителей компаний и организаций), на которых переводчику может быть строго запрещено прерывать говорящего. Чаще всего в таком режиме работают

штатные переводчики, и они, разумеется, должны быть к нему подготовлены. Однако сразу оговорюсь, что тему *последовательного перевода на протокольных мероприятиях* я выношу за рамки этой статьи – у данной разновидности перевода много специфических черт, да и конкурсные задания были далеки от ее имитации.

В целом современная эпоха диктует иные ритмы и темпы. Ораторы на различных международных конференциях и встречах выступают сегодня почти исключительно под синхронный перевод, благодаря которому смысл сказанного доносится практически одновременно до всех разноязыких слушателей. Примерно того же эффекта ждет публика и там, где еще вынуждены применять перевод последовательный: аудитории скучно сидеть и выслушивать нескончаемый звуковой поток непонятной им речи. Это слишком непроизводительная трата их времени и внимания.

Оратору тоже необходим контакт, обратная связь с аудиторией. В случае, когда он пошутил или сказал что-то неординарное и парадоксальное, ему, естественно, хотелось бы оценить реакцию публики на свои слова (улыбаться, увидеть мимику) как можно быстрее, а не спустя несколько минут, в течение которых слушатели будут, возможно, заниматься посторонними делами.

Для человеческого восприятия оптимально, если речь оратора состоит из коротких периодов, за которыми следует перевод. Люди готовы выслушивать поток непонятной им иностранной речи лишь пару десятков секунд; это время они могут потратить на то, чтобы переварить и лучше осмыслить перевод сказанного ранее; а затем, чтобы они не отвлеклись на что-либо другое, их вниманию и сознанию снова нужно предъявить новый материал для восприятия и осмысления – перевод следующего фрагмента речи. Частое чередование отрезков оригинала и перевода создает и у слушателя, и у выступающего ощущение реального, а не отложенного общения.

Возможен вопрос: как добиться такого чередования, если оратор увлекся, утратив ощущение времени, или сознательно стремится создать неудобство переводчику (что случается редко, но также не исключено)?

Позволю себе высказать рекомендации, основанные на личном опыте. Прежде всего переводчику следует изыскать возможность поговорить с оратором до начала работы. Установить с ним доброжелательный контакт, дать понять, что оратор и переводчик – не противники, борющиеся за внимание публики, а союзники; что переводчик стремится помочь оратору установить столь необходимую ему связь с аудиторией и что просьба о паузах в речи продиктована не соображениями личного удоб-

ства, а исключительно желанием как можно оперативнее, точнее и полнее доносить до слушателей мысли оратора.

Конечно, не исключено, что даже после такой беседы оратор, взявшись за микрофон, мгновенно забудет о данном обещании делать паузы. Однако это не значит, что переводчик лишен возможности повлиять на ситуацию.

При таких обстоятельствах, во-первых, не следует ждать приглашающих жестов и фраз от оратора или председательствующего. Нужно научиться мгновенно включаться в работу, едва оратор сделает малейшую паузу. (Кстати, в речи мистера Крэбтри было немало пауз, причем вполне длительных, которыми переводчик не воспользовался. Может быть, конкурсант намеренно хотел показать жюри, что способен переводить текст фрагментами любой длительности? Так или иначе, насколько его тактика оправдала себя, мы увидим ниже.)

Во-вторых, переводчик может привлечь к себе внимание жестом (например, приложив руку к груди), покашливанием или даже короткой фразой (например, “May I now translate?”, “May I?”, или, называя оратора по имени, “Mr Crabtree?”, “Edward?”).

Наконец – в том случае, когда оратор пауз не делает и игнорирует все попытки переводчика привлечь внимание, – допустимо просто начать перевод, даже если придется перебить оратора на полуслове. При наличии микрофона переводчику не потребуются напрягать голос; если же микрофон отсутствует, придется сделать глубокий вдох и «включить» голос на слегка повышенный уровень громкости. Такой поступок – не невежливость, а производственная необходимость. На протяжении многих лет, в течение которых автор этой статьи брался за работу последовательным переводчиком, не было ни одного случая, когда оратор воспринял бы такой поступок неадекватно. Наоборот, увлеченные лекторы осознавали, что сами допустили оплошность, вынудив переводчика к такому шагу, и нередко позже извинялись за нее.

Имеется еще одна – может быть, самая веская – причина, по которой переводчику настоятельно рекомендуется переводить одно-два, максимум три предложения кряду. Эта причина проистекает из вопроса, которым часто задаются заказчики и слушатели:

Точен ли перевод?

Чтобы воспроизвести мысли оратора, высказанные на протяжении 4,5 минут, конкурсант вел запись – очевидно, прибегая к переводческой ско-

рописи. Эта система, основоположником которой был Р.К. Миньяр-Белоручев [Миньяр-Белоручев, 1969], действительно помогает зафиксировать ядерные смысловые и синтаксические структуры сказанного. Однако она в гораздо меньшей степени пригодна для фиксации тонких оттенков мысли, выражаемых поверхностными структурами и отдельными единицами плана выражения.

Когда речь выступающих построена сложно, подчас витиевато (что и имело место на конкурсе), передача нюансов и точный выбор лексических единиц приобретает особо важное значение. Поэтому наилучших результатов переводчику удастся добиться, не только прибегая к скорописи, но и активно задействуя механизмы кратковременной памяти, помогающей зафиксировать и образный, и стилистический рисунок сказанного.

Однако кратковременная память по определению удерживает информацию лишь ограниченное время. Как отмечено в трудах психологов [Линдсей, Норман, 1974], продолжительность хранения информации в кратковременной памяти – около 20 секунд, а после 30 секунд след информации становится настолько хрупким, что даже минимальная интерференция разрушает его.

20 секунд – это как раз время произнесения примерно трех предложений средней длины. Если же переводчик берется переводить выступление значительно более длинными фрагментами, он почти наверняка будет терять или искажать немалую часть существенной информации.

Надо сказать, что финалист, дольше всех дожидавшийся, пока оратор не остановится сам, в целом неплохо передал основные смысловые вехи в его выступлении. Однако только ли это ожидается от состоявшегося профессионала? Согласится ли слушатель со смысловыми опущениями, неточностями в деталях и особенно с добавлениями к тексту «от себя»? Всего этого в переводе было немало. Приведу примеры (полу жирным шрифтом выделены как неверно переданные единицы оригинала, так и добавления переводчика «от себя»):

...that links it with what we're talking about, it's **the future of cultures**... (*Точный перевод*: Отсюда связь с темой, которую мы обсуждаем, – с *будущим культур*.)

...это **очень важный момент**, который связан с темой, которую мы сегодня обсуждаем, поскольку мы говорим о **культуре**. (6)

Здесь можно отметить: а) смысловую неточность, связанную с неоправданной генерализацией: «будущее культур» – более узкая

тема, чем просто «культура»; б) ненужную добавку от себя про «очень важный момент».

...the Beatles, arguably, were one of the first global cultures. (*Точный перевод*: «Битлс» были одним из первых проявлений глобальной культуры, хотя это не бесспорно.)

И многие эксперты, многие люди заявляют, что «Битлс», возможно, были первым образцом глобальной культуры в том смысле, как мы ее сейчас понимаем. (7)

Тут сделаны обширные и совершенно излишние добавки от себя. К тому же перевод засорен повтором и перебором слов – «многие эксперты, многие люди».

I'm not a Beatles fan, but I'm quite proud of coming from the area... (*Точный перевод*: Я не поклонник «Битлс», но я весьма горжусь тем, что родом из тех мест...)

Я в определенной степени горд тем, что я родился недалеко от того места... (8)

Налицо смысловой пропуск – не передано утверждение говорящего, что он не поклонник «Битлс».

I'm part of a large minority that didn't think it was a very good idea. (*Точный перевод*: Я принадлежу к тому многочисленному меньшинству, которое не одобрило эту идею.)

Я принадлежу к тому **всепоглощающему** меньшинству, которое считает, что это неправильный шаг. (9)

Смысл подвергся искажению: «многочисленное меньшинство» превратилось в оксюморон «всепоглощающее меньшинство», крайне неудачно выраженный. Скорее всего, переводчик хотел сказать «подавляющее меньшинство», но и это звучит странно, в лучшем случае – как шутка, хотя никакой попытки шутить оратор в этой фразе не делал.

I'm not going to talk politics so I'm not going to espouse political opinions, but I think it's fair to say that Brexit is a retreat... a part of a retreat from global culture. (*Точный перевод*: Я не собираюсь говорить о политике и не хочу пропагандировать политические позиции, но думаю, справедливо будет сказать, что Брексит – это в чем-то отступление от глобальной культуры.) – (10)

Вся эта фраза вообще осталась без перевода.

As Einstein said, Albert Einstein, if we have a third world war,

then **the war we fight next will be with bows and arrows.** (*Точный перевод: Как говорил Альберт Эйнштейн, если у нас будет третья мировая война, то следующую войну мы будем вести уже с помощью луков и стрел.*)

...как говорил Эйнштейн, если и произойдет третья мировая война, **если такая возможность будет рассматриваться в будущем, то эта война будет гораздо более разрушительной для обеих ее сторон.** (11)

Здесь мысль автора оказалась полностью искажена и замещена выдумкой. Вероятно, в записи был допущен какой-то сбой, а собственная память переводчика спустя столько времени уже ничем не смогла ему помочь.

Другие конкурсанты переводили не столь длинные, но тоже, на мой взгляд, чрезмерные по длительности фрагменты. И в их переводах нашлось еще больше **смысловых искажений, неточностей, пропусков и «отсебятины»**. Ограничусь некоторыми примерами:

In fact, I really appreciate very much the comment **on the collapse – as I see it, it’s a collapse** – of local and global culture. (*Точный перевод: Мне кажется очень правильным замечание о крахе – а на мой взгляд, это именно крах – локальной и глобальной культуры.*)

...я хотел бы поддержать его идею о том, что сейчас **культура делится на локальную и глобальную.** (12)

Мысль оратора искажена и низведена до банальности.

I promote a local culture, which is **the English-language stand-up comedy scene here in Russia, in Moscow.** (*Точный перевод: Я продвигаю локальную культуру, а именно жанр юмористических монологов [или: жанр стэндап-юмористики] на английском языке здесь в России, в Москве.*)

Я, со своей стороны, могу использовать этот ресурс для продвижения локальной культуры, **например создания некоторого англоговорящего сообщества в России...** (13)

Смысл искажен, перевод не слишком вразумителен, вынуждая слушателей недоумевать: что за сообщество создает оратор и по какому принципу? Кстати, такие вопросы вполне может задать содокладчик.

...we can facilitate dialog and preserve culture through the mass media prisms **that presumably threaten culture.** (*Точный перевод:*

Мы можем облегчить диалог и сохранить культуру с помощью именно тех каналов СМИ, *которые якобы угрожают культуре.*)

...упрощение диалога между различными культурами как раз может быть достигнуто посредством использования **различных** медиа-каналов. (14)

Снова существенное искажение, не передающее авторский логический парадокс и низводящее мысль автора до банальности.

...we do not **abide by the dichotomy that is prevalent in the narrative of our respective media outlets.** (*Точный перевод: Мы избегаем контрастов, которые господствуют в информации / дискурсе / нарративе СМИ наших стран.*)

...мы не делим друг друга по таким принципам. (15)

Смысл искажен, перевод туманен: в оригинале не было речи о том, чтобы делить людей по каким-то принципам, да никакие принципы и не назывались.

Создается устойчивое впечатление, что переводчики фиксируют в записи только отдельные, подчас случайные детали рассуждений лекторов, не успевая по-настоящему вникнуть в ход их мысли. Картинка-пазл, которую рисуют ораторы, тут же рассыпается в их памяти, случайным образом удерживающей лишь отдельные элементы пазла. По этим разрозненным элементам переводчик пытается восстановить целостную картинку, но, поскольку он не проникся логикой и идеей оратора, чаще всего он заполняет пробелы банальностями или непонятной «отсебятиной».

Полагаю, этих примеров достаточно, что высказать главный аргумент в пользу необходимости переводить короткими фрагментами: только в этом случае можно надеяться, что переводчик удержит в памяти (если не сможет записать) не только какую-то группу актантов, но и ту логическую и концептуальную канву, в которую они уложены, а также важные детали и образы.

Прецизионная лексика

Переводчику обязательно следует, если он переводит фрагментами более одного предложения, фиксировать прецизионную лексику, то есть имена, названия, количественные сочетания – элементы дискурса, которые не должны подвергаться искажению, опущению и, как правило, никаким заменам и трансформациям в переводе.

Таких единиц в выступлениях ораторов было немного, но переводчики справились с ними весьма неровно. Например:

This brings a time-space compression that spans **about 7,000 kilometers** and brings an audience that is on three continents into this local... localized culture. (*Точный перевод*: Происходит пространственно-временное сжатие, охватывающее расстояние *примерно в 7 тысяч километров* и объединяющее в этой локализованной культуре зрителей, находящихся на трех континентах.)

...несмотря на **тысячи километров**, которые разделяют меня от моих зрителей, и несмотря на то, что мои зрители находятся на трех континентах, мы все представляем собой некую локальную культуру. (16)

Как видим, точная цифра – 7000 преобразилась в переводе в неопределенные «тысячи». Это не нанесло ущерба общему смыслу предложения и, конечно, не может считаться серьезной ошибкой. Но, ведя запись, разве переводчик знает наперед, какая цифра является важной, а какая нет? Неизвестно, не построит ли оратор на этой цифре свои дальнейшие рассуждения, не сопоставит ли ее с какой-то другой величиной.

Трудность устного перевода в том, что текст предъясняется аудитории и переводчику по мере формирования. Порой и сам автор не знает, что он скажет дальше. Если переводчик не зафиксировал точную цифру, значит, система переводческой скорописи освоена им недостаточно эффективно.

Весьма произвольно обходились переводчики и с именами собственными, подчас просто выбрасывая их из своего перевода:

...in the words of **the poet W. H. Auden**, “we must love one another or die.” (*Точный перевод*: Говоря словами поэта *Уистена Хью Одена*, «мы должны полюбить друг друга или умереть».)

И, как говорил **один поэт**, у нас есть только два выхода: либо мы любим друг друга, либо мы убиваем друг друга. (17)

В этом переводе опущено имя знаменитого в Англии и США, но, к сожалению, слабо известного в России поэта. Потеря в данном контексте не велика, так как поэт упомянут мимоходом, но не могу не отметить, что Нобелевский лауреат Иосиф Бродский называл Одена «величайшим умом двадцатого века», и лингвисту-переводчику желательно все-таки знать это имя.

Нетвердым знанием, вероятно, объясняется и то, что переводчик искал английское соответствие библеизму *Апокалипсис*, прибавив к ан-

грийскому Apocalypse лишний слог и сдвинув ударение (получилось [ˌæpəˈkæɪlɪpsɪs]). Примечательно, что в этом не было никакой необходимости, потому что в оригинальном тексте русского лектора слово *Апокалиписис* отсутствовало, а было лишь слово *апокалиптический*, которое переводчик передал вполне успешно:

При том, что у меня ни как у ученого, ни как у писателя нет никакого **апокалиптического**, пессимистического взгляда на будущее...

And neither as a scientist nor as a writer I have an **apocalyptic** or pessimistic outlook of the future, and I believe that there is no dooming (sic!) or there's no looming **Apocalypse** (sic!) coming for us... (18)

Нельзя не отметить, что данный фрагмент перевода страдает и недостатком, о котором говорилось выше, – склонностью к ненужному перебору синонимических вариантов и повторам, к пресловутой словесной размазне. Из-за этой склонности переводчик не только сам себе выкопал яму с «Апокалиписисом», но попался и в другую ловушку, употребив лексически и грамматически некорректную в данном контексте форму *dooming*. Если бы он остановился там, где в примере (18) стоит запятая, таких неприятностей не произошло бы.

Как оказалось, не всякое опущение имени в переводе можно объяснить его незнанием. Об этом свидетельствует следующий пример:

Мы до сих пор не можем договориться о **Владимире святом**, о **Рюрике**, о монгольском завоевании, и об **Иване Грозном**, и о **Сталине**...

...we can't find any consensus on **Vladimir the Saint**, of **Ivan the Bloody** or other historic figures. (19)

Трудно предположить, что переводчику неизвестны перечисленные лектором имена. Между тем *Рюрик* и *Сталин* из перевода почему-то исчезли, вместе с ними и *монгольское завоевание*. Те имена, что остались в переводе, переданы на английский некорректно – *Vladimir the Saint вместо St. Vladimir и *Ivan the Bloody («Иван Кровавый») вместо Ivan the Terrible.

Термины и мемы

В любом серьезном письменном и устном тексте есть то, что некоторые лингвисты называют «лексико-семантической сеткой», или карка-

сом текста (см. [Ермолович, 2009]. Узловыми точками этого каркаса являются термины, то есть обозначения строго определенных понятий. Конечно, знать термины важнее всего в научно-техническом переводе, но публицисты-гуманитарии тоже оперируют терминами, а также близкими к терминам единицами культурной информации – мемами, на узнавание и понимание которых они рассчитывают.

Мемы, как и термины, в силу своего особого статуса (они устанавливают между лектором и слушателями особый мостик взаимопонимания) требуют по возможности точного перевода. При наличии у мема эквивалента его нежелательно заменять синонимами, аналогами, описательным переводом и вообще подвергать каким-либо переводческим трансформациям, не говоря уже о том, чтобы оставлять без перевода вообще.

Таких мемов в выступлениях ораторов на конкурсе было немало. Один из них содержится в примере (14) – это выражение “time-space compression” (*пространственно-временное сжатие*), термин теории относительности и теории гравитации. Понятно, что оратор употребил его не в прямом, а образном значении, и теоретически переводчик не обязан передавать лексическую единицу, использованную в переносном смысле, ее строгим терминологическим эквивалентом. И все же здесь мы имеем дело не с рядовым словосочетанием, а именно с мемом, опорной смысловой точкой текста – недаром он употребляется неоднократно. Тем не менее данный мем не был передан переводчиком ни в примере (14), ни в следующем отрезке:

...culture is, of course, not something that is located these days in geographic space anymore; now it's **time-space compression** and it can traverse large areas of space. (*Точный перевод: Культура в наши дни больше не ограничена географической территорией; мы живем в эпоху пространственно-временного сжатия, и культура способна пересекать огромные пространства.*)

...культура не находится в рамках... не находится в географических рамках. Культура распространяется на очень далекие расстояния. (18)

Также неоднократно звучал на конкурсе еще один популярный сегодня термин-мем – cognitive dissonance (*когнитивный диссонанс*):

It was a time of great **cognitive dissonance** for me, because I was living in Russia... and yet I was receiving news from western media, and I had a very strong **cognitive dissonance** because the two were not

in alignment. (*Точный перевод*: Для меня это был период огромного *когнитивного диссонанса*, потому что жил я в России, но черпал информацию из западных СМИ, и **этот когнитивный диссонанс** был очень силен, потому что информация реальности противоречила.)

Конечно, это время стало для меня своеобразным временем **диссонанса**, потому что, с одной стороны, я жил в России, но, с другой стороны, я слушал западные новости, и они друг с другом никак не совпадали. (19)

Как видим, переводчик оставил лишь вторую часть от мема, который, по-видимому, был столь важен для оратора, что оказался внедрен им в одно и то же предложение дважды. В переводе необязательно следовало сохранять сам повтор, но хотя бы один раз надо было перевести словосочетание точно и полно. (Попутно отмечу ошибку в формулировке: «...я слушал... новости, и **они друг с другом** не совпадали». Речь идет не о несовпадении одних новостей с другими, а о различиях между собственными наблюдениями оратора и информацией СМИ).

Мемы имелись и в выступлениях российских ораторов. Распознать их было порой непросто. Так, слово *бессмертие* в некоторых текстах не имеет статуса узловой единицы и может передаваться другими частями речи (например, прилагательным: *достичь бессмертия* – to become immortal) либо описательно: например, *пытка бессмертием* – the tortures of everlasting life (из автопереводов В.В. Набокова).

Однако во многих случаях слово *бессмертие* обозначает биологическое, философское и религиозное понятие и играет терминологическую роль. В речи одного из ораторов на конкурсе этот мем был соотнесен еще с одним сложным и важным концептом, формулировка которого в цитате выделена полужирным шрифтом:

Я думаю... мои российские коллеги знают о существовании движения «2045», которое в виде **главной историко-эволюционной цели человека третьего тысячелетия** представляет обретение **бессмертия**. При этом любой гуманитарий, наверное, понимает, что это – задача, обязывающая прежде всего для культуры, и эта задача, которая, подчеркиваю, ставится как **главная историко-эволюционная задача человечества в третьем тысячелетии**, должна вызывать прежде всего не вопросы «как», «что», а вопрос «зачем».

There's a movement in Russia, and my colleagues will know about that has announced that's by 2045, and that movement is called "2045," humanity **will have to become– will live forever, will assume eternal life**, and they are all striving to achieve that **goal**. However, it makes us as a humanity really obliged, I mean our culture is becoming obliged and assumes a different role in this regard, so the question that we should be asking is not how to get there and not what we will get in the end, but why we need that. (20)

В переводе мы наблюдаем перебор описательных переводов для первого мема (*бессмертие*), который так и не получил прямого эквивалента (immortality). Что касается второго опорного понятия текста, состоящего из семи слов (*главная историко-эволюционная задача человечества третьего тысячелетия*), упомянутого дважды и специально выделенного авторской ремаркой «*подчеркиваю*», то ему в переводе досталось лишь короткое неадекватное соответствие *that goal (эта цель)*. (Других ошибок, допущенных в этом пассаже, не комментирую, хотя они довольно значительны.)

Если же говорить о мемах, не имеющих прямых эквивалентов, то тут переводчики оказались еще в более затруднительном положении. Прежде всего это касается перевода с русского на английский, и данному направлению перевода посвящен следующий раздел статьи.

Is their English good enough?

Проанализируем, насколько уверенно конкурсанты переводили с родного, русского языка на неродной – английский. Начну с примера:

Ну, вот такой пространственно-ориентированной культурой, несомненно, является русская культура, которая очень хорошо чувствует пространство, пространственные границы, не отдает границы, удерживает их, поэтому и **Курилы**, поэтому и «**Крым наш**», поэтому такое тонкое чувство сакральности мест и десакрализации мест. Пространство – несомненно, наша стихия.

That is why Russian culture is one of the space-oriented cultures, because it feels space very well and it also feels its boundaries and tries to retain them. That is why we have **the situation with the Kurils**, that is why **we have the Crimea which is ours**, and also there is the feeling of having space as something sacral. (21)

Анализируя этот фрагмент, мы имеем возможность продолжить разговор о **мемах**. Их здесь два – *Курилы* и *«Крым наш»*. От тех мемов, что приводились выше, оба отличаются тем, что не имеют прямых эквивалентов, потому что актуальны прежде всего для российского дискурса. Передать их можно описательно или с помощью пояснительных слов. Ведь, например, говоря *«Курилы»*, оратор не просто называет Курильские острова, а имеет в виду позицию России в территориальном споре с Японией. Переведя этот мем как “the situation with the Kurils”, переводчик хоть и не прояснил сути данного мема, но по крайней мере дал слушателям понять, что вокруг Курил существует некая «ситуация», в которой при желании можно разобраться по другим источникам. (Можно было бы перевести и конкретнее, например, “that explains Russia’s Kuril Islands policy”, но это замечание не является критическим.)

С переводом мема *«Крым наш»* справиться удалось хуже. Фраза “We have the Crimea which is ours” – малопонятный плеоназм. Здесь возможны различные варианты, но наиболее очевидный – поясняющий перевод, например:

...поэтому и «Крым наш» – ...and this is why Russians keep saying
“(the) Crimea is ours.” (22)

От мемов перейдем к **абстрактным существительным**. Таковых в выступлениях ораторов было немало, потому что, как уже отмечалось, их рассуждения носили в основном отвлеченный, почти философский характер. Абстрактные понятия составляют основу академического дискурса как на русском, так и на английском языках, и от переводчиков ожидается уверенное владение их обозначениями.

Однако конкурсанты такого владения не проявили. Обратим внимание на окончание фрагмента (21). Однословный эквивалент слова *сакральность* – *sacrality* ускользнул от переводчика, который сконструировал не очень удачное описательное соответствие (“having... as something sacral”). Второе понятие, *десакрализация* (чему в английском языке ожидаемо соответствует слово *desacralization*, хотя можно было передать его и описательно) осталось без перевода.

Следующие фразы, построенные на абстрактных существительных, были опущены в переводе целиком:

Это связано прежде всего с типологией культур. (23)

Пространство – несомненно, наша стихия. (24)

У нас идея сохранения какого-то статуса практически отсутствует в головах. (25)

Вряд ли пропуск этих фраз – оправданная жертва. Возможно, конкурсанты упустили эти высказывания потому, что не знали, какими значками обозначить в скорописи встретившиеся в них понятия: *типология, культура, пространство, стихия, статус*. Во всяком случае, абстрактные и отглагольные существительные приводили финалистов в замешательство. Вот еще примеры:

У нас проблемы с планомерно... постепенно планируемым **преобразованием**.

We have certain problems with gradual planning of **our time being**. (25)

Соответствие получилось невразумительным; возможный корректный вариант – We have problems with gradually planned *reform / transformation*.

То есть, несомненно, вместе с процессом появления единой культуры, единой цивилизации, единого смыслового поля в мире происходит процесс **атомизации, разделения** людей, «**нишевизации**»...

So now we have the situation when we have one global single cultural space, but at the same time we are having **some kinds of niches that appear in this space**... (26)

Здесь не переданы понятия *цивилизация, смысловое поле, атомизация*; очевидно, все внимание переводчика привлек авторский неологизм *нишевизация*, который передан описательно, но не слишком связно. (Приведу возможный – но, конечно, далеко не единственный – вариант перевода последней части: "...people are divided, atomized and driven into niches".)

Эти угрозы связаны не с глобализацией, не с **атомизацией**, не с конфликтами между этими культурами...

I am not talking about globalization or **conflictization** or **the actual conflicts** between the cultures **that clash with each other**... (27)

Снова слово *атомизация* не получило корректного соответствия. Возможно, здесь переводчик просто оговорился и использовал вместо atomization несуществующее слово conflictization, но это привело к чрез-

мерной концентрации слов со значением ‘конфликт’: “conflictization – conflicts – clash”!

Во многих случаях профессионалы некорректно употребляли **артикли**, особенно с абстрактными существительными. Вот показательный пример:

И еще с чем я хотел бы согласиться в связи со сказанным, – это, конечно, доминирование массовой культуры, которая, однако, разбавляется все усиливающимся влиянием сетевой культуры. Мы должны разделять массовую культуру, сетевую культуру, и по-прежнему остается высокая культура, которая, да, под угрозой.

And I would also like to agree with the idea that we are now having **a... the...** so-called **mass culture** and we need to divide **mass culture** and **network culture**... we have **network culture, mass culture** and also **the** high culture, which is now under threat. (28)

Запись с фонограммы наглядно показывает, что в начале фразы переводчик колеблется, не зная, какой – определенный или неопределенный – артикль поставить перед выражением *mass culture*. Далее он все-таки приходит к правильному решению, снимая артикль перед словосочетаниями *mass culture* и *network culture*, но в конце предложения снова сбивается и вводит ненужный в данном контексте определенный артикль перед *high culture*.

Если говорить о грамматике, ошибки в артиклях вообще оказались самыми распространенными, хотя у одних конкурсантов они встречались чаще, у других – реже. Приведу несколько примеров без оригинала, в которых некорректное употребление артиклей (а также и другие грамматические ошибки) выделены полужирным шрифтом:

I suppose that some **of the** modernization processes... they take place not only in **the** culture but on a higher level. (29)

Besides **the** problems with the historic timeframe we also see **the** weakened condition of this category, we see **the** disrupted reality, and we have **the** periods of stagnations followed up by **the** periods of revolution. (30)

But, of course, Anglo-Saxon culture is **the** time-oriented one. (31)

Наконец, нельзя не отметить еще одну стилистическую особенность переводов, а именно чрезмерную скудость арсенала синтаксических конструкций, которую обнаружили некоторые конкурсанты. Так, вернув-

шись к примеру (26), можно заметить, что в нем три раза в рамках одного предложения употреблена конструкция *we have (we are having)*.

Перевод как причина непонимания

В заключение приведу показательный пример, когда небольшая, на первый взгляд, неточность перевода привела к реальному сбою в коммуникации между собеседниками. При двустороннем переводе подобный сбой особенно опасен, потому что, оттолкнувшись от неправильно понятой идеи, разговор может пойти по такому руслу, в котором усугубится провал непонимания, и переводчик поставит себя в крайне затруднительное положение.

Примечательно, что неточность перевода оказалась связанной с абстрактным существительным. Вот фрагмент выступления, в котором переводчик допустил ошибку:

Ну, и последняя, третья проблема, которую я бы хотела назвать, это так называемый кризис гуманитарности, но кризис **гуманитарности**, происходящий в первую очередь в головах у тех, кто кризиса не видит, – у наших ученых-естественников.

There is another thing that I'd like to mention, and this is another threat, another danger that I think should be brought up, and that is, this crisis of **the humanities, the humanities as a school of thought**, and, in particular, this crisis... we can observe it in the heads and brains of our natural scientists. (32)

Как видим, затруднения у переводчика вызвало слово *гуманитарность*. Слово действительно редкое и немного туманное по значению: ясно, что оно образовано от прилагательного *гуманитарный*, но последнее употребляется в самых разных значениях. Правильнее всего в данном случае было бы принять решение, лежащее на поверхности, – образовать абстрактное существительное от прилагательного по аналогичной словообразовательной модели английского языка: *humanitarian – humanitarianism*.

Слово *гуманитарность* здесь – своего рода условный символ, значок, которым оратор только обозначил свою идею: он будет постепенно раскрывать ее смысл в ходе дальнейшего рассуждения. Это стандартный риторический прием, к которому должен быть готов переводчик. Оптимальная политика перевода в таком случае – передавать не до конца ясное в оригинале столь же не до конца ясными средствами (насколько, конечно, это позволяют ресурсы языка перевода).

Однако переводчик пошел по-другому пути: он попробовал сразу расшифровать мысль оратора. Видимо, введенный в заблуждение упоминанием «ученых-естественников», конкурсант придал слову *гуманитарность* значение ‘гуманитарные науки’ (the humanities), да еще добавил сюда интерпретацию «как школа мысли» (as a school of thought). Но и «школа мысли» не помогла. Второй содокладчик решил, что речь идет о гуманитарных дисциплинах, и в ответной реплике заявил:

The crisis of the humanities? I'm not aware of that. I studied **the humanities**— I studied English literature at MA level... okay it's about over 10 years now, but I'm not aware of any **crisis of humanities**, I'd like to know more about what my colleague meant by that. (*Точный перевод*: Кризис гуманитарных наук? О нем я ничего не знаю. Я изучал гуманитарные науки – английскую литературу в магистратуре. Правда, это было больше десяти лет назад, но мне ничего не известно про кризис гуманитарных наук. Хотелось бы узнать подробнее, что под этим подразумевает коллега.)

Итак, переводчик попался в капкан собственной догадки. Как поступать дальше? Ведь если переводить точно слова оратора, они вызовут недоумение у его содокладчика – речь шла совсем о другом. Конкурсант пытается найти выход из положения, объединяя слова первого оратора о гуманитарности со своим ошибочным переводом, обозначающим «гуманитарные науки», и начинает пассаж следующим образом:

Теперь, что касается **кризиса гуманитарных наук, кризиса гуманитарности. Ну, и в принципе гуманитарные науки связаны с человечеством, да?**

Второе предложение здесь – тоже плод собственного творчества переводчика, старающегося увязать «гуманитарные науки» уже не только с гуманитарностью, но и с понятием ‘человечество’ (одно из значений слова *humanity*). Трудно сказать, как переводчику удалось бы разрешить проблему непонимания собеседников, если бы их беседа продолжалась намного дольше. (К этому моменту срок испытания уже подходил к концу.)

Переводчик завершил абзац следующим образом:

Десять лет я уже занимаюсь изучением литературы. Сам учился на литературе... у меня был один... я учился в университете, когда проходил... когда я сдавал магистерские экзамены, я как раз занимался... одна из моих специальностей была литерату-

ра, и я не могу сказать, что этот самый... кризис... наблюдаю... поэтому, если вы поделитесь со мной своими замечаниями, я буду вам очень благодарен.

Здесь имеет место еще одна смысловая ошибка: вместо «более десяти лет назад» (it's over ten years now) вышло «десять лет», то есть 'в течение десяти лет'. Кроме того, не получилось передать мысль «Я изучал английскую литературу в магистратуре» ("I studied English literature at MA level"), для выражения которой переводчик с трудом подыскивал нужные слова.

Заключение

Что же показал финал конкурса по последовательному переводу среди профессионалов? Резюмирую изложенные выше наблюдения.

- Профессионалы изжили большинство описанных мною ранее «детских болезней». Однако они продемонстрировали склонность к неуместному **перебору синонимов и повторам** одних и тех же смысловых элементов высказывания.

- Конкурсанты показали способность вести перевод, длительное время не прерывая оратора. Но при этом они допускали немало **смысловых искажений** (подчас грубых), **неточностей в деталях, пропусков и добавлений «от себя»**.

- Переводчики недостаточно хорошо фиксировали и передавали **прецизионную лексику** (имена, названия, количественные сочетания) и не всегда демонстрировали твердое знание формы некоторых важных имен собственных на языке перевода.

- Переводчики слабо владели **терминами и культурными мемами**, не выделяя их в смысловой структуре переводимого текста и, возможно, не отдавая себе отчета в их важности для адекватного перевода.

- Конкурсанты не проявили уверенного владения навыками передачи **абстрактных существительных** в научно-публицистическом и академическом дискурсе. В целом это искажало характер и уровень общения, обедняло мысль оратора, а в одном случае привело к непониманию между собеседниками.

- Переводы на английский язык были построены в целом грамотно, но отличались не всегда корректной передачей **артиклей**, в особенности с теми же абстрактными существительными.

На основе этих наблюдений можно сформулировать некоторые выводы и рекомендации для переводчиков и преподавателей перевода.

- Хотя навыки переводческой скорописи суть одно из важнейших умений последовательного переводчика, профессионалу следует отдавать себе отчет (а педагогам следует внушать студентам), что **переводческая запись позволяет фиксировать лишь базовую смысловую канву** речевого фрагмента. Если переводимый текст носит характер обобщающих, концептуальных рассуждений, насыщенных модально-логическими и семантическими нюансами, воспроизвести их можно, лишь сочетая запись с напряжением кратковременной памяти, временные пределы действия которой ограничены. Соответственно, адекватный перевод неподготовленного выступления возможен лишь в режиме передачи коротких отрезков оригинала. Такой режим оптимален и для лектора, если он желает установить контакт с аудиторией, и для восприятия слушателей, внимание которых может утомляться и отвлекаться при чрезмерно долгом звучании иноязычной речи.

- В силу этих причин желательно сводить **длительность переводимых фрагментов** звучащего текста **до минимума в одно-два предложения**. (Повторюсь, что за рамками этой статьи оставлен последовательный перевод *в условиях протокольных мероприятий*, когда у переводчика нет возможности регулировать длительность переводимых периодов.) Умение добиться оптимального режима (как в сотрудничестве с оратором, так и самостоятельно) – один из необходимых навыков устного переводчика, часть его умения правильно организовать свою работу в интересах слушателей.

- Переводчикам и преподавателям перевода следует глубже тренировать навыки передачи **абстрактных понятий и мемов**, образующих лексико-семантический каркас научно-публицистических текстов.

Один из главных итогов конкурса заключается в том, что профессиональные переводчики-лингвисты, обладающие, без сомнения, гуманитарным образованием, допустили больше всего неточностей и ошибок в деталях, свойственных именно академическому, гуманитарному дискурсу. Возможно, это – парадоксальное проявление того «кризиса гуманитарности», о котором говорили ораторы на конкурсе.

Список литературы

Ермолович Д.И. Детская болезнь «размазни» в последовательном переводе // Мосты. 2005. № 1 (5). С. 47–58 (электронная версия статьи размещена по адресу: <http://yermolovich.ru/index/0-64>).

Ермолович Д.И. Наш перевод, вперед лети! В лакуне остановка // Мосты. 2009. № 1 (21). С. 48–67 (электронная версия статьи в формате pdf размещена по адресу: http://yermolovich.ru/lakuna/lakuna_unabridged.pdf, см. с. 14 и след.).

Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974. 550 с.

Миньяр-Белоручев Р.К. Последовательный перевод. М., 1969. 288 с.

Сведения об авторе авторе: Ермолович Дмитрий Иванович, докт. филол. наук, профессор МГЛУ, главный редактор издательства «Аудитория». E-mail: slovesa@gmail.com.

ШКОЛА ВЕРЫ АРСЕНЬЕВНЫ БЕЛОШАПКОВОЙ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А.БЕЛОШАПКОВОЙ)

В этом году исполнилось сто лет со дня рождения профессора кафедры русского языка, доктора филологических наук Веры Арсеньевны Белошапковой (1917–1996). Эта дата была отмечена на Белошапковских чтениях в октябре 2017 г., и мы публикуем статьи, написанные учениками и коллегами Веры Арсеньевны и частью основанные на прочитанных там докладах. Нам кажется важным, предваряя эти тексты, напомнить основные моменты биографии Веры Арсеньевны и ее научной деятельности.

Она приехала на кафедру русского языка в 1948 г. для обучения в аспирантуре. В Москву из Тобольска ее пригласил В.В.Виноградов, вернувшись из ссылки (он был отправлен из Москвы в Тобольск как неблагонадежное лицо). Там они оба преподавали в Омском педагогическом институте, эвакуированном в Тобольск во время войны.

Защитив в 1951 г. кандидатскую диссертацию (см. [Белошапкова, 1950]), В.А.Белошапкова была направлена в Ригу, где в Латвийском университете заведовала кафедрой русского языка до 1957 г., а потом вернулась в Москву и работала на кафедре русского языка филологического факультета МГУ до конца жизни, то есть почти сорок лет (о биографии В.А.Белошапковой см.: [Белошапкова Т., 2001]).

За эти сорок лет ею проделана огромная работа в области синтаксиса – его описания в академической грамматике и его преподавания в университетском курсе современного русского языка. Вера Арсеньевна сочетала работу над описанием сложного предложения в Грамматике 1970 г. с подготовкой докторской диссертации [Белошапкова, 1970] и чтением курса лекций по синтаксису современного русского языка, а также ведением научных семинаров для студентов и аспирантов. Под ее руководством защищено 35 кандидатских диссертаций и 6 докторских – это целый отряд синтаксистов, работающих в разных городах страны¹.

В.А.Белошапкову хорошо знают российские филологи, поскольку большинство из них изучали современный русский язык по учебникам под ее

---

¹ Список диссертаций, защищенных под руководством В.А.Белошапковой, опубликован в [Синтаксис: изучение и преподавание, 1997: изучение и преподавание: сборник работ учеников В.А.Белошапковой. М., 1997: 271–274]. Там же см. список публикаций В.А.Белошапковой.

редакцией. Ее первый учебник синтаксиса вышел в 1977 г. [Белошапкина, 1977], а уже в 1981 г. публикуется учебник [Современный русский язык, 1981], который объединил всех лекторов курса «Современный русский язык» в университете – М.В. Панова, Е.А. Земскую, И.Г. Милославского. Изучение современного русского языка на уровне современной науки – вот принцип, который В.А. Белошапкина стремилась представить в этом учебнике, взяв на себя редактирование и подготовку его синтаксического раздела. В 1989 г. выходит второе издание учебника [Современный русский язык, 1989], а уже в следующем – сборник упражнений, который должен был помогать в проведении практических занятий [Современный русский язык, 1990].

Веру Арсеньевну хорошо знали преподаватели синтаксиса: многие не только были читателями ее работ, грамматики, учебников, но и приезжали в Москву повышать квалификацию – познакомиться со знаменитым автором, послушать ее лекции, обсудить с ней интересующие их синтаксические проблемы.

В краткой заметке трудно представить Веру Арсеньевну как коллегу, учителя, человека. Тот, кому это интересно, может почитать о ней подробнее в целом ряде аналитических материалов и воспоминаний².

Публикуемые ниже статьи – выражение нашего глубокого почтения к Вере Арсеньевне Белошапкиной и дань памяти замечательному ученому и учителю.

Список литературы

- Белошапкина В.А.* К изучению структурных типов сложного предложения в современном русском языке: (Временные предложения с союзом *как*): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1950.
- Белошапкина В.А.* Сложное предложение в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1970.
- Белошапкина В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Белошапкина Т.В.* Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапкиной // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапкиной / Сост. Т.В. Белошапкина, Т.В. Шмелева. М., 2001. С.9–19.
- Кадыров Ш.К.* Учитель как Человек, адресант и адресат // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс иссле-

² См. [Кадыров, 2004], [Шмелева, 1997а], [Шмелева, 1997б], [Шмелева, 2010].

дователей (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М., 2004. С. 361–362.

Синтаксис: изучение и преподавание: Сб. работ учеников В. А. Белошапковой. М., 1997. С. 271–274.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.

Современный русский язык: Сб. упражнений / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1990.

Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В. А. Белошапковой // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. №3. С. 78–86 (1997а).

Шмелева Т.В. Синтаксис и судьба // Синтаксис: изучение и преподавание: Сб. работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997. С. 5–13 (1997б).

Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / Сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010. С. 26–33.

О.Г.Ревзина

ЕЕ НАЗЫВАЛИ ПРОФЕССОР

Статья посвящена личности В.А. Белошапковой как ученого и как педагога, а также ее вкладу в изучение русского синтаксиса. Концепция синтаксических связей и отношений, предложенная В.А. Белошапковой, рассматривается в сопоставлении с идеями генеративной и когнитивной лингвистики, что позволяет выявить как отдельные переклички, так и принципиальные различия в подходах к соотношению языковых и мыслительных структур.

Ключевые слова: Белошапкова, профессор, наставник, русский синтаксис, синтаксические связи, синтаксис и мышление.

The article cherishes memory of Prof. V.A. Beloshapkova as a scholar and teacher, and her impact of studies in Russian syntax. Concept of syntactic links and relations, suggested by Beloshapkova, is treated in comparison with the ideas of generative and cognitive linguistics.

Key words: Beloshapkova, teacher, scholar, Russian syntax, generative linguistics, cognitive linguistics.

В конце 1950-х гг., будучи студенткой, я слушала лекции Веры Арсеньевны по синтаксису. В аудиторию входила статная русская женщина. От нее исходило спокойствие, торжественность, сосредоточенность. Была весна, и было много света. С ним гармонировало светлое лицо Веры Арсеньевны и светлая ее одежда. Позднее стало ясно, что это был и свет ее личности.

Как-то пришлось встретиться с Верой Арсеньевной на кафедре. «Как у Вас дела?» – спросила Вера Арсеньевна. А надо сказать, что Вера Арсеньевна задавала такие вопросы не этикетно, а потому, что ее действительно интересовало то, о чем она спрашивает. «Да вот, – говорю, – ищу репетитора по русскому языку» (мой сын собирался поступать в университет). Вера Арсеньевна немного помолчала и потом сказала: «Знаете, Ольга Григорьевна, мне кажется, я могу быть неплохим репетитором» (!). Таков был этот дар щедрости и дружеского участия. И целый год один из моих сыновей каждую неделю ездил к Вере Арсеньевне, и возвращался в совершенном упоении, и поступил, и многое понял навсегда.

Прощание с Верой Арсеньевной происходило в главном здании МГУ. В просторном помещении сидели люди, много людей, и большая часть была мне незнакома. Они приехали в этот день и на один этот день со

всех концов уже не существовавшего тогда государства. Это были люди, которых учила Вера Арсеньевна, – 50 кандидатских и несколько докторских, написанных и защищенных под ее руководством, – это не шутка! – те, кому она помогала своими советами, кого пестовала и опекала. Потому что, хотя я сама никогда не была ученицей Веры Арсеньевны, я так понимаю, что Вера Арсеньевна не порывала с теми, кто попадал в ее орбиту. Это было скорбное, но торжество.

Ее называли «профессор», и так к Вере Арсеньевне обращались. Немногих профессоров так величают. И я задумалась, что же такое профессор, какими качествами должен обладать человек, чтобы «профессор» стало его собственным именем. В Словаре Д. С. Ушакова написано, что *профессор* (лат. professor – наставник) – это «высшее ученое звание преподавателей высших учебных заведений» и «преподаватель, обладающий этим званием». Как мало! Вера Арсеньевна была прежде всего ученым. Ученый – это человек, бескорыстно заинтересованный в познании и в знании, тот, которого не могут остановить внешние обстоятельства, действующие вразрез с его устремлениями. Крупный ученый вносит значительный вклад в ту науку, которой он посвящает свою жизнь.

Вклад Веры Арсеньевны в учение о русском синтаксисе неоспорим. Вера Арсеньевна пришла в лингвистику в середине XX в. Это было время больших задач, новых идей, новых проектов и великолепного энтузиазма. Вера Арсеньевна знала и высоко ценила отечественную традицию, вступала в научный диалог и полемику, была открыта новым подходам и выработала собственную концепцию. К синтаксису конкретного языка можно подходить с позиции его лингвоспецифичности, с позиции универсальной грамматики, с позиции когнитивистики, стремящейся объяснить овладение языка ребенком. В Минималистской программе Н. Хомского подступ к решению этой последней задачи сопровождается отказом от какой-либо конкретики и выдвиганием самых общих принципов вроде «передвигай что угодно куда угодно» при предложенных фиксированных условиях [Хомский, 2005: 139]. В этом подходе устройство конкретного языка и языковая способность разводятся в разные стороны. Вера Арсеньевна ставила целью адекватное описание именно русского языка, как языка флективного строя. Отсюда такое значение формы слова при описании синтаксических связей. «В составе разных синтаксических единиц, – пишет Вера Арсеньевна, – синтаксической связью объединяются компоненты разной природы» [Белошاپкова, 1977: 16]. И дальше она выделяет семь типов синтаксических соединений, которые,

что называется, проходят сквозь три типа синтаксических единиц, – словосочетание, предложение, сложное предложение.

Этот же «сквозной» взгляд принят и при рассмотрении видов синтаксической связи и специально видов управления. Противопоставление сочинения и подчинения представлено во всех типах синтаксических соединений и составляет, по мысли В.А. Белошапковой, «основу синтаксической системы» [Белошапкова, 1977: 23]. Единство концепта сочинительной связи подчеркнуто в языке тем, что «средства выражения сочинительной связи одинаковы на разных уровнях» [Белошапкова, 1977: 24]. Связи подчинения являются гораздо более дифференцированными. Их объединяет только одна особенность: подчинительная связь «выражается посредством характеристики именно зависимого компонента, так что средство выражения связи (морфема или служебное слово) помещается обязательно при зависимом компоненте» [Белошапкова, 1977: 57]. Для представления подчинительных связей во всей полноте вводятся признаки предсказуемости / непредсказуемости и обязательности / необязательности. При предсказывающей связи «главный компонент определяет (предсказывает) форму зависимого», обязательность подчинительной связи – «регулярность появления зависимого компонента при главном» [Белошапкова, 1977: 27]. Сверх того, производится различение собственно синтаксических отношений и семантико-синтаксических отношений.

В результате возникает стройная изящная типология возможных видов управления, из которых в русском языке наличествует пять видов: *купить книгу* (предсказуемость, обязательность, собственно синтаксические отношения), *войти в комнату* (предсказуемость, обязательность, семантико-синтаксические отношения), *страница книги* (предсказуемость, необязательность, собственно синтаксические отношения), *очутиться в лесу* (непредсказывающая обязательная связь с семантико-синтаксическими отношениями), *дом у дороги* (непредсказывающая необязательная связь с семантико-синтаксическими отношениями). Соответственно связь может быть предсказывающей, но необязательной (связь между существительным и определяющим его прилагательным), обязательной, но не предсказывающей (*находиться в столе / на столе / под столом / около стола; Он был так грязен, что только и мечтал о ванне. – Он был так грязен, словно только что вылез из печной трубы*). И так же четко разделены виды примыкания: здесь не действует признак предсказуемости, так что выделяются два типа обязательной связи (собственно синтаксические отношения – *продолжать говорить*, семантико-синтаксические

отношения – *расположиться напротив*) и два вида необязательной связи (собственно синтаксические отношения – *весело смеяться*, семантико-синтаксические отношения – *город ночью*). Мне представляется, что ценность такого подхода состоит именно в конкретике, в отсутствии разрыва между материей языка и абстрактностью используемого понятийного аппарата. Разделение синтаксических и собственно синтаксических отношений позволяет дать четкую характеристику видов управления и примыкания, представленных в русском языке.

Я остановилась на небольшой части синтаксической концепции В.А.Белошапковой, которая относится к синтаксическим связям. Интересно, что разделение этих признаков и их определение перекликается с произведенным И.А.Мельчуком в 1960 г. разделением устойчивости и идиоматичности, включая и шкалу устойчивости. И в других случаях – идет ли речь о словосочетании, о простом и сложном предложении – постоянно возникает широкий ассоциативный фон перекличек, относящихся к другим областям устройства языка, других синтаксических теорий, неожиданно подтверждаемых описанием, предлагаемым Верой Арсеньевой.

Я перехожу здесь к другой составляющей того смысла, которое вкладывается в понятие профессора таким (если здесь уместны реминисценции), каким его замыслил Бог. Учебник Веры Арсеньевны по синтаксису я считаю лучшим и образцовым (к счастью для всех нас, Веру Арсеньевну не коснулась эпоха «Истины» и рейтингов). И дело здесь не только и не столько в очевидных вещах – прямой и ясной последовательности изложения, определении каждого нового термина, оговаривании специальных случаев, не подчиняющихся общей закономерности, безупречности приводимых примеров и безупречности выводов. От учебника Веры Арсеньевны остается какое-то светлое чувство, как будто и не имеющее прямого отношения к синтаксису. Это чувство можно выразить так: «Все будет хорошо». Это своего рода оптимизм знания и познания, «удовольствие от текста», если вспомнить Ролана Барта. А собственно к синтаксису имеет отношение другая сторона его описания, принадлежащего Вере Арсеньевне. Много позднее я спросила своего сына: «Как ты считаешь, чему научила тебя Вера Арсеньевна?». «Она научила меня думать» – таков был ответ. Поначалу он прозвучал неожиданно. Ведь речь идет о синтаксисе, здесь все очень конкретно, и вдруг такое обобщение – думать, и ясно, что не столько о словосочетании или сложном предложении, сколько думать вообще – о мире, о языке, о жизни, об искусстве. «Думать» – значит осу-

ществлять мыслительную деятельность. Сразу вспомнилось, что профессор, кроме того, что это ученый, это еще и *наставник*, то есть тот, кто наставляет на ум. Вера Арсеньевна была, на мой взгляд, именно таким наставником. В чем же состояло такое «наставничество»? Оно неотделимо от ее видения синтаксиса. Обращают на себя внимание три момента.

Мышление человека осуществляется в форме суждений и умозаключений. К мыслительным операциям относят анализ и синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизацию, обобщение, классификацию. Всему этому учат в логике. Но одно дело – заучить определения этих операций, а другое – представить их наглядно-действенно. Вера Арсеньевна как раз и представляет синтаксис как наглядно-действенное воплощение в самом языке мыслительных операций. Это очень наглядно проявляется при разъяснении статуса синтаксических единиц как единиц языка и речи. Отправляясь от конкретного, помещенного в предложение речевого словосочетания *рисует березу* (*Сейчас художник рисует березу*), Вера Арсеньевна обращается к другим потенциальным речевым соединениям, включающим формы слов *рисовать* и *береза* (*рисуй, рисуя, рисующий березу*), и далее, как она пишет, на основе ассоциативных связей, вводит в рассмотрение такие сочетания, как *рисовать лес, ребенка*, с одной стороны, и с другой – *вспомнить, описать березу*. Отсюда – «выведение отвлеченного образца словосочетания» (транзитивный глагол плюс винительный падеж, имеющий синтаксическое значение), квалифицируемого уже не как «речевое словосочетание», а как единица языка. Так формируются «структурные схемы, модели или формулы», выявленные в разной степени применительно к предложению, словосочетанию и сложному предложению. Все это очень просто, восхождение от конкретики к обобщению выглядит совершенно прозрачно, но важно подчеркнуть, что сами мыслительные операции не отделены от языка, они воплощены в нем, причем, в отличие от минималистской программы Хомского, приходится считать, что они воплощены в грамматическом строе конкретного языка. Понятие воплощенности (*embodiment* – «воплощение, материализация, овеществление») пришло в языкознание вместе с когнитивистикой. В классическом представлении мышление «всегда опирается на данные чувственного опыта – ощущения, восприятия, представления – и на ранее приобретенное теоретическое знание». В когнитивистике делается следующий шаг – разум и мышление объявляются неотторжимыми от человеческой телесности. Как пишет Дж.Лакофф, «разум материален в том, что фундаментальные формы рациональности

рождаются из чувственно-двигательных и других укорененных в теле форм» [Lakoff, Johnson, 1999: 77]. Дж. Лакофф выделяет четыре типа когнитивных моделей (пропозициональные, образно-схематические, метафорические, метонимические) и настаивает на том, что когнитивные модели мышления находят воплощение в структуре языка. Так, если обратиться к синтаксису, иерархическая синтаксическая структура строится на основе схемы «часть – целое» (вершина – целое, узлы – части), в группе «главный член – его модификатор» воплощается схема «центр – периферия», а «грамматические отношения и отношения кореферентности представляются структурно схемой СВЯЗЬ, синтаксическое расстояние характеризуется схемой ЛИНЕЙНАЯ шкала» [Lakoff, Johnson, 1999: 377]. Сверх того, «синтаксические категории характеризуются схемой ВМЕСТИЛИЩЕ» [Lakoff, Johnson, 1999: 378]. Эти когнитивные модели прочитываются в описании синтаксической системы русского языка, предпринятом Верой Арсеньевной. Немаловажно и другое. В соответствии с концепцией Дж. Лакоффа (я отвлекаюсь сейчас от ее критики) «нет непроходимой пропасти между языком и мышлением, с одной стороны, и миром, с другой. Язык и мысль значимы потому, что они мотивированы нашим функционированием как части реальности» [Lakoff, Johnson, 1999: 379]. Иначе говоря, одни и те же когнитивные способности и овещественные в языке модели мышления обеспечивают понимание мира и текста, и синтаксис здесь играет важнейшую роль.

Есть еще один момент, который кажется существенным упомянуть. Утверждая, что наш опыт доконцептуально структурирован на базовом уровне (уровне взаимодействия людей с внешним окружением), Дж. Лакофф рассматривает среди других схему «связь», возводя ее к телесному опыту и предлагая следующую базовую логику: «Если А связано с В, то А ограничено В и зависит от В. Отношение симметрично» [Лакофф, 2004: 357]. Лакофф справедливо указывает, что «социальные и межличностные отношения часто понимаются в терминах связи» [Лакофф, 2004: 357]. Но он не дифференцирует эти связи. Между тем такая дифференциация фактически представлена в языке, как это показывает Вера Арсеньевна. Внятное и адекватное лингвистическое описание вмещает новое знание и само «чревато смыслами». Управление, примыкание, согласование – это ведь не только термины, эти слова описывают типы отношений, которые есть и в жизни. И тогда возникает мысль, а не заложены ли в синтаксисе модели этих отношений – обязательных и необязательных, предсказуемых и непредсказуемых, формальных и содержательных.

«Наставить на ум» можно, конечно, лишь такого человека, который хочет этого. А еще у человека можно пробудить, вызвать такое желание. Вера Арсеньевна это умела. Она была настоящим профессором. И добавлю: профессором нашей кафедры. – кафедры русского языка.

Список литературы

Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Лаккофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М., 2004.

Хомский Н. О природе и языке. С очерком: Секулярное священство и опасности, которые таит демократия / Пер. с англ. М., 2005.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York, 1999.

Сведения об авторе: Ревзина Ольга Григорьевна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: orevzina@gmail.com.

Т.В.Шмелева

СОЮЗОЦЕНТРИЗМ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ В КОНЦЕПЦИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В.А.БЕЛОШАПКОВОЙ

В статье анализируется концепция сложного предложения В.А.Белошапковой в одном аспекте, который обозначен автором как преодоление союзоцентризма. Показано, как за счет этого расширилось представление о языковых средствах, участвующих в формировании сложного предложения. Разбираются такие последствия преодоления союзоцентризма, как реабилитация бессоюзных сложных предложений, выявление роли местоимений в строении сложного предложения, открытие его семантики. Утверждается, что обсуждаемое достижение стимулировало новые исследования сложного предложения.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, синтаксис, сложное предложение, семантика, В.А.Белошапкова.

The article analyzes the concept of complex sentences by V.A. Beloshapkova in one aspect, which is marked by the author as overcoming of soyzocentrism ('conjunction centrism'). It is shown how due to this the view of language involved in the formation of complex sentences was expanded. The impact of overcoming of soyzocentrism is evidenced by rehabilitation of asyndetic complex sentence, identification of the role of pronouns in the structure of complex sentences, the opening of its semantics. It is argued that the achievement under discussion has stimulated new wave of research of complex sentences.

Key words: Russian, grammar, syntax, *complex* sentence, semantics, V.A. Beloshapkova.

Отмечая столетие со дня рождения Веры Арсеньевны Белошапковой, уместно обратиться к ее концепции сложного предложения. Этот синтаксический объект привлекал ее всю лингвистическую жизнь – от кандидатской диссертации [Белошапкова, 1950] до последней прижизненной защиты ее учеников, на которую была представлена работа корейской аспирантки [Ю Хе Кён, 1996]. Обрамляющие ее научную биографию предложения связаны с выражением временных отношений, и в этой рамке оказывается почти полвека размышлений о природе синтаксического феномена. Последнее время ее мысли о сложном предложении как бы растворялись в работах ее учеников, поэтому у нее не выходили собственные статьи, но публиковались работы, совместные с учениками, например [Белошапкова, Менькова, 1995], [Белошапкова, Ю Хе Кён, 1996].

Со сложным предложением связано и наиболее значительное ее научное достижение – описание его в [Грамматика, 1970: 652–740], утвердившее новый взгляд на эту синтаксическую единицу и определившее во многом ее дальнейшее исследование. Разработка принципов этого описания составила содержание ее докторской диссертации [Белошапкина, 1970], ряд идей которой изложен в книге [Белошапкина, 1967], которую она считала учебной и всегда сетовала на то, что издать настоящей научной монографии так и не удалось. Тем не менее грамматическое описание, книга, статьи и разделы о сложном предложении в учебниках позволяют составить представление о концепции В. А. Белошапкиной.

Не берясь характеризовать все новое, что она внесла в понимание сложного предложения, остановлюсь на одном моменте, который можно обозначить как **преодоление союзцентризма**. Отмечу, что мне уже приходилось писать об этом в сборнике, который мы готовили к юбилею Веры Арсеньевны, но напечатали посмертно [Шмелева, 1997: 8–9]. Она читала этот текст, и можно сказать, что это апробированный ею сюжет. Теперь, через двадцать лет, кажется возможным вернуться к нему, попытавшись рассмотреть его более детально.

Итак, **союзцентризм** я называю такой взгляд на сложное предложение, который учитывает главным образом (если не единственно) **союз**, на котором оно «держится». Иначе говоря, этот подход связан с абсолютизацией союза в организации сложного предложения. Он сформировался в рамках формальной школы русской грамматики [Белошапкина, 1967: 107] и в свое время был весьма прогрессивен, сменив **аналогический**, в основе которого лежало представление об аналогии сложноподчиненного предложения (точнее, его придаточных частей) и членов простого предложения. Такой подход связывают с грамматическими идеями Ф. И. Буслаева [Белошапкина 1967: 105–106], его объясняют доминированием логического направления в языкознании, хотя здесь видна не столько логика, сколько ограниченность синтаксической мысли теорией членов предложения.

К середине прошлого века, когда Вера Арсеньевна входила в синтаксическую науку (кандидатская диссертация, напомним, защищена ею в 1951 г.), аналогический подход уже был неактуален, хотя его остатки, такие, как, например, термин «придаточное определительное», существуют до сих пор. А вот союзцентризм культивировался в академической и школьной грамматике. Свидетельством этого может служить прежде всего термин «бессоюзные предложения»: ожидается союз, а его нет. От-

сюда понимание таких предложений как некоей периферии, не представляющей синтаксического интереса. Второе такое свидетельство – характеристика сложных предложений по союзам: соединительные, разделительные, противительные, временные, условные, причинные... Каков союз – таково и сложное предложение. В школе все это присутствует и сегодня, тем более что союзоцентризм поддерживается нашей пунктуацией: запятую надо ставить перед союзом, поэтому детей, так сказать, «науськивают» на союз (или союзное слово, это уже частность).

О том, что В.А. Белошапкина с самого начала не была подвержена союзоцентризму, можно судить уже по ее кандидатской диссертации. Хотя в ее названии фигурирует союз *как*, реально изучались конструкции типа *Не прошло и получаса, как погода изменилась*. В них союз «работает» не в одиночку, а во взаимодействии с лексикой – и результат взаимодействия оказывается не суммой их значений, а особым смысловым образованием.

Критическое отношение к союзоцентризму ощущается и в книге 1967 г. Во введении есть важная для нас мысль о том, что пересмотр взглядов на сложное предложение связан с расширением лингвистических представлений о языковой форме. Отсюда ее суждение, сформулированное с удивительной прямоотой: «...показательно, что именно в русской грамматике была предпринята попытка дать чисто формальное описание сложного предложения, при котором в центре внимания находятся средства связи частей (М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский). Ее неуспех в значительной степени объясняется тем, что само понимание формы сложного предложения было слишком узким и по существу отождествлялось со средствами связи» [Белошапкина, 1967: 4].

Релевантными для сложного предложения В.А. Белошапкина считает четыре ряда конструктивных признаков: 1) открытость / закрытость структуры; 2) особенность структуры и лексического состава предикативных единиц; 3) средства их соединения и выражения отношений между ними; 4) возможности порядка частей [Белошапкина, 1967: 47]. Как можно видеть, средства связи в этом списке (а это, подчеркнем, не только союзы) входят в характеристику типа сложного предложения, но не как единственный, да и не как первый признак.

Комплекс этих признаков, по мысли В.А. Белошапкиной, и составляет «формулу сложного предложения» [Белошапкина, 1967: 47]. Пример такой формулы она приводит для предложения *Чтобы проект был закончен в срок, все работали с предельной нагрузкой*: она выглядит так –

$P_{s1} \leftarrow (\text{чтобы } P_m)$ [Белашапкина, 1967: 48]. В грамматике для обозначения того же она прибегает к термину «структурная схема сложного предложения» [Грамматика, 1970: 653], что можно объяснить выравниванием понятийного аппарата синтаксического раздела грамматики, где простое предложение описано по структурным схемам. Это понятие сохраняется и в первом учебнике, хотя в его интерпретации отмечаем некоторые изменения: на первое место выносятся синтаксическая связь предикативных единиц и связующие средства; далее называется их состав, и наконец, порядок следования [Белашапкина, 1977: 173–174].

Но одно дело не разделять союзцентризм, то есть понимать, что сложное предложение устроено сложнее, а другое дело – разработать описание этой синтаксической единицы в режиме его преодоления. Реальное описание сложных предложений – как в грамматике, так и в учебниках – осуществляется по типам (или классам) сложных предложений, каждый из которых получает характеристику по ряду параметров. Определяя свою концепцию как структурно-семантическую, В. А. Белашапкина последовательно характеризует каждый тип сложного предложения с учетом его отношений с другими.

Что же дает такой взгляд на сложное предложение?

Прежде всего нужно назвать **реабилитацию бессоюзных предложений** (альтернативного термина для именованья которых так и не предложено). С учетом широкого понимания языковой формы, предложения, которые толковались и именовались отрицательно – через отсутствие союзов, – получили собственную характеристику. Развивая идеи Н. С. Поспелова, высказавшего сомнения в правильности сведения бессоюзных сложных предложений к союзным, Вера Арсеньевна вводит понятие **недифференцированной** синтаксической связи [Белашапкина 1977: 236], тем самым показав их особое место в системе. И это место не периферийное, а первичное, что подтверждается и фактами истории языка, ведь развитие союзов – долгий процесс с привлечением лексики разных частей речи [Кузнецова 1978; 1983].

Часть бессоюзных предложений – открытой структуры с перечислительными отношениями – включаются в состав сочинительных предложений, как пример из повести В. Тендрякова «Тугой узел»: *Идут трехтонные «Зисы», тащат на себе бревна лесовозы, покрикивая на нерасторопные грузовики, мчатся «Победы»* [Грамматика, 1970: 657]. В таком решении проявляется очевидный приоритет смысловых отношений, что говорит о подходе скорее семантико-структурном.

Для бессоюзных предложений закрытой структуры вводится понятие **типизированной структуры**, при этом типизирующими элементами считаются наличие местоименной лексики (*И вот что плохо: мало читаешь; Мало хороших книг – вот о чем нужно думать писателям; Она хорошо улыбается, такая улыбка была у моей матери*); незамещенная синтаксическая позиция (*Было ясно: мы опаздываем*), факультативная заключительная частица (*Мне бы смолчать, (так) ссоры бы не было*) [Грамматика, 1970: 736–739].

Такая интерпретация бессоюзных предложений способствовала активизации исследовательского интереса к ним, о чем свидетельствуют работы [Соколова 1983], [Ширяев, 1986], [Чайковская, 1988] (последняя характерна в том отношении, что бессоюзные предложения рассматриваются в ряду конструкций с семантикой изъяснительности). И это при том, что в следующей академической грамматике отказались от понятия «бессоюзное сложное предложение», соответствующие факты обозначены как «бессоюзные соединения предложений» [Русская грамматика, 1980: 734–656].

Во-вторых, концепция сложного предложения В.А. Белошапковой показала, как велика роль **местоимений** в организации сложного предложения. Местоимения толкуются ею как особый «отряд» средств организации сложного предложения, а не допускаются в него под стыдливым термином «союзное слово». Это можно назвать **синтаксической реабилитацией местоимений** как средств связи сложного предложения. В итоге выявлена типология местоименных сложных предложений, которую составили, с одной стороны, конструкции, которые «держатся» только на местоимениях, – отождествительные типа *Кто хочет, тот добьется* [Грамматика, 1970: 685–687] и относительно-распространительные типа *Он острит и рассказывал смешные истории, чем расположил к себе всех попутчиков* [Грамматика, 1970: 735]; а с другой стороны, такие, которые формируются комплексами «местоимение + союз». Среди последних в зависимости от характера местоимения различаются предложения фразеологические типа *Любовалась собой так, что хоть зеркало перед ней ставь* [Грамматика, 1970: 689–691] и вмещающие типа *Никто не мог войти в дом без того, чтобы не споткнуться о порог; То, что он с шестнадцати лет работал, помогло узнать людей* [Грамматика, 1970: 691–694]. Вмещающая конструкция – настоящее открытие В.А. Белошапковой, эти предложения не замечали до нее, между тем они занимают большое место в печатных текстах и, кроме того, вмещающая

конструкция служит основой для серии текстовых скреп, как показано в работах [Шмелева, 2008a], [Шмелева, 2008b], [Шмелева, 2012], [Шмелева, 2013], [Шмелева, 2015].

В-третьих, хотя союзы и были сведены с пьедестала монополии в организации сложного предложения, В.А. Белошапкова не вывела их из поля исследовательского внимания. Напротив, выявились важные моменты в их «работе». Описывая сложносочиненные предложения закрытой структуры, она характеризует не только собственно союз, но и, с одной стороны, семантику предикативных единиц, а с другой, «полусоюзные слова» – частицы, наречия, модальные слова. В итоге то, что традиционно характеризовалось как соединительные предложения, предстает в виде серии семантических разновидностей – соединительно-распространительные, результативные и контрастного соединения, ср.: *Художник всю зиму писал декорации для театра, и эта работа не прошла для него бесследно; Завтра воскресенье, и электрички, идущие из Москвы, переполнены; Я хотел ему ответить – и не мог слова вымолвить* [Грамматика, 1970: 664–667]. Другие семантические серии (следствия-вывода, противительно-уступительные, противительно-возмездительные, отождествительно-соединительные, соединительно-дополнительные) создаются соединением союза и «полусоюзного слова», при этом часто рядом с одним таким словом могут стоять разные сочинительные союзы (то есть их семантика нейтрализуется?) – *и в то же время, а в то же время, но в то же время*. В некоторых случаях союз оказывается необязательным – *слов поэтому, потому, зато, между тем* и т. п. оказывается достаточно для организации предложения [Грамматика, 1970: 674–678] (что мешает признать их союзами, для меня загадка). И про подчинительные союзы выясняется, что в некоторых условиях они могут выражать значения, характерные для сочинительных, например, сопоставительные. Именно среди таких предложений оказываются конструкции с союзом *если*: *Если, как правило, вывод вытекает из аргументов, то тут, напротив, аргументы вытекали из вывода* [Грамматика, 1970: 671]. Все это показывает, что позиции союзцентризма не так прочны даже в истолковании классических союзных предложений, которые описывались «по союзам» со времен грамматики Греча.

Наконец, в характеристиках сложного предложения В.А. Белошапкова разрабатывает принципы последовательного учета **семантики**, выражаемой как средствами связи, так и лексикой предикативных единиц. В этом и состоит суть ее структурно-семантического подхода к сложному

предложению. Это оказалось стимулом его исследований в семантическом аспекте, которые дали интересные результаты в докторской [Шувалова, 1990] и ряде кандидатских диссертаций ее учеников [Бабалова, 1975], [Хегай, 1981], [Крамских, 1982], [Грекова, 1985].

Таким образом, приведенные факты и соображения, как кажется, убедительно говорят о том, что в концепции В.А. Белошапковой преодолевается союзоцентризм в понимании сложного предложения. Представленные здесь четыре последствия этого преодоления можно оценивать как шаги к реалистичному описанию сложного предложения. При этом я не могу сказать, что эта концепция сегодня кажется мне безупречной. Но оценивать ее следует не из сегодняшнего дня, так сказать, ретроспективно, а из контекста, в котором это явление выросло, – проспективно. При таком проспективном взгляде – ее теория сложного предложения и его описание в Грамматике 1970 г. представляют собой серьезное движение вперед, в частности за счет преодоления союзоцентризма.

Обобщая, можно сказать, что сложное предложение как синтаксический объект постепенно открывалось русской синтаксической науке своими разными сторонами. И открытие каждой из них было прогрессом, но скоро оказывалось, что объяснить с его помощью можно было не все, и тогда начинались поиски новых подходов, в ходе которых обнаруживались новые стороны сложного предложения. Ни один из них нельзя считать неверным, они объясняли одни факты и были бессильны в объяснении других. В оценке этого общего движения русского синтаксиса нельзя не учитывать концепцию В.А. Белошапковой – важный этап формирования теории сложного предложения, о завершении которой нельзя говорить и сегодня.

Список литературы

- Бабалова Л.Л.* Семантические разновидности причинных и условных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Белошапкова В.А.* К изучению структурных типов сложного предложения в современном русском языке (Временные предложения с союзом *как*): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1950.
- Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории). М., 1967.
- Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1970.

- Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Белошапкова В.А., Менькова Н.В.* Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект) // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения В.В. Виноградова). М., 1995. С. 53–62.
- Белошапкова В.А., Ю Хе Кён.* Об одной специфической конструкции временных сложноподчиненных предложений // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. №1. С. 82–94.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грекова О.К.* Виды значения повторяемости и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Крамских С.В.* Смысловая организация местоименно-соотностельных (отождествительных) предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Кузнецова Р.Д.* Формирование составных союзов в русском языке. Калинин, 1978.
- Кузнецова Р.Д.* Исторические изменения в сложноподчиненном предложении. Калинин, 1983.
- Поспелов Н.С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
- Соколова Г.В.* Бессоюзные сложные предложения с причинным значением в аспекте описания русского языка как иностранного: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Хегай В.М.* Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Чайковская Н.Н.* Бессоюзное изъяснительное предложение. Алма-ата, 1988.
- Ширяев Е.Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
- Шмелева Т.В.* Адъективная вмещающая конструкция // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): Материалы Всерос. науч. конф. 13–15 нояб. 2013 г. / Отв. ред. В.Д. Черняк. СПб., 2013. С. 303–308.
- Шмелева Т.В.* Вмещающая конструкция // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 4. С. 58–67 (2008a).
- Шмелева Т.В.* Дело в том, что... // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь профессора Т.А. Колосовой/

Отв. ред. Н.Б. Кошкарева, О.М. Исаченко. Новосибирск, 2008. С. 145–153 (2008b).

Шмелева Т.В. Русская вмещающая конструкция: функциональный потенциал и его реализация в медиасфере // Славянская историко-культурная и языковая ситуация: Коллект. моногр. / Отв. ред. С. А. Алексанова, Т.В. Шмелева. Славянск-на-Кубани, 2012. С. 285–296.

Шмелева Т.В. Синтаксис и судьба // Синтаксис: изучение и преподавание: Сб. работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997. С. 5–13.

Шмелева Т.В. Субстантив как компонент вмещающей конструкции // Язык. Дискурс. Текст: Материалы VI Междунар. науч. конф.: Сб. науч. ст. Ростов-на-Дону, 2012. С. 152–154.

Шмелева Т.В. Текстовая скрепа *И это при том, что...* // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия «История, филология». 2015. Т.14. №9. С. 102–110. <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1548343> (12.09.2016).

Шувалова С.А. Смысловые отношения между частями сложного предложения и способы их выражения: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1990.

ЮхеКён. Однособытийные временные сложноподчиненные предложения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Сведения об авторе: Шмелева Татьяна Викторовна, докт. филол. наук, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ученица В.А. Белошапковой. E-mail: szmiel@mail.ru.

О.К. Грекова

ЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС СИНТАКСИСА РКИ

Статья посвящена анализу соотношения логической, грамматической и семантической структур русского простого предложения и обоснованию классификации простого предложения на основе типа суждения. В ней представлены определенные на этой основе семантические типы простого предложения, релевантные для языка специальности «Филология. Лингвистика». Предложен разработанный в этом русле практический курс синтаксиса РКИ.

Ключевые слова: русский как иностранный (РКИ), классификация простого предложения на основе типа суждения, семантические типы простого предложения языка специальности «Филология. Лингвистика».

The paper deals with the correlation of logical, grammatical and semantic structures of Russian simple sentence. It provides justification of the Simple Sentence Classification founded on the logical basis. It introduces Semantic Sentence Types relevant for the language of specialization «Philology. Linguistics» and puts forward the Russian for Foreigners (RFF) Practical Syntax course developed on this foundation.

Key words: Russian for Foreigners (RFF), simple sentence classification, logical basis, semantic sentence types, language of specialization «Philology. Linguistics».

Грамматический курс РКИ в его синтаксической части на филологическом факультете и других гуманитарных факультетах МГУ в течение многих лет опирался на воззрения В. В. Виноградова, В. А. Белошапковой, Н. Ю. Шведовой и разрабатывался во многом благодаря ученикам В. А. Белошапковой: Н. А. Лобановой, А. Л. Горбачик, Г. А. Битехтиной, С. А. Шуваловой.

В создании двухтомной «Книги о грамматике» (2004), содержащей описание синтаксиса русского языка и предназначенной для изучающих русский язык как иностранный, а также практического пособия «Синтаксис современного русского языка» (2015), содержащего комментарии и упражнения и адресованного иностранным учащимся филологических факультетов университетов Российской Федерации, также участвовали ее ученики – Л. Л. Бабалова, О. К. Грекова, Р. А. Кулькова.

Оба указанных синтаксических курса основывались на представлении о трехсторонней организации русского предложения (смысловой –

формальной – коммуникативной) и представляли разнообразные смысловые отношения, выражаемые средствами как простого, так и сложного предложения.

В последние годы разработка кафедрой РКИ филологического факультета такого функционального стиля русского языка, как научная речь, породила необходимость обратиться к логическому ракурсу синтаксиса.

Логический аспект изучения синтаксических единиц давно присутствовал в отечественном языкознании. Логико-грамматический анализ устройства русского языка широко представлен в работах А.А. Потебни, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова и других исследователей. В работах по общему языкознанию этот подход практиковался и практикуется ныне при изучении проблем соотношения языка и мышления, механизмов когниции, специфики знаковых систем и т. д.

Мысль, выраженная предложением, получала в разные времена разные толкования: Ф.И. Буслаев, например, был в свое время сосредоточен на понятии суждение, А.А. Потебня – на том, что сейчас именуется апперцепцией.

Философы и лингвисты пытались описать структуру мысли так, чтобы проследить ее взаимосвязь с логической, синтаксической и ритмико-интонационной членимостью предложения.

1. Типы языковых значений в синтаксическом курсе РКИ

Синтаксические курсы РКИ, какому бы контингенту и учащимся какого уровня они ни были адресованы, всегда задействовали те значения, что выражаются и простым, и сложным предложением.

Классический их перечень (см., например, в [Бабалова, Булгакова, Величко, Грекова и др., 2015]) выглядит следующим образом:

- выражение определительных отношений;
- выражение изъяснительных отношений;
- выражение временных отношений;
- выражение причинных и следственных отношений;
- выражение условных отношений;
- выражение целевых отношений;
- выражение уступительных отношений;
- выражение сопоставительных отношений;
- выражение отношений дополнения;
- выражение соединительных отношений;

- выражение разделительных отношений;
- выражение градационных отношений;
- выражение пояснительных отношений.

Во всех разделах названных выше и других используемых ныне в разных государственных университетах РФ учебных пособий по синтаксису РКИ представлены трансформации простого полипропозитивного предложения в сложное. В простом предложении часто присутствуют свернутые пропозиции (как, например, в предложениях *Из-за малого объема словаря не все значения многозначных слов в нем зафиксированы; При таком подходе к материалу классификация будет более полной; Ради сокращения объема диссертации часть материала можно вынести в приложение*). Термин «пропозиция», как и другие аналогичные, не фигурирует в функциональном курсе, но если в ходе практических занятий преподаватель берет за правило разворачивать свернутые пропозиции (например, так: *Из-за того, что объем словаря невелик, не все значения многозначных слов в нем зафиксированы; Если подойти к материалу таким образом, классификация будет более полной; Ради того, чтобы сократить объем диссертации, часть данных можно вынести в приложение*), поясняя процедуру трансформации и взаимоотношения актантов, и прослеживать виды синтаксической связи внутри предложения, то это делает обучение более осознанным и предупреждает появление целого ряда ошибок.

II. Классификация простых предложений на основании вида суждения

Исследование особенностей научной речи специальности «Филология» на кафедре РКИ филологического факультета МГУ и наблюдения за частотностью определенных логических отношений, встречающихся в этой сфере, привело к необходимости создать и применить не реализованную прежде классификацию простых предложений, выстроенную на логической основе, на основе типа суждения.

Познавая объективный мир, человек (и особенно исследователь) ставит перед собой цель обнаружить связи и отношения между предметами и их признаками. Эти связи и отношения отражаются в мышлении в форме суждений, представляющих собой связь понятий. Роль суждений в процессе познания является ключевой, так как всякое знание обретает форму суждения.

Разные направления философии языка (начиная с Аристотеля, Б. Рассела, А. Тарского, кончая, скажем, Е.В. Падучевой и Н.Д. Арутюновой)

разграничивают простое и сложное суждение. Исходной точкой для нас послужило понимание простого суждения как такого, которое выражает связь двух понятий, касающихся одного предмета, и не включает других суждений. Например, простое суждение *Декан – выпускник МГУ* связывает два понятия (*Декан* и *выпускник МГУ*), имея дело с одним предметом рассуждения.

Из курса формальной логики [Малахов, 2001: 44] известно, что простые суждения классифицируются по следующим основаниям:

- 1) по объему субъекта (подразделяются на единичные, частные и общие);
- 2) по качеству связки (простые суждения могут быть либо утвердительными, либо отрицательными);
- 3) по содержанию предиката – делятся на экзистенциальные (суждения утверждения), атрибутивные (суждения свойства) и релятивные (суждения отношения).

Н.Д. Арутюнова, выделяя в структуре мысли два традиционных логических компонента – субъект и предикат, – устанавливает виды отношений между ними и на их основе выделяет 4 типа логических суждений:

1) логические отношения бытийности, присущие, соответственно, суждениям бытийности, где утверждается наличие / отсутствие в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками: *Только в мире и есть, что тенистый // Дремлющих кленов шатер. // Только в мире и есть, что лучистый // Детски задумчивый взор* (А. Фет);

2) логические отношения идентификации (тождества), присущие суждениям тождества, – субъект и предикат тождественны: *Ах, витязь, то была Наина* (А. Пушкин);

3) логические отношения номинации, присущие суждениям номинации, где предикат выражает название субъекта (*Этот цветок называется ландыш*);

4) логические отношения характеристики, присущие суждениям характеристики, когда предикат выражает любой признак (статический или динамический) субъекта (*Шалапин – это талант*) [Арутюнова, 1976].

Эти представления легли в основу первого концентра учебного пособия для иностранных магистрантов-филологов «Коммуникативный синтаксис», созданного на основе языка специальности. В нем представлено семь семантических типов предложений, выделенных на основании вида суждения. Каждому семантическому типу посвящена отдельная глава.

Для языка специальности «Филология. Лингвистика» оказались типичными:

- 1) простые суждения экзистенциальные (они представлены в главе II «Обозначение наличия предмета / явления / процесса в некоторой области»);
- 2) простые суждения номинации (они представлены в главе I «Обозначение номинации»);
- 3) простые суждения атрибутивные (они представлены в главах III «Обозначение отличительного признака предмета» и IV «Обозначение квалификации»);
- 4) простые суждения релятивные (они представлены в главах V «Обозначение паритивности», VI «Обозначение классификации» и VII «Обозначение иерархии»).

III. Простое суждение и простое монопропозитивное предложение

Релевантная для языка указанной специальности классификация слов оказалась закрепленной главным образом за формой простого монопропозитивного предложения. Некоторые исключения представлены в материале «Обозначение отличительного признака предмета». Например, при наибольшей частотности выражения данного смысла простым предложением (*Русское ударение подвижно. – Для русского ударения характерна подвижность. – Русское ударение характеризуется подвижностью*) зафиксирован реальный, однако вызывающий некоторые сомнения у носителей языка вариант [?]*Для русского ударения характерно то, что оно подвижно.*

В функциональных курсах направления РКИ исследователь любого объекта часто движется от наблюдений к научному обоснованию, и в данном случае объяснительной моделью выбрана нечленимость подобных суждений. За каждым из названных семи типов предложений стоит единое простое суждение, где ни один из элементов не может быть вынесен за пределы такового.

Простым суждениям в этом случае соответствуют главным образом простые монопропозитивные предложения.

IV. Простые монопропозитивные предложения и операциональная деятельность исследователя

Важно отметить, что выделенные для языка специальности «Филология. Лингвистика» смыслы сложились в определенную систему, отражаю-

шую последовательность операциональных действий исследователя, относящихся так или иначе к той сфере, которая в тезаурусе П. М. Роже [Roget, 2004: 173] именовалась «Разум: умственная деятельность (класс IV).

В этой области автором вычленяется «Порождение идей» (пункт 4.1), к которому относятся «Менталитет, понимание, рассуждение» (пункт 447), «Умственные процессы, мышление, память, предвидение... исследования... проявление любопытства... рассмотрение и т. д.» (пункт 449) (перевод наш. – О. Г.).

Рассуждения П. Роже привели к необходимости продолжить членение понятийного поля «Умственные процессы» и, конкретно, более подробно представить содержание процесса исследования, к какой бы конкретной области бытия оно ни относилось.

Итак, операциональная деятельность исследователя была структурирована следующим образом:

- 1) поиск и открытие нового объекта, утверждение его существования (значение наличия объекта в некоторой области);
- 2) приписывание новому объекту имени (значение номинации);
- 3) поиск отличительного, дифференцирующего признака нового объекта (значение отличительного признака объекта);
- 4) квалификация нового объекта в целом, вписывание его в ряд более или менее подобных (значение квалификации);
- 5) определение состава, внутренней структуры нового объекта (значение партитивности);
- 6) классификация найденных объектов (значение классификации);
- 7) выстраивание иерархии найденных объектов на том или ином основании (значение иерархии).

V. Инструментарий обучения иностранных учащихся выражению смыслов поля «Деятельность исследователя»

Новая для синтаксического курса РКИ классификация простых предложений русского языка, не принятая доньше ни в одном учебном пособии РКИ, вызывает к жизни необходимость новых умений инофонов – навыков пользования новыми логическими инструментами анализа, распознавания непривычных для них объектов и их свойств. Учащимся необходимо:

- 1) находить широкое и узкое понятие;
- 2) различать качество – свойство – явление – процесс (знать таксономию предикатов);

3) иметь представление о явлении градации, проявляющемся в разных областях и по-разному;

4) осознавать модификации одного и того же понятия (например, *полное оканье – умеренное оканье*);

5) распознавать границы сферы существования предмета – существования в конкретной области бытия / в мире / в составе объекта / в чьем-либо распоряжении;

6) вычленять отличительный, дифференцирующий признак предмета среди прочих его признаков;

7) понимать, что отличительным признаком предмета может быть действие или изменение состояния (например, *Звонким согласным на конце русского слова свойственно оглушение*);

8) различать типы квалификации предмета: квалификацию узкого (видового) понятия через широкое (родовое), квалификацию строгую и образную, квалификацию через функцию, квалификацию субъективную и объективную;

9) определять полный / неполный перечень составных частей предмета;

10) различать структурированные и неструктурированные предметы / понятия (*Лексема состоит / складывается из морфем, но не *Лексема охватывает морфемы, поскольку предмет лексема структурирован*); ощущать реализацию этого признака по-разному в разных контекстах; ср. *Семантика данного слова, определенная О.Н. Селиверстовой по методу компонентного анализа, включает три компонента / содержит три компонента / состоит из трех компонентов*, где предмет **семантика** предстает структурированным, и *Семантика таких предложений складывается* (но не **состоит*) *из нескольких компонентов*, где предмет **семантика** предстает неструктурированным;

11) различать классификации, основанные на одном или нескольких признаках: *Классификация звуков русского языка основывается / базируется на одном признаке* (но не **опирается на один признак*) – *соотношения голоса и шума*.

Перечисленные выше логико-семантические ориентиры есть не что иное, как абсолютно новый для иностранных учащихся инструментарий, и необходимо, видимо, немалое время, чтобы он стал привычным.

Существует мнение, что денотативное и логическое направления семантического синтаксиса разработаны более всего концептуально и оба демонстрируют принципиальную возможность применения этих подхо-

дов для решения главной задачи семантического синтаксиса – выделения семантических типов предложения.

На наш взгляд, классификация простого предложения по типу суждения имеет ключевой идеей учет соотношения грамматической и семантической структур предложения.

Опыт кафедры РКИ филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова свидетельствует, на наш взгляд:

1) что логико-семантические критерии классификации простого предложения позволяют выделить совершенно определенные семантические типы предложений, актуальные для научной речи специальности «Филология. Лингвистика», отсутствовавшие на всем протяжении истории РКИ;

2) что введение в профессиональный обиход иностранных учащихся данных типов простого предложения крайне необходимо им как операционально, так и лингвистически;

3) что учащимся следует прививать навыки адекватного построения суждения, так как это позже приведет к точности и ясности речи, а также и к верной постановке и формулировке исследовательских задач, в данном случае специалиста-филолога;

4) что речемыслительная деятельность учащегося, организуемая таким образом, способствует формированию более четкого логико-речевого самоконтроля;

5) что особенности такого подхода, связанного с включением синтаксиса как одного из уровней языковой системы в более обширную картину «действительность – мышление / логика рассуждения – язык», позволяют детализировать определенный фрагмент русской языковой картины мира.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 281 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М., 1988. 339 с.

Бабалова Л.Л., Булгакова Л.Н., Величко А.В., Грекова О.К. и др. Синтаксис современного русского языка: Практич. пособие для иностр. учащихся филол. ф-тов: Комментарии и упражнения / Под ред. А.В. Величко. СПб., 2015. 248 с.

Книга о грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / О.А. Артемова, А.В. Величко, О.К. Грекова и др.: В 2 т. Т. 2. М., 2004. 688 с.

Коммуникативный синтаксис русского языка: Учеб. пособие для иностр. магистрантов-лингвистов / Н.В. Баландина, О.К. Грекова, С.В. Киржанова, Л.В.Красильникова, Е.А. Кузьмина и др. // Под ред. О.К. Грековой, Л.В. Красильниковой, И.В. Одинцовой. М., 2017. 334 с.

Малахов В.П. Формальная логика: Учеб. пособие для высшей школы. М., 2001. 379 с.

Roget P.M. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / New edition, revised and edited by G. Davidson. London, 2004. 824 p.

Сведения об авторе: Грекова Ольга Константиновна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: olggre@list.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

А.Л. Борисенко

БУКВАЛИЗМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ОШИБКА, ЭКСПЕРИМЕНТ, МЕТОД?

Термин «буквализм» в отечественном переводоведении употребляется в разных значениях, что зачастую запутывает научную дискуссию. Кроме того, в советский период спор о переводческом методе приобрел идеологическую окраску, из-за чего существенно пострадала содержательная часть спора. Отчасти из-за этого в отечественной традиции плохо воспринимается западная теория перевода, которая обсуждает форенизирующие и доместицирующие тенденции как равноценные и взаимодополняющие. В статье сделана попытка разобраться в нюансах употребления термина «буквализм».

Ключевые слова: перевод, буквализм, формализм

The term 'literalism' is used in a variety of meanings in Russian literary studies, which often makes the scholarly discussion complicated. Apart from that, in Soviet times the discussion of translation method had acquired an ideological flavour, which dealt a serious blow to the essence of the argument. Partly because of that, Western translation theory is poorly acknowledged and understood in the Russian tradition; it discusses foreignizing and domesticating trends as equally valuable and complementary. The article makes an attempt to work out the details of the use of the term.

Key words: translation, literalism, formalism.

Ошибка

В русских словарях «буквализм» практически всегда трактуется как нечто негативное. Так, «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2006, I] толкует его как «формальное следование чему-либо, строгое соблюдение внешней стороны чего-либо *в ущерб существу дела*» (курсив мой. – А. Б.).

Русскоязычная Википедия сообщает, что это «ошибка при переводе с другого языка, заключающаяся в том, что вместо подходящего для данного случая значения слова используется главное или самое известное значение. Так же может называться пословный или дословный перевод».

Классики советского переводоведения также дают буквализму нелестные определения: «...буквальным переводом следует считать перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необхо-

дим в данном случае. Следует подчеркнуть, что буквальный перевод недопустим...» [Бархударов, 1975].

«Существуют два источника и два типа буквализма. Первый, более примитивный тип, своего рода “детская болезнь” начинающих переводчиков, коренится во внешнем сходстве иностранных и русских слов, сходстве графическом или фонетическом. Это буквализм этимологический. <...> Второй тип буквализма, более сложный и коварный, чем буквализм этимологический, состоит в использовании переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов» [Рецкер, 2010].

Согласно этим определениям, буквализм – это ошибка, даже несколько видов ошибок: использования «ложного друга» переводчика, использование неверного значения, непонимание целого при переводе отдельных элементов. Если обобщить, то выходит, что буквализм как ошибка каждый раз состоит в переводе одного элемента без учета целого, без достаточного понимания контекста. Это явление хорошо знакомо всем по непрофессиональным, ученическим переводам: попытка передать фразу дословно приводит к неловкому синтаксису, затемнению смысла, нарушению узуса. В этом значении слово «буквализм» имеет отрицательную коннотацию и может употребляться как по отношению к отдельному переводческому решению, так и при описании общей тенденции перевода.

Эксперимент

Термин «буквализм» также может ассоциироваться с радикальными экспериментами в переводе, в которых сознательно поставлена задача повторить иностранный текст максимально точно, не боясь нарушения узуса принимающего языка, используя непривычный синтаксис и вводя новые слова. Обычно такой эксперимент бывает направлен на важный для культуры и широко известный текст и не претендует на положение единственного, канонического, или даже «адекватного» перевода. Самый очевидный пример такого эксперимента – перевод «Энеиды», выполненный Валерием Брюсовым; этому переводу посвящена статья М.Л. Гаспарова «Брюсов и Буквализм» [Гаспаров, 1971]. Гаспаров приводит следующий отрывок (6, 515–19):

Конь роковой на крутые скачком когда Пергамы прибыл
И, отягченный, принес доспешного воина в брюхе, –
Та, хоровод представляя, эвающих вкруг обводила

Фригиек в оргии; факел сама посредине держала
Мощный и Данаев им звала с высоты крепостицы.

Мы видим, что перевод Брюсова копирует не только синтаксис, но и словообразование, хотя при этом опознается как поэтический текст.

На этом примере стоит остановиться для того, чтобы рассмотреть представление о «буквалистическом» переводе как о механистическом, мертвом тексте, который близок к машинному переводу (см. [Бусаджи, 2014]). Это представление не выдерживает проверки практикой: перевод Брюсова не просто не похож на машинный перевод, но противоположен ему: машина может брать только существующие словарные слова, в то время как доведенная до крайности формальная точность порождает неологизмы.

Дословный перевод имеет сходство с машинным там, где нарушается синтаксис и сочетаемость, но точно так же на машинный перевод может оказаться похож и оригинальный текст с определенной художественной задачей. Это ярко демонстрирует тест под названием «Машинный перевод или Платонов?»¹, где участнику предлагается отличить цитату из машинного перевода Бальзака от цитаты из Платонова. Эта задача, на первый взгляд элементарная, оказывается непростой.

Например: «На дороге встречались худые деревья, горькая горелая трава и всякий другой живой инвентарь природы, ветхий от климатического износа и топота походов войны».

Или: «Уже месяц широкое солнце бросает в поля свой жгучий огонь. Лучистая жизнь появляется под этим ливнем огня; земля зелена насколько хватает глаз».

Или: «В эти последние дни перед снегом вся живая зелень поверхности земли была поставлена под расстрел холода, заморозков и длинной ночной тьмы. Но – предварительно – скупая природа раздевала растения и разносила ветрами замерзшие, полуживые семена».

Образованный носитель языка с высшим гуманитарным образованием, как правило, делает хотя бы одну-две ошибки.

Таким образом, максимально буквалистский перевод, выполненный в порядке эксперимента, больше всего похож на экспериментальный оригинальный текст, где сам язык ставится под вопрос, становится предметом остранения (т. е., по Шкловскому, выводится из автоматизма воспри-

---

¹ http://reverent.org/ru/machine_translation_or_platonov.html (автор теста Ольга Рачкова).

ятия). При этом создается иллюзия, что читатель читает текст на чужом языке, который он тем не менее понимает. В этом случае авторский текст становится как бы представителем языка и культуры, теряет индивидуальные черты; переводчик показывает (обычно искусственному и образованному) читателю, уже знакомому с текстом в более традиционных переводах, как устроен текст в оригинале. Такой перевод рассчитан на узкую группу ценителей и намеренно раздвигает границы принимающего языка; М.Л. Гаспаров называет это «переводом для производителей», в отличие от «перевода для потребителей».

Слово «буквализм» может употребляться при описании подобных переводов только как нейтральное описание повышенной точности, поскольку нарушение узуса здесь соответствует специфической интенции переводчика (не является ошибкой или просчетом). Такое (неоценочное) употребление термина очень редко – по сути, последовательно его использует только М.Л. Гаспаров, который вопреки сложившейся традиции утверждает, что «буквализм не бранное слово, а научное понятие» и пытается определять его через длину контекста:

«В теории перевода есть понятие “длина контекста”. Это такой объем текста оригинала, которому можно указать однозначный (или близкий к однозначности) объем текста в переводе. В зависимости от длины контекста переводы разделяются на “пословные”, “посинтагменные”, “пофразные” и т. д.

В художественном переводе тоже можно говорить о “длине контекста”. Это такой объем текста оригинала, которому можно указать притязующий на художественную эквивалентность объем текста в переводе. Здесь тоже “длина контекста” может быть очень различной – словом, синтагмой, фразой, стихом, строфой, абзацем и даже целым произведением. Чем меньше длина контекста, тем “буквалистичнее” (не будем говорить “буквальнее” – в теории перевода этот термин уточняется несколько иначе) перевод». [Гаспаров, 1971: 101].

Употребление термина «буквализм» в том значении, которое приписывает ему М.Л. Гаспаров, можно назвать скорее полемическим, чем общепринятым.

Метод

Дискуссия о методе буквализма в отечественном переводоведении практически не касается переводческих экспериментов; она четко привязана к определенному периоду времени и определенным людям, и ее не-

возможно рассматривать вне эпохи, идеологии и личных конфликтов. Здесь слово «буквализм» встречается исключительно в отрицательном смысле и (нередко намеренно) смешивается с первым значением «переводческой ошибки». Между тем ошибка не может быть методом – едва ли кто-то поставит себе задачу выбирать неверное словарное значение, обманываться «ложным другом переводчика», складывать неуклюжую фразу, не передающую смысл оригинала и т. д.

Таким образом, с самого начала это употребление термина строится на подмене: слово «буквалисты» одновременно означает неумелых переводчиков, совершающих ошибку, и в то же время им приписывается «буквализм» как метод: т. е. получается, что они создают ошибочный перевод намеренно.

Главным образом представление о «буквализме» как о последовательном методе (ошибочном и вредном) связано с критикой переводов издательства «Academia», которое было создано в 1921 г. в Петрограде. Издательство просуществовало до 1937 г., за это время оно неоднократно меняло форму собственности, руководителей и направление; входило в состав разных организаций, в 1929 г. переехало в Москву. Однако все это время «Academia» продолжала выпускать книги высокого полиграфического качества, в которых уделялось большое внимание иллюстрациям, предисловиям, комментариям, а также качеству переводов и редактуре. С самого начала среди авторов и сотрудников издательства было много представителей формальной школы: «Academia» издавала труды Тынянова, Проппа, Жирмунского, Виноградова, Томашевского. Формальный подход – т. е. внимание к форме текста – был близок и тем сотрудникам издательства, которые переводили и редактировали зарубежную литературу, среди в них в разное время были: Борис Ярхо, Густав Шпет, Евгений Ланн и Александра Кривцова, Михаил Лозинский, Александр Смирнов, Адриан Франковский и др.

Содержательно конфликт между переводческими установками издательства «Academia» и представителями так называемой «реалистической» школы перевода, самым ярким представителям которой был Иван Кашкин, полностью вписываются в парадигму противостояния, подробно описанного немецкими писателями и мыслителями (Гете, Шлейермахером) в начале XIX в.² В современном западном переводоведении для

---

² Гете формулирует это так: «Существует две максимы перевода: одна требует, чтобы автор чужой нации перенесен был к нам, таким образом, чтобы мы могли воспринимать его как своего; другая, напротив, предъявляет к нам требова-

обозначения этих разнонаправленных тенденций в переводе употребляются термины *Foreignization* (форенизация, очуждение) и *Domestication* (одомашнивание, освоение), а также *source-oriented translation* и *reader-oriented translation* (перевод, ориентированный на оригинал или на читателя)³.

Однако в СССР 1930-е гг. этот спор окончательно перешел в идеологическую плоскость, в результате чего «буквалистский» метод был заклеен как «порочный» и уже к 1960-м гг. в теории перевода царит по крайней мере иллюзия единомыслия, а «буквалистский» перевод упоминается лишь в качестве побежденного врага.

Как справедливо отмечает Сусанна Витт [Witt, 2013], в последний раз теоретические установки «формальной точности» свободно звучали на первом Всесоюзном совещании переводчиков, где состоялась широкая дискуссия о методе перевода. Основными ораторами, которые обосновывали «формальный» метод, были А. Смирнов, М. Лозинский и Е. Ланн (все трое так или иначе имели отношение к издательству «Academia»); все они настаивали, что элементы формы художественного произведения неотделимы от содержания. В частности, Лозинский утверждал: «... чтобы быть не мертвым, а живым, перевод должен воспроизвести форму оригинала, ибо в этой форме живет, разлито в ней и неотделимо от нее содержание. Что же образует форму в поэзии? Два элемента – ритм (и его надстройки, строфика) и мелодия (или звукопись)...» (цит. по [Земскова, 2015]).

Среди сторонников более вольного перевода был Пастернак: «Переходя в плоскость уже литературных потребностей, литературных намеков, я могу сказать, что в такой же степени как обязательное знание языка, с которого переводят, в такой же степени для меня спорна обязательность передачи формы подлинника, метрономической формы, чтобы строка русская стукнула в минуту столько же раз, как и строка в оригинале. Я в этом глубоко сомневаюсь» (цит. по [Земскова, 2015]). Совершенно очевидно, что два величайших переводчика поэзии спорили не о том, можно ли совершать ученические ошибки и нужно ли автоматически переводить оригинал слово в слово.

ние, чтобы мы отправились к чужестранцу и освоились в его среде, постигли его языковую манеру, его особенности».

³ В русском переводе термины эти до сих пор не устоялись, поскольку советская теория их не употребляла; считалось, что верный метод есть только один – реалистический, адекватный перевод, который представляет собой золотую середину между излишней точностью и излишней вольностью.

А. Смирнов пытался доказать, что при научном подходе к переводу, при тщательном соблюдении текстуальной точности остается меньше простора для переводческой и идеологической манипуляции, «перекраски» оригинала. Однако именно «перекраска» становилась все более и более востребованной. «Социалистический реализм» в переводе в первую очередь ориентировался на читателя, причем на читателя массового и приверженного определенной идеологии. Второй пункт проекта резолюции I Всесоюзного совещания переводчиков гласил: «В области перевода имеют место всевозможные формалистские и эстетские теории и до настоящего времени нет достаточно разработанной марксистско-ленинской теории перевода» [Witt, 2013].

Несмотря на то что в поле поэтического перевода не сформировалась традиция единственно-верного канонического перевода, поэтические переводы не обошло клеймо «буквализма» – в излишнем внимании к форме в ущерб содержанию обвиняли переводы Ярхо⁴, Шенгели⁵ и даже Лозинского⁶, однако основные баталии развернулись вокруг переводов Диккенса, выполненных Е. Ланном и А. Кривцовой; в 1930-е гг. в этой работе принимал участие Густав Шпет, который был редактором и комментатором трехтомного издания «Записок Пиквикского клуба» (1933). Впоследствии слово «буквализм» в значении «метод» прежде всего применялось именно к этим переводам.

Безусловно, переводчиков и редакторов издательства «Academia» объединял интерес к форме художественного произведения и стремление как можно точнее передавать элементы этой формы, однако едва ли можно говорить в этом случае об универсальном и последовательном переводческом методе. И хотя Е. Ланн говорил о методе «технологической точности», две его статьи с описанием этого метода относятся исключительно к переводам Диккенса и представляют собой частные соображения о стилистических особенностях этого писателя, а также обоснование его собственного перевода.

Точно так же не существует универсального и последовательного «реалистического метода» – под это оценочное определение попадают очень разные переводы; практически во всех теоретических работах советского времени «реалистический» значит просто «хороший».

---

⁴ См., например, [Грацианский, 1934].

⁵ См., например, [Кашкин, 1952b].

⁶ См., например, [Морозов, 1967].

Кроме того, нужно учесть, что точность была краеугольным понятием для всех, кто создавал новую переводческую норму в 1920–1930-е гг. Дореволюционная норма была чрезвычайно свободной – можно было пропускать главы, дописывать от себя целые пассажи, большинство переводчиков не делало попыток передавать речевые характеристики персонажей и другие стилистические особенности. Упор на текстуальную и формальную точность был свойственен и тем переводчикам, которых никто и никогда не относил к буквалистам, например Чуковскому. Андрей Азов в своей книге «Поверженные буквалисты» [Азов, 2013] отмечает, что взгляды раннего Чуковского и Ланна чрезвычайно близки. Они оба ратуют за «научную» точность, указывают на недопустимость русификации, желательность употребления иностранных идиом (а не замены их русскими), настаивают на внимании к риторическим приемам и авторскому синтаксису. Ланн отдельно предостерегает от калькирования (в котором его будут упорно обвинять идеологические противники).

Требование точности нередко вступало в противоречие с требованиями цензуры. Самым главным и непримиримым врагом «буквалистов» был И. Кашкин, и он вполне откровенно призывает к идеологической коррекции оригинала. Фактически Кашкин выступает уже не только против формальной, но и против содержательной точности, если она не соответствует интересам «советского читателя». Например:

«Но настолько ли уж важна для советского читателя Диккенса вся эта судебная казуистика Линкенс-Инна, чтобы начисто заслонять всю диккенсовскую Англию, как, впрочем, заслоняет ее и подчеркнутая в переводе галерея гротескных персонажей, и пунктуально, до последней слезинки воспроизведенная сентиментальность, столь любезная слезливым современникам Диккенса, но лишь разжижающая для нас его лиризм и человечность».

Или (о переводе «Дон Жуана» Байрона, выполненном Г. Шенгели): «А разве советская школа перевода учит *оскорблять советского читателя, сохраняя искаженный образ великого полководца*, или что еще хуже – искажая его по собственной инициативе?» (курсив мой. – А. Б.).

Доказательством того, что споры о буквализме были скорее идеологическими, нежели профессиональными, может служить отношение к такому частному вопросу, как риторические повторы у Диккенса. Ланн пишет, что у Диккенса «ни опускать повторов, ни заменять синонимами нельзя», поскольку «они почти всегда являются элементами выразитель-

ности, а иногда имеют существенное смысловое значение» [Ланн, 1939].

Чуковский, который, казалось бы, критикует установки буквализма, в этом вопросе (как и во многих других) оказывается полностью согласен с Ланном:

«Одна из лучших переводчиц, М.А. Шишмарева, – пишет он, – в своем отличном переводе романа “Наш общий друг” перевела одну фразу так: “Вся их мебель, все их друзья, вся их прислуга, их серебро, их карета и сами они были с иголки новые”, – между тем, как в подлиннике сказано: “Их мебель была новая, все их друзья были новые, вся их прислуга была новая, их серебро было новое, их карета была новая, их сбура была новая, их лошади были новые, их картины были новые, они сами были новые”. Автору было угодно повторить одно и то же прилагательное при каждом из девяти существительных. Переводчица же, пренебрегая этим настойчивым, девятикратным повторением, обеднила, обкарнала всю фразу и отняла у нее ритм» [Чуковский, 1968].

Если мы посмотрим на перевод того же романа, выполненный в 1962 г. ученицами Кашкина Н.А. Волжиной и Н.Л. Дарузес для 30-томного собрания сочинений, мы увидим, что они действуют в соответствии с «буквалистическим» принципом сохранения повторов:

«Супруги Вениринг были самые новые жильцы в самом новом доме в самом новом квартале Лондона. Все у Венирингов было с иголки новое. Вся обстановка у них была новая, все друзья новые, вся прислуга новая, серебро новое, карета новая, вся сбура новая, все картины новые; да и сами супруги были тоже новые - они поженились настолько недавно, насколько это допустимо по закону при наличии новехонького с иголки младенца; а если б им вздумалось завести себе прадедушку, то и его доставили бы сюда со склада в рогожке, покрытого лаком с ног до головы и без единой царапинки на поверхности» [Диккенс, 1962].

Часто довольно трудно разделить критику конкретных переводов и переводческого метода. Критика переводов Кривцовой и Ланна была общим местом в советской переводческой эссеистике, но те же принципы в исполнении других переводчиков могли вызывать одобрение.

В целом можно сказать, что в советский период стремление к текстуальной точности вошло в противоречие с требованиями цензуры, и дискуссии о переводе 1930–1950-х гг. невозможно рассматривать как исключительно научные или профессиональные. Отрицательная коннотация

термина выражает либо идеологическое противостояние, либо негативное отношение к конкретному переводу (и в этом случае метод оказывается ни при чем и слово употребляется в первом значении). Употребление термина «буквализм» в значении переводческого метода не имеет конкретного содержания и на сегодняшний день устарело.

Список литературы:

- Азов А.Г.* Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
- Борисенко А.Л.* Не кричи: «Буквализм!» // Мосты: Журнал переводчиков. 2007. №2 (14).
- Бузаджи Д.М.* Что такое буквализм? // Мосты: Журнал переводчиков. 2014. №2 (42).
- Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм: (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сб. 8. М., 1971.
- Гаспаров М.Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон-Жуана» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. №4. С. 359–367.
- Грацианский Н.* «Роланд», принесенный в жертву букве и внешней форме // Художественная литература. 1934. №7.
- Диккенс Ч.* Наш общий друг / Пер. Н.А. Волжиной, Н.Л. Дарузес // Диккенс Ч. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. Кн. 1–2. М., 1962.
- Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006–2008.
- Земскова Е.Е.* Стратегии лояльности: дискуссия о точности художественного перевода на Первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 года // Новый филологический вестник. 2015. №4 (35). С. 70–84.
- Кашкин И.А.* Традиции и эпигонство // Новый мир. 1952. №12.
- Кашкин И.А.* Удачи, полуудачи и неудачи // Новый мир. 1952. №2.
- Ланн Е.Л.* Стиль раннего Диккенса и перевод «Посмертных записок Пиквикского клуба» // Литературный критик. 1939. №1. С. 156–171.
- Морозов М.* Шекспир в переводе Бориса Пастернака // Шекспир, Бернс, Шоу. М., 1967.
- Рецкер Я.И.* О природе и опасности буквального перевода // Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Электронная книга. М., 2010. С. 32–37.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. М., 1968.

Borisenko A. Fear of Foreignization: “Soviet School” in Russian Literary Translation // Domestication and Foreignization in Translation Studies. Berlin, 2012. P. 177–188.

Witt S. The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936 and the Ideologization of Norms // The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia / Burnett L., Lygo E. (eds.). Peter Lang, 2013. P. 141–184.

Сведения об авторе: Борисенко Александра Леонидовна, канд. филол. наук, переводчик художественной литературы, доцент кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: alexandra.borisenko@gmail.com.

В.В. Каранец

ПЕРЕВОДНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ СЛУЧАЙНЫЕ СОВПАДЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ «MADAME BOVARY» НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

В статье рассматривается явление переводной множественности на материале восьми переводов на русский язык романа Г. Флобера «Госпожа Бовари». В частности, исследуется степень изоморфизма переводов по отношению друг к другу. Их сравнительный анализ показывает, что в двух редакциях одного перевода, выполненных предположительно одним человеком, наблюдается системный изоморфизм. «Ранние» переводы, наиболее близкие друг к другу хронологически, а также переводы, относящиеся к разным переводческим традициям, характеризуются локальным изоморфизмом (совпадение фрагментов предложений). Сходство переводов может свидетельствовать как о заимствовании переводческих решений, так и об их случайных совпадениях.

Ключевые слова: перевод, переводная множественность, «Госпожа Бовари», системный и локальный изоморфизм, переводческие решения.

This paper considers the phenomenon of re-translation on the material of eight Russian translations of G. Flaubert's novel 'Madame Bovary'. In particular, the mutual isomorphism of translations is analyzed. According to their comparative analysis, system isomorphism takes place in two editions of the same translation made presumably by one person. The 'early' translations close to each other chronologically as well as the translations relating to different translation traditions are characterized by local isomorphism, i.e. coincident sentence fragments. Translation similarity can be due both to borrowed translation decisions and to accidental coincidences.

Key words: translation, re-translation, 'Madame Bovary', system and local isomorphism, translation decisions.

Известно, что многие классические тексты зарубежной литературы переводились неоднократно [Oséki-Dépré, 1999: 131–183]. Повторный перевод произведения с уже существующими переводами во французской терминологии называется *retraduction* [Lombéz, 2011: 11], а в русской – переводной множественностью.

В отечественном переводоведении этот термин был, вероятно, введен Е.В. Шором, а его определение ранее предложил А.В. Федоров: «Одно и то же произведение может существовать в нескольких переводах, хотя

бы и равного художественного достоинства, но все же различных, и каждый из этих переводов может быть по-своему законным» (цит. по [Чайковский, 2008: 139]).

Наша работа посвящена роману Г. Флобера «Госпожа Бовари» и 8 его переводам на русский язык. Отметим, что роман активно переводился и на некоторые другие европейские языки. Так, Л. Хьюсон анализирует 6 переводов «Госпожи Бовари» на английский язык [Hewson, 2011]. Известно также, что в период с 1858 по 1996 г. было выполнено как минимум 18 переводов романа на немецкий язык [Lombez, 2011: 22].

Цель работы – попытаться выяснить, в каких переводах романа наблюдается наибольшее сходство, т. е. в наибольшей степени присутствует системный или локальный изоморфизм¹. Р.Р. Чайковский пишет об этом следующее: «...степень равнозначности текстов сосуществующих переводов в пределах отдельных фрагментов текста (строк, строф, предложений, абзацев, разделов, глав и т. д.) может быть различной – от полного совпадения до отсутствия какого-либо подобия» [Чайковский, 2008: 149]. Исследования подобного рода, конечно, можно и, возможно, удобнее было бы проводить на коротких текстах (например, баснях Лафонтена или сонетах Шекспира) или вовсе на предложениях². Тем не менее нам кажется, что при сужении объема анализируемого текста вариативность может оказаться пренебрежимо малой даже при значительном расхождении переводческих концепций в целом. Поэтому мы сознательно рассматриваем тексты большого объема, так как, по нашему мнению, их анализ может обеспечить более «объективную» картину соотношения переводов.

Многие авторы (например, Николя Ваке) пишут о том, что переводчики неизбежно испытывают на себе влияние более ранних переводов [Lombez, 2011: 240]. Применительно к предшествующим переводам складывается два типа «отношений». С одной стороны, переводчики, стремясь создать

---

¹ Эти термины употребляет, в частности, Е.Э. Разлогова, имея в виду повсеместное или локальное совпадение различных конструкций в параллельных текстах; см. [Разлогова, 2016]. Иными словами, различие между этими разновидностями изоморфизма проявляется на количественном, а не качественном уровне. Автор также рассматривает различные виды изоморфизма (синтаксический, лексический, в области нарратива и пр.) и при этом акцентирует внимание на изоморфизме перевода и оригинала; мы же несколько расширяем объем термина, имея в виду изоморфизм переводов между собой.

² См., например, разбор эквивалентов фразы *Москва пуста* из начала «Бориса Годунова» А.С. Пушкина в статье [Разлогова, 2017].

собственный неповторимый перевод или опасаясь нарушить переводческую этику и авторские права, осознанно не обращаются к работам своих коллег. Так, известно, что М.И. Ромм был в числе тех, кто намеренно не знакомился с переводами произведений, над которыми впоследствии работал, во избежание заимствований [Лысенкова, 2007]. С другой стороны, есть переводчики, которые изучают более ранние переводы, но умышленно создают свои переводы, пусть и менее удачные, но обязательно отличные от предыдущих. В. Вересаев писал по этому поводу: «Собственность священна. И переводчик дает свой собственный перевод, сам сознавая, что он и хуже, и дальше от подлинника. Все достижения прежних переводчиков перечеркиваются, и каждый начинает все сначала» (цит. по [Чайковский, 2008: 154]). М. Баллар отмечает, что если переводчики и упоминают уже существующие переводы, то единственно для того, чтобы обрушиться на них с критикой и тем самым обосновать необходимость выполнить повторный перевод, но лучшего качества: «... cette relation à l'histoire se perd au cours des siècles et ne subsiste, quand elle existe, que sous forme de relations binaires de rejet, de critique, dans le cadre, souvent restreint, de la retraduction» [Ballard, 2013: 1].

Обратимся к переводам. Нам неизвестны причины, которые побудили переводчиков сделать новые переводы романа «Госпожа Бовари», так как у нас нет предисловий к переводам, переписки переводчиков и иных источников, которые позволили бы это выяснить. Нам также неизвестно, читали ли переводчики тексты друг друга (за исключением Ромма). Логично предположить, что практика повторных переводов³ может объясняться, например, изменениями в языке или сменой переводческих традиций, о чем упоминает У. Эко: «...les traductions... déterminées tant par le moment historique où elles étaient faites que par la tradition traductive où elles s'inséraient. On ne peut les définir comme fondamentalement "fidèles" qu'à la lumière de règles interprétatives qu'une culture (et la critique qui la reconstruit et la juge) a préalablement – fût-ce implicitement – établies» [Eco, 2013: 345–346].

Мы условно подразделяем переводы «Госпожи Бовари» на синхронические и диахронические⁴. К синхроническим переводам (т. е. тем, кото-

³ В этой связи необходимо упомянуть еще один из так называемых «непрозрачных» аспектов перевода: нам неизвестно, какой редакцией оригинала пользовался переводчик при работе. Если более ранние и более поздние редакции романа отличаются друг от друга, то, следовательно, и сами переводы не будут совпадать.

⁴ Термины взяты нами у Э.Ф. Нагумановой [Нагуманова, 2016: 165]. Мы употребляем их в особом смысле, добавляя временные рамки в 50 лет.

рые были выполнены через некоторое время после выхода оригинала в свет⁵: мы берем условно до 50 лет) можно отнести три из них: перевод 1881 г., сделанный неизвестным переводчиком (в издании, которым мы располагаем, не содержится никаких указаний на автора перевода); перевод 1895 г., где значатся инициалы переводчика «Л.Г.»; и перевод А.Г.Горнфельда⁶, датированный 1896 г. В отношении «ранних» переводов Р.Р.Чайковский отмечает, что в них подчас бывает невозможно установить непосредственную дату их создания, поскольку на издании ставится дата публикации, которую, за неимением другой, и принимают за дату создания [Чайковский, 2008: 142].

Сопоставительный анализ этих трех переводов показывает, что в них прослеживаются разные тенденции: самый ранний перевод относится, с одной стороны, к бытовавшим в XIX в. вольным переводам, где опускались фрагменты текста оригинала: *Le magistrat l'avait reçu debout, dans sa robe, hermine à l'épaule et toque en tête. – Прокурор принял его в парадной форме* (1881). Или: *Toutes ses vellétés de dénigrement s'évanouissaient sous la poésie du rôle qui l'envahissait, et, entraînée vers l'homme par l'illusion du personnage, elle tâcha de se figurer sa vie, cette vie retentissante, extraordinaire, splendide, et qu'elle aurait pu mener cependant, si le hasard l'avait voulu. – Поэзия роли охватила ее и, увлеченная той личностью, которую он олицетворял, она старалась представить себе его жизнь необыкновенно роскошную, которую она могла бы вести сама, если бы этого пожелал случай* (1881). Или: *C'était un autre lien de la chair s'établissant, et comme le sentiment continu d'une union plus complexe. – Его привязывали к ней новые уз;* (1881). С другой стороны, этот перевод близок и буквальным переводам, в которых нередки случаи дословной передачи иноязычного текста: *Hivert, qui l'avait attendue [Emma] cinquante-trois minutes, avait fini par s'en aller. – Гивер, прождав ее пятьдесят три минуты, кончил тем, что уехал* (1881)⁷. Или: *Mais ils s'arrêtaient quelquefois de*

⁵ Первое издание романа на французском языке вышло в 1857 г.

⁶ Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867–1941), литературовед, литературный критик, публицист, журналист и переводчик, в том числе с французского языка. Помимо романа «Госпожа Бовари», он также перевел «О духе законов» Монтескье, «Легенду об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» Шарля де Костера.

⁷ Отметим, что этот вариант перевода, трактуемый нами «как более буквальный» на фоне более поздних (см. другие варианты: *в конце концов, наконец-то*), в ряде контекстов может восприниматься как «нормативный», а в других – как архаичный. Весьма возможно, что в данном случае употребление дословного русского эквивалента объясняется сугубо диахроническим фактором: он был ис-

vant l'exposition complète de leur idée, et cherchaient alors à imaginer une phrase qui pût la traduire cependant. – Но по временам они останавливались пред полным выяснением своей идеи и старались придумать фразы, которые могли передать ее (1881).

Что касается переводов Л. Г. и Горнфельда, то они существенно отличаются от самого раннего «вольно-буквалистского» перевода и в целом характеризуются полнотой с точки зрения передачи объема исходного текста и отсутствием явных буквализмов: *Судья принял его стоя, в своей мантии, обшитой горностаем, и с шапочкой на голове* (Л. Г.) / *Служитель закона принял его стоя, в мантии с горностаем на плечах и в судейской шапочке* (Г., 1896). Или: *Но порою происходила запинка, они не выражали вполне своей мысли, хотя и старались передать ее намеками* (Л. Г.) / *Но иногда они останавливались, не умея выразить во всей полноте своей мысли, искали слов, в которых она нашла бы себе выражение* (Г.).

Нельзя не отметить, что перевод Горнфельда обнаруживает сходство с переводом Л. Г. в плане синтаксической структуры предложений и отобра некоторых лексических единиц, хотя мы не знаем достоверно, пользовался ли Горнфельд переводом своего предшественника. Тем не менее мы находим немало совпадающих фрагментов: *Ее влекло к самому человеку столько же, как и к герою оперы; она старалась представить себе его частную жизнь, эту громкую, необыкновенную, блестящую жизнь, какую и она могла бы вести, если б угодно было судьбе* (Л. Г.) / *Все пережитые ею унижения исчезали перед поэзией этой роли, и в силу этой иллюзии ее влекло к человеку столько же, сколько к герою, которого он изображал; она старалась представить себе его жизнь, эту блестящую, необыкновенную, ослепительную жизнь, которую и она могла бы вести, если бы судьба пожелала* (Г., 1913). Или: *On se taisait autour de lui; et l'on entendait seulement de temps à autre tinter les poids dans les balances, avec quelques paroles basses du pharmacien donnant des conseils à son élève. – Вокруг него молчали; слышалось только от времени до времени звяканье гирь в весовых чашках или замечания вполголоса, с которыми обращался аптекарь к своему ученику* (Л. Г.) / *Вокруг него молчали, и слышно было только от времени до времени, как звякали гири на весах или раздавались замечания вполголоса, которые аптекарь обращал к*

пользован в переводе конца XIX в., когда «буквализмы» могли не восприниматься как таковые. Такая конструкция часто встречается, например, у Ф. М. Достоевского: *Лебедев кончил тем, что достиг своего. Скоро шумная ватага удалится по направлению к Вознесенскому проспекту.*

своему ученику (Г.). В данном случае можно констатировать наличие в переводах локального изоморфизма. Отметим, что мы говорим о сходстве между парами переводов тогда, когда другие переводчики предлагают иные варианты.

Что касается так называемых диахронических переводов, т. е. тех, которые выходят значительно позже публикации оригинала (возьмем условно более полувека), то мы относим к таковым все остальные переводы: анонимный перевод 1913 г., который, скорее всего, является более поздней редакцией перевода А.Г. Горнфельда 1896 г. Затем следуют перевод А.Н. Чеботаревской⁸ в соавторстве с Вяч.Ив. Ивановым⁹ (1911), перевод М.И. Ромма¹⁰ (1935), перевод 1938 г. (судя по всему, это вторая редакция, подготовленная Роммом, – в издании, которым мы пользовались, нет информации о переводчике, но сопоставительный анализ этого перевода и перевода Ромма не оставляет сомнений в том, что более поздний текст принадлежит также ему). Сравним: *C'était la première fois qu'il achetait des fleurs pour une femme; et sa poitrine, en les respirant, se gonfla d'orgueil, comme si cet hommage qu'il destinait à une autre se fût retourné vers lui.* – *Впервые в жизни покупал он цветы для женщины; когда он вдохнул их запах, грудь его расширилась от гордости, словно этот знак*

⁸ Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925), сестра писательницы Серебряного века и переводчицы Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876–1921) и свояченица Федора Сологуба; начала переводческую деятельность в годы обучения в гимназии. Она переводила Г. де Мопассана, Ж.-А. Барбе д'Оревилю, В. Гюго, А. Франса, М. Метерлинка, Э. Гильомена, Г. Манна, братьев Гримм и др. Но не все переводы были опубликованы. Отметим, что ее перевод «Госпожи Бовари» стоит особняком: он не похож на ранние переводы, и более поздние переводы романа также сильно отличаются.

⁹ Переводческая деятельность Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) исследована очень мало; известно, что он был прекрасным переводчиком античной литературы. Кроме этого, он был редактором перевода «Госпожи Бовари», выполненного А.Н. Чеботаревской. Вяч.Ив. Иванов согласился на предложение главы издательства «Шиповник» З.И. Гржебина выпустить полное собрание сочинений Флобера в новых переводах. Перевод был завершён в конце 1910 г., а затем Чеботаревская передала его на корректуру Иванову, который, судя по переписке, внес значительные изменения в первый вариант перевода, предложенный Чеботаревской (этот вариант не сохранился). В октябре 1911 г. роман вышел в свет, но среди переводчиков значилась только Чеботаревская: Вяч. Иванов отказался от официального соавторства.

¹⁰ Александр Ильич Ромм (1898–1943), филолог по специальности, член Московского лингвистического кружка, переводчик поэзии и прозы, а также труда Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» (*Cours de linguistique générale*).

преклонения перед любимой обращался на него самого (Р.) / Впервые в жизни покупал он цветы для женщины; когда он вдохнул их запах, грудь его расширилась от гордости, словно этот знак преклонения перед любимой возвращался к нему самому каким-то почетом (1938). Наконец, последний, восьмой перевод принадлежит Н.М. Любимову (1956)¹¹.

Переводы 1913 и 1938 гг. имеют незначительные расхождения со своими «первыми редакциями» (т. е. переводами Горнфельда 1896 г. и Ромма 1935 г. соответственно): это касается порядка слов, отдельных случаев пунктуации, варьирования лексики и др. Например: *Le suisse, à l'écart, s'indignait intérieurement contre cet individu, qui se permettait d'admirer seul la cathédrale.* – Швейцар, стоя поодаль, возмущался в глубине души этим субъектом, позволяющим себе восхищаться собором без его помощи (Г., 1896) / Швейцар, стоя поодаль, в глубине души возмущался этим субъектом, позволяющим себе восхищаться собором без его помощи (1913) / Швейцар стоял в стороне и в душе негодовал на этого субъекта, позволяющего себе любоваться собором без его помощи (Р.) / Швейцар стоял в стороне и внутренне негодовал на этого субъекта, позволяющего себе любоваться собором без его помощи (1938). Или: *Но иногда они останавливались, не умея выразить во всей полноте своей мысли, искали слов, в которых она нашла бы себе выражение* (Г.) / Но иногда они останавливались, не умея выразить своей мысли во всей полноте, и искали слов, в которых она нашла бы себе выражение (1913). Таким образом, в этих двух парах переводов, каждая из которых, скорее всего, принадлежит одному автору и представляет собой две редакции одного перевода, имеет место системный изоморфизм, где доля совпадений составляет около 90%.

Рассмотрим переводы Ромма и Любимова. Несмотря на то что это «отдаленные» переводы, относящиеся к разным переводческим традициям, в них также присутствуют общие моменты, а именно совпадающие словосочетания и фрагменты предложений: *Au coup de marteau d'Emma, Charles, qui l'attendait, s'avança les bras ouverts...* – Шарль поджидал Эмму, и как только она постучалась в дверь, с распростертыми объятиями вышел ей навстречу (Р.) / Шарль поджидал Эмму. Как только она постучала в дверь, он, раскрыв объятия, бросился к ней навстречу (Л.). Или: Все кругом него молчали; только время от времени слышалось звяканье

¹¹ Николай Михайлович Любимов (1912–1992), крупнейший советский переводчик и автор переводов более 20 произведений всемирно известных французских и испанских писателей.

разновесок да шепот аптекаря, дававшего советы своему ученику (Р.) / Все кругом него молчали. Время от времени слышалось только звяканье разновесок да шепот фармацевта, который настаивал своего ученика (Л.). Можно заключить, что в них, так же как и в переводах Л.Г. и Горнфельда, наблюдается локальный изоморфизм.

Однако, констатируя сходство переводов Л.Г. и Горнфельда, с одной стороны, и Ромма и Любимова, с другой, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что переводчики воспользовались переводами своих предшественников. Не исключено, что в данном случае имеет место явление тождественности переводческих решений. Так, согласно Чайковскому, повторы в сосуществующих переводах неизбежны: они обусловлены строем языка, особенностями синтаксической структуры и пр., когда языковая специфика как бы подсказывает «изоморфные» переводческие решения [Чайковский, 2008: 153]. Ту же мысль проводит и Я.И. Рецкер: «Сколько бы переводчиков ни переводили одно и то же произведение, если они будут переводить правильно, они вынуждены будут пользоваться одними и теми же эквивалентными соответствиями» [Рецкер, 1963: 45]. Французские лингвисты и переводчики Ж.-К. Шевалье и М.-Ф. Дельпор также высказывают мысль о том, что единодушно выбранный несколькими переводчиками вариант перевода в рамках одного языка является, скорее всего, наиболее «подходящим»: «...la multiplicité des traductions dans une même langue peut apporter certaines garanties sur la “dicibilité” de tel ou tel tour qu’en l’absence d’attestation on n’oserait pas déclarer recevable en toute certitude» [Chevalier, 1995: 75].

Рассмотрим пример: *Sa chair allégée ne pesait plus, une autre vie commençait ; il lui sembla que son être, montant vers Dieu, allait s’anéantir dans cet amour comme un encens allumé qui se dissipe en vapeur. – Облегченная плоть перестала мыслить, начиналась другая жизнь; ей казалось, что существо ее, возносясь к Богу, уничтожается в этой любви, как горящий ладан обращается в дым (Л.Г.) / Облегченная плоть ее уже не предается мысли; начиналась новая жизнь. Ей казалось, что все существо ее, возносясь к Господу Богу, уничтожается в этой любви, как клубы ладана, расходящиеся в воздухе (Г., 1913) / Ее плоть, облегченная, казалось, утратила свой вес, начиналась другая жизнь; ей показалось, что существо ее, поднимаясь к Богу, готово раствориться в этой любви, как рассеивается клубами зажженный ладан (Ч.) / Облегченная плоть была лишена мыслей, начиналась иная жизнь. Эмме казалось, что все ее существо, возносясь к богу, растворяется в небесной любви, как рассеивает-*

ся в воздухе горящий ладан (Р.) / Облегченная плоть не мыслила более, начиналась иная жизнь; Эмме казалось, что все ее существо, восходя к богу, уничтожается в небесной любви, как рассеивается дымом горящий ладан (1938) / Освобожденная плоть ни о чем больше не помышляла – для Эммы как бы начиналась иная жизнь. И мнилось Эмме, что душа ее, возносясь к небу, растворяется в божественной любви, подобно тому как дым от ладана расходуется в воздухе (Л.). Во-первых, фигурирующая в предложении церковная лексика имеет ограниченный набор эквивалентов, чаще всего один, в рамках устоявшихся словосочетаний (плоть, зажженный / горящий ладан, восходя / возносясь / поднимаясь к Богу)¹². Во-вторых, с точки зрения синтаксиса данное предложение не дает переводчику широкого «простора» для перестройки переводного варианта: оно состоит из трех достаточно независимых по смыслу клауз с бессоюзной связью (их русскими эквивалентами выступают клаузы с бессоюзной связью), придаточного изъяснительного (которому предшествует безличное *il lui semble que*, имеющее один эквивалент «казалось, что»), придаточного сравнения и придаточного определительного, которое в переводе либо объединяется с русским придаточным сравнения, либо передается русским причастием.

Подводя итог, отметим, что наибольшим сходством обладают переводы Горнфельда (1896) и 1913 г., а также Ромма (1935) и 1938 г. Таким образом, наибольшее сходство нескольких переводов наблюдается при существовании разных редакций перевода, выполненных одним человеком. В этом случае изоморфизм носит системный характер. С другой стороны, близки переводы Л. Г. и Горнфельда, которые были сделаны практически одновременно. Мы также отметили некоторое сходство переводов Ромма и Любимова. Относясь к разным переводческим традициям, эти два перевода, безусловно, сильно отличаются друг от друга в системном плане. Вместе с тем в них, так же как и в переводах Л. Г. и Горнфельда, присутствует локальный изоморфизм, т. е. совпадающие лексические и синтаксические решения. Однако нам не удалось установить причины этих совпадений. Весьма возможно, что это связано с особенностями русского языка в разное время: чем ближе переводы хронологически, тем больше вероятность найти в них черты сходства.

¹² Я.И. Рецкер, упоминая переводы «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея, указывает, что в результате их сопоставительных исследований (на примере выборочных глав) было выявлено от 40 до 60% лексических совпадений, что, однако, вовсе не свидетельствует о плагиате [Рецкер, 1963: 45].

Сопоставляя переводы, мы используем формальный подход и ищем совпадения и расхождения в конкретных фрагментах; если же давать переводам «качественную» оценку, то стоит упомянуть А. Бермана, по мнению которого переводы, признанные лучшими, никогда не были хронологически первыми¹³: «Toute grande traduction est nécessairement une re-traduction» (цит. по [Lombez, 2011: 229]). Если любой перевод вторичен по отношению к оригиналу, то лучший перевод вторичен дважды, а именно по отношению к оригиналу и к существующим переводам: «La grande traduction est *doublement seconde*: par rapport à l'original, par rapport à la première traduction» (курсив автора) [Berman, 1999: 105].

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что не следует пренебрегать уже существующими удачными переводческими решениями («les tournures élégantes, les expressions pertinentes ou les solutions ingénieuses»). Так, Николя Ваке пишет: «Si la traduction est un travail patient, méticuleux et appliqué, la retraduction l'est plus encore. Elle oblige le traducteur à prendre en compte les travaux de ses prédécesseurs et de ses contemporains, à les sonder, à adopter un point de vue critique à la fois respectueux et désinvolte» (цит. по [Lombez, 2011: 281]).

Преимущество множественных переводов заключается в возможности детально изучить особенности каждого из них на фоне остальных. А. В. Федоров замечает, что повторные переводы позволяют также выявить достоинства и недостатки переводов, становящиеся наиболее заметными именно при сопоставлении, и выбрать свой вариант перевода: «При исследовании явлений перевода мы часто имеем дело с несколькими переводами одного и того же подлинника, т. е. с несколькими вариантами его передачи, которые мы сравниваем и оцениваем по отношению друг к другу, тем самым уже оказываясь в условиях подготовленного эксперимента; кроме того, мы и сами (независимо от того, существуют ли уже готовые переводы) создаем варианты для того, чтобы из числа нескольких соотносительных и параллельных способов воспроизведения подлинника определить лучший и на основе сравнения вариантов обосновать его превосходство» [Федоров, 2002: 28]. Что касается рассматриваемых нами текстов, то безотносительно к оценке качества переводов можно констатировать, что самый поздний

---

¹³ Если существует один-единственный перевод классического произведения, то такая постановка вопроса неправомерна: например, роман Дж. Сэлинджера «The Catcher in the Rye», вышедший на русский язык в переводе Р. Райт-Ковалевой под названием «Над пропастью во ржи», до 1998 г. (когда появился перевод С. Махова) был единственным переводом, который считался удачным и многократно переиздавался.

перевод, принадлежащий Любимову (1956), наиболее известен и регулярно переиздается (перевод Ромма несколько уступает в этом отношении). Таким образом, при рассмотрении индивидуальных стилей переводчика помимо оценки изоморфизма перевода и оригинала можно также анализировать изоморфизм переводов между собой.

Список литературы

- Лысенкова Е.Л.* Поэзия и проза Р.М. Рильке в русских переводах: исторические, стилистико-сопоставительные и переводоведческие аспекты: Дисс. ... докт. филол. наук. Магадан, 2007. 512 с.
- Нагуманова Э.Ф.* К вопросу о переводной множественности поэзии (на материале переводов стихотворений А.С. Пушкина на татарский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2016. № 1 (55): В 2 ч. Ч. 1. С. 164–167.
- Разлогова Е.Э.* Изоморфизм и буквализм в переводе // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: Материалы Междунар. науч.-практич. конференции. Казань, 2016. С. 112–125.
- Разлогова Е.Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
- Рецкер Я.И.* Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе) // Тетради переводчика. Вып.1. М., 1963. С. 42–64.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода: (Лингвистические проблемы). М., 2002. 416 с.
- Чайковский Р.Р.* Основы художественного перевода (вводная часть): Учеб. пособие. Магадан, 2008. 182 с.
- Ballard M.* Histoire de la traduction. Bruxelles, 2013. 234 p.
- Berman A.* La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, 1999. 144 p.
- Chevalier J.-C.* L'horlogerie de Saint-Jérôme: Problèmes linguistiques de la traduction. Paris, 1995. 220 p.
- Eco U.* Dire Presque la même chose: Expériences de traduction / Traduit de l'italien par M. Bouzaher. Grasset, 2013. 503 p.
- Hewson L.* An Approach to Translation Criticism: "Emma" and "Madame Bovary" in Translation / Amsterdam; Philadelphia, 2011. 282 p.
- Lombes Ch.* (dir.). Retraductions de la Renaissance au XIXe siècle. Nantes, 2011. 283 p.
- Oséki-Dépré I.* Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris, 1999. 283 p.

Сведения об авторе: Карапец Валентина Валерьевна, преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: valentinakarapets@yandex.ru.

А.П.Богинская

О «КАЧЕСТВЕННОМ ОБЕДНЕНИИ» В ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)¹

В настоящей статье рассматривается проблема передачи различных стилистических регистров лексики в переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на французский язык. В основу исследования положен аспект качественного обеднения лексики, который выделяет А. Берман в числе прочих деформирующих тенденций, возникающих при переводе. В статье выделяются лексические категории оригинала, чаще всего подвергающиеся качественному обеднению в переводах, а также рассматриваются примеры компенсаторных мер, используемых переводчиками для восстановления стилистической плотности текста. В корпус текстов включены 16 полных переводов и несколько переводов фрагментов оригинала.

Ключевые слова: художественный перевод, теория перевода, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», корпусные исследования, параллельные тексты, французский язык, русский язык.

In the article transmission of stylistic register of vocabulary in different translations of the novel “Eugene Onegin” in French is studied. The research is based on the aspect of qualitative impoverishment revealed by A. Berman among other deforming tendencies peculiar to the translation. The parallel corpus includes 16 of 17 full translations of the novel, known by now, and several translations of the extracts.

Key words: literary translation, theory of translation, A.S. Pushkin, «Eugene Onegin», corpus linguistics, parallel texts, French language, Russian language.

Исследование множественных переводов уже несколько десятилетий находится в центре внимания лингвистики, однако исследование «больших» корпусов, в которые входит более 10 переводов, – сравнительно новое явление. Такие корпусы, включающие множество переводов одного художественного текста, дают возможность решать задачи, недоступные при рассмотрении лишь нескольких переводов (об этом см. [Разлогова, 2017]). По различным библиографическим данным на сегодняшний

---

¹ Данная статья является расширенным вариантом доклада «О передаче стилистического регистра лексики в переводе (на материале французских переводов романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”», опубликованного в сборнике материалов X Международной конференции «Риторика в свете современной лингвистики», состоявшейся в Смоленске 16–17 июня 2016 г.

день существует 17 полных французских переводов «Евгения Онегина», 16 из которых вошли в наш корпус текстов. Также мы располагаем несколькими переводами фрагментов романа (полный список переводов с выходными данными см. в списке литературы в конце статьи). Первый перевод датирован 1847-м г., последний – 2012-м.

В данной работе мы предпринимаем попытку сопоставить имеющиеся в нашем распоряжении французские тексты, основываясь на термине «качественное обеднение» (*appauvrissement qualitatif*), который предлагает французский теоретик перевода Антуан Берман в числе 13 типов деформирующих тенденций (*tendances déformantes*), свойственных художественному переводу, ставящему во главу угла передачу смысла оригинала и стремящемуся создать на языке перевода «красивый» текст, жертвуя при этом так называемой «буквой» (*lettre*) оригинала [Berman, 1999]. Интересно заметить, что многие из приведенных Берманом тенденций почти точно совпадают (но с обратным знаком) с некоторыми предписаниями ведущих французских школ перевода позднего Возрождения [Oseki-Dépré, 1999: 24–38] и эпохи классицизма («*les belles infidèles*»).

Мы берем за основу исследования термин «качественное обеднение», поскольку он, на наш взгляд, позволяет показать особенности переводов, включенных в наш корпус текстов. В соответствии с концепцией А. Бермана, речь идет о замене оригинальных выражений и оборотов выражениями, не обладающими той же звучностью, богатством значения и другими характеристиками. Например, при переводе перуанского слова *chuchumesa* на французский язык словом *rute* утрачивается фонетическое своеобразие оригинала. Берман говорит о качественном обеднении главным образом в отношении иконических слов, а также выражений, имеющих «необычное звучание». Мы считаем возможным расширить это понятие и рассматриваем как качественное обеднение случаи, когда стилистически окрашенные лексические варианты передаются в переводе нейтральными.

Когда мы рассматриваем множественные переводы с точки зрения явления качественного обеднения, нас в первую очередь интересует, какие лексические группы оригинала наиболее часто подвергаются данной деформации и по каким причинам, как эти трудности преодолеваются в переводах. Рассматривая обширный корпус текстов, мы также получаем возможность проследить, меняются ли стратегии французских переводчиков в данном отношении с течением времени.

Далее будет показано, что качественное обеднение присутствует во всех рассмотренных переводах. Вместе с тем в ряде случаев наблюдается

обратная тенденция, когда французские переводчики выбирают стилистически маркированный эквивалент для передачи нейтрального варианта оригинала. Эта «противодействующая» первой тенденция представлена не столь массово, однако при рассмотрении большого количества переводов она объективно присутствует: если в первом случае (см. раздел 1) фиксируются стилистические «потери» в переводе, то во втором (раздел 2), перевод, напротив, дает стилистически более интересный вариант, чем оригинал.

1. Мы рассмотрим две лексические категории оригинала, обладающие определенной стилистической спецификой и представляющие интерес с точки зрения их передачи во французских переводах. В первом случае качественное обеднение проявляется в явной форме по чисто языковым причинам. Во втором это явление хотя частично и имеет место, но выражено уже не так ярко.

А) К первой категории мы относим устаревшие слова, вышедшие из употребления в современном разговорном языке, слова, несущие на себе отпечаток высокого стиля: *перст, ланиты, уста, взор* и др. В эту же группу мы включаем слова, использующиеся в оригинале в нескольких вариантах, часть из которых стилистически окрашена: *голос / глас, берег / брег, молодость / младость* и т. д. Эта стилистическая особенность характерна и для других произведений А.С. Пушкина. Например, в «Борисе Годунове» мы находим множество церковнославянизмов, элементов книжно-поэтического языка XVIII в. и т. д. (см. [Винокур, 1959: 301–327]).

В отношении таких слов у французских переводчиков возникают значительные сложности, поскольку французский язык зачастую не располагает подобным разнообразием вариантов. В частности, об этих различиях французского и русского языков упоминает Е.Г. Эткинд в работе «Поэзия и перевод»: «...французский язык почти не содержит архаических слов и выражений, столь важных для нашего языка и позволяющих русскому поэту создавать при помощи лексических средств высокий, торжественный стиль. Французы располагают иными средствами архаизации речи, причем средства эти скорее находятся в области синтаксиса, нежели лексики» [Эткинд, 1963: 202–203].

...Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово **молвить**, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи².

² Здесь и далее пушкинский текст цитируется по [Пушкин, 1978, V].

В подавляющем большинстве рассмотренных нами переводов глагол *молвить* передается как *dire* («говорить»), встречается также вариант *échanger un mot* («обменяться словом», такой вариант выбирает М. Колен), *répondre* («ответить», А. Маркович). Как видим, все переводчики дают стилистически нейтральные эквиваленты. В нескольких ранних переводах (В. Михайлов, Г. Перо) этого фрагмента и более позднем переводе Н. Де Витта мы не находим эквивалента интересующего нас глагола.

Ср. у Перо:

... Chaque semaine une visite,
Cela n'eût rien été pour vous
Et pour moi, qu'il eût été doux
D'y penser toute seule ensuite!

Обратимся к следующему фрагменту:

Она зари не замечает,
Сидит с поникшею **главой**
И на письмо не напирает
Своей печати вырезной.

В данном значении существительное *глава* имеет помету «устаревшее». Французские переводы предлагают два варианта, нейтральных по стилистике: *tête* («голова», встречается чаще всего) и *front* («лоб», М. Семенов и Ж. Бур, Р. Легра, А. Маркович, Ш. Вайнштейн). Те же переводчики, что и в предыдущем примере, снова значительно трансформируют приведенный фрагмент, и мы не находим там эквивалента интересующего нас слова.

Ср. у Михайлова:

L'écrit, cause de sa veille,
Elle n'ose le sceller;
Mais enfin entre sa vieille
Niania pour la réveiller...

Таким образом, устаревшие, книжные формы в большинстве случаев передаются во французских переводах нейтральными вариантами, что позволяет нам сделать предположение об объективной невозможности передать по-французски без качественных потерь этот тип лексических

единиц. Данное несоответствие переводчики достаточно часто стремятся восполнить компенсаторными мерами [Chuquet, Paillard, 1989: 10]. В. Михайлов пользуется в этом случае главным образом синтаксическими средствами (синтаксис перевода значительно усложнен в сравнении с оригиналом: вводятся перечисления, обособленные члены и т. д.); А. Маркович нередко компенсирует потери тропами, повышая тем самым степень «образности» перевода относительно оригинала; некоторые переводчики (М. Байа, М. Семенов и Ж. Бур и др.), давая нейтральные эквиваленты стилистически маркированным словам оригинала, вводят более выразительные единицы, например, употребленные в переносном значении, в случаях, когда вариант оригинала, в свою очередь, нейтрален. Ш. Вайнстайн, один из последних переводчиков «Евгения Онегина», в качестве средства архаизации следует в своем стихотворном тексте принципам, существовавшим во французском стихосложении в XIX в. (строгие правила при подсчете слогов, ограничения на употребление целого ряда форм и т. д.). Вместе с тем некоторые переводчики (Ж.-Л. Бакес, Н. Минор и др.) практически не восполняют качественные лексические потери.

В) В тексте Пушкина большую группу стилистически окрашенных единиц составляют прямые заимствования из английского, французского, итальянского и других языков, дающиеся в оригинале латиницей.

Во французском переводе, естественно, воспроизводятся по-французски все французские вкрапления (проблема «исчезающих» иноязычных вкраплений при переводе на язык этих вкраплений является общей проблемой перевода, на которую, в частности, указывал и А. Берман [Berman, 1999: 66–67]). Ср. фрагмент:

...Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести).

В большинстве переводов выражение *comme il faut* выделяется курсивом или кавычками; некоторые переводчики (А. Дюпон, Н. Минор, Н. Накакина) наряду с графическим выделением уточняют, что в тексте оригинала эти фрагменты даются по-французски.

В редких случаях выражения, включенные в оригинал на французском (иногда в несколько измененном виде), никак не выделяются в переводе (перевод А. де Вилламари):

Все тихо, просто было в ней,	Tout est calme et simple en elle; elle
Она казалась верный снимок	se présente comme le type parfait de la
Du comme il faut... (Шишков, прости:	femme comme il faut, et salue comme
Не знаю, как перевести.)	en glissant.

Выражения на других языках чаще всего сохраняются и выделяются курсивом, однако иногда их переводят на французский язык. Например, Г. Перо переводит на французский английское *vulgar* (*vulgaire*), поясняя, что в оригинале это слово употребляется на английском языке; упомянутый выше де Вилламари предлагает в качестве эквивалента *vulgarité*. Заметим, что подобных примеров достаточно мало, и они присутствуют только в ранних переводах. В большинстве случаев переводчики стремятся сохранить вкрапления иностранной лексики, тем самым зеркально отображая эту особенность оригинала.

2. Теперь сосредоточимся на обратной тенденции, когда слова оригинала, не имеющие стилистических помет, воспринимаются некоторыми переводчиками по своему звучанию как интересные (и благозвучные для французского уха) и передаются в переводах «новыми» авторскими заимствованиями, хотя имеют достаточно точные словарные эквиваленты. В этих случаях наблюдается тенденция, противоположная явлению качественного обеднения. Таким образом может проявляться стремление сохранить стилистическое богатство текста.

В этом отношении интересно слово *хандра*, противопоставленное в романе английскому «сплину» и проходящее лейтмотивом через весь текст. В. Набоков предположил, что это слово появилось в русском языке в результате расщепления медицинского термина «*hypochondria*» [Набоков, 1998: 177]. В английском языке в результате того же процесса возникло просторечное «*hур*», имеющее некоторое стилистическое сходство с русской «хандрой». По другим предположениям, это изобретенное слово, появившееся в начале XIX в. в стихотворении князя И.М. Долгорукого с пометой «В моем лексиконе так называется ипохондрия» [Степанов, Дудочкин, Фомичев, 1985: 159–168]. В словарях «хандра» зафиксирована лишь с 1847 г. Интересно, что Пушкин подчеркивает именно русский характер хандры, в отличие от сплина, несмотря на то что корень слова заимствован из греческого. В данном случае, по всей видимости, слово приобретает русский «характер», поскольку теряет все морфологические составляющие, выдающие заимствованный научный термин. Многие переводчики «Евгения Онегина» на французский язык используют заимствование *khandra*, считая необходимым подчеркнуть необычное звучание

слова в оригинале. Заметим, что чаще всего во французских переводах не сохраняется пушкинский повтор («хандра» три раза встречается в тексте романа, обозначая «недуг» главного героя) и употребляются разные варианты в пределах одного текста (подобная тенденция наблюдается и в переводах других произведений А.С. Пушкина на французский язык, см. [Разлогова, 2015: 23–41]). Один из первых переводчиков «Евгения Онегина» А. Дюпон использует слово *hypochondrie*, которое уже в XX в. в немного другой орфографии повторяет Менье (*hypocondrie*). Вариант *khandra*, единственный раз появившийся в XIX в. у И. Тургенева и Л. Виардо, становится весьма популярным в XX в. и встречается практически во всех поздних переводах (Р. Легра, Ж.-Л. Бакес, Ш. Вайнстайн, Н. Насакина). Самым популярным в XIX и начале XX в. становится нейтральный вариант *ennui* («скука»), мы встречаем его в 9 из 18 рассмотренных переводов наряду с другими вариантами. Интересно, что в некоторых переводах также используется английское *spleen*, несмотря на подчеркнутое противопоставление «сплина» и «хандры» в одном из фрагментов оригинала:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу...

Вариант *spleen* возникает в XIX в. у П. Безо, несколько раз в переводах XX в. (Р. Легра, Ж.-Л. Бакес).

Н. де Витт впервые использует слово «*cafard*», имеющее во французских словарях помету «familier». Позднее его также употребляют Н. Минор и А. Маркович. Интересно, что во 2-й половине XX в. форма *ennui* встречается редко и только наряду с другими вариантами. В этот период появляются также три «нетипичных» варианта: *nostalgie* – «ностальгия» (М. Семенов и Ж. Бур), *langueur* – «апатия» (М. Колен), *humeur noire* – «мрачное настроение» (Ж.-Л. Бакес). В самом позднем из известных нам переводов (Ф. Вутев) снова возникает *hypochondrie* (за всю историю переводов «Евгения Онегина» эту форму использовали только 3 переводчика) и полностью сохраняется пушкинский повтор.

Слово *няня*, имеющее во французском языке достаточно близкий по стилистике (и в каком-то смысле по звучанию) эквивалент *poitou*, часто переводится заимствованием *niania*. Этот вариант выбирают 5 переводчиков (В. Михайлов, Г. Перо, А. де Вилламари в орфографии *nania*,

М. Байя, Р. Легра). В XIX в. также нередко встречается перевод *nourrice* («кормилица») или *bonne* («гувернантка»); в последнем случае теряется связь с детской лексикой, в отличие от варианта оригинала. Со второй половины XX в. переводчики практически всегда отдают предпочтение наиболее точному эквиваленту *nounou* (М. Семенов и Ж. Бур используют усеченную орфографию *noune*). Исключение составляет уже упомянутый перевод Р. Легра; кроме того, Ж.-Л. Бакес выбирает нейтральную форму *nourrice*, которая в переводах XX в. практически не встречается.

Подводя итоги, следует отметить, что проблематика качественного обеднения является актуальной для многих французских переводов «Евгения Онегина» в отношении устаревшей, книжной лексики. Переводчикам по чисто языковым причинам не удается подобрать достаточно богатые в качественном отношении эквиваленты. Данная особенность связана с более узкой специализацией некоторых классов русской лексики в сравнении с французской. В. Г. Гак пишет: «Там, где французский язык использует одно слово, русский может выбирать между своим и заимствованным. Там, где русский язык имеет два слова – общепотребительное и торжественно-поэтическое – французский довольствуется одним» [Гак, 1977: 253]. Это обстоятельство наглядно демонстрирует асимметрию лексических возможностей русского и французского языков. В этих случаях тяготение французских переводов к стилистически нейтральному словарному составу в сравнении с русским оригиналом неизбежно, оно обусловлено языковыми императивами.

Выражения на иностранных языках, данные в оригинале латиницей, как было показано выше, большинство французских переводчиков передают без качественных потерь – и это, по всей видимости, их осознанная стратегия – кроме случаев, когда речь идет о фрагментах на французском языке, где качественные потери также обусловлены языковыми императивами.

Вместе с тем синтез различных стилистических регистров в лексике выступает как одна из определяющих особенностей пушкинского поэтического языка [Виноградов, 1935], то есть а priori потери в этой области должны быть в какой-то степени компенсированы (причем это может реализовываться в переводе не только лексическими средствами). В связи с этим, как было показано выше, наблюдается и противоположная тенденция, когда нейтральные русские слова, используемые в оригинале, воспринимаются переводчиками не только как «интересные» по звучанию, но и как «благозвучные» для французского уха: в этих случаях они часто пере-

даются нетипичными вариантами, вплоть до авторских заимствований. Происходит своего рода лексическая экзотизация (или «ксенофилизация» в терминологии У. Эко) переводного текста. Тем самым в определенной степени компенсируются другие качественные потери французского перевода в сравнении с оригиналом. В этой области существуют и иные возможности: при более общем анализе приемов, применяемых французскими переводчиками в разное время, можно сделать вывод, что в поздних переводах чаще, чем в ранних, возникают явления (синтаксические, стилистические и т. д.), которые можно рассматривать в качестве компенсаторных мер, в частности в связи со стилистическими потерями в лексике.

Интересно отметить, что качественное обеднение, взятое как отдельное явление, присутствует в нашем случае приблизительно в одинаковой степени в переводах разных эпох, несмотря на то что за последние несколько десятилетий в сфере перевода во Франции произошли заметные изменения, связанные с тенденцией к более «буквальной» передаче стилистических особенностей оригинала. Это наблюдение служит еще одним аргументом в пользу нашего предположения, что французские переводчики нередко допускают стилистические потери не в силу сознательно выбранной стратегии, а в связи с объективными языковыми факторами.

Приведенные выше результаты еще раз указывают на то, что даже если в некоторых случаях и существует возможность относительно простых решений при передаче стилистики художественного текста в переводе, то в других случаях, когда такая возможность отсутствует, происходит поиск нестандартных «незеркальных» решений, фокусированных на иных аспектах соотношения языка оригинала и языка перевода.

Список литературы

- Виноградов В.В.* Язык Пушкина. М.; Л., 1935. 459 с.
- Винокур Г.О.* Язык «Бориса Годунова» // Винокур Г.О. Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 301–327.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: (На материале французского и русского языков). М., 1977. 265 с.
- Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. 929 с.
- Разлогова Е.Э.* К вопросу о передаче лексических параллелизмов в переводе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 5. С. 23–41.
- Разлогова Е.Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.

- Степанов В.П., Дудочкин П.П., Фомичев С.А. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1985. С. 159–168.
- Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. Л., 1963. 430 с.
- Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, 1999. 141 p.
- Chuquet H., Paillard M. Approche linguistique des problèmes de traduction anglais ↔ français. Paris, 1989. 450 p.
- Oseki-Dépré I. Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris, 1999. P. 24–38.

Источники

- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. V. Л., 1978. 528 с.
- Pouchkine A. Eugène Oniéguine // Œuvres choisies de A.-S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont. 2 vol. T. I. SPb.; Paris, 1847. 400 p.
- Pouchkine A. Eugène Onéguine / Traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot // La Revue nationale et étrangère. T. 12 & 13, 1863: [Электронный ресурс]. <http://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Pouchkine%20-%20Eugene%20Oneguine.htm> (дата обращения: 01.05.2016).
- Pouchkine A. Eugène Onéguine / Traduit du russe par P. Béesau. Paris, 1868. 215 p.
- Pouchkine A. Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit par W. Mikhailow. Paris, 1884. 282 p.
- Pouchkine A. Eugène Oniéguine: Roman en vers / Traduit par G. Pérot. Paris; Lille, 1902. 201 p.
- Pouchkine A. Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit du russe par A. De Villamarie. Nice, 1904. 232 p.
- Pouchkine A. Eugène Oniéguine: Roman / Traduit du russe par M. Bayat. Paris, 1956. 211 p.
- Pouchkine A. Eugène Onéguine / Traduction d'André Meynieux // Les écrivains célèbres. Paris, 1962. P. 33–60.
- Pouchkine A. Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit du russe par N. de Witt. Paris, 1967–1968. 216 p.
- Pouchkine A. Eugène Oniéguine / Traduction de M. Semenoff et J. Bour. Paris, 1979. 335 p.
- Pouchkine A. Eugène Oniéguine / Traduction et commentaire de M. Colin. Paris, 1980. 216 p.
- Pouchkine A. Eugène Onéguine / Traduit du russe par L. Aragon // Pouchkine A. Œuvres poétiques / Ed. E. Etkind. Lausanne, 1981. P. 365–374.

- Pouchkine A.* Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit du russe par N. Minor. Paris, 1990. 300 p.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit du russe par R. Le-gras. Lausanne, 2009 (1994). 254 p.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine / Texte présenté, traduit et annoté par J.-L. Backès. Paris, 1995. 338 p.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit du russe par A. Markowicz. Arles, 2005. 317 p.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit par Ch. Weinstein. Paris, 2010. 208 p.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine: Roman en vers / Traduit du russe par N. Nasakina // Pouchkine A. Poésies choisies. M., 2010. 208 p.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine: Roman en vers / Nouvelle traduction de F. Voutev. Paris, 2012. 240 p.

Сведения об авторе: Богинская Анастасия Петровна, специалист по учебно-методической работе кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nastrix@rambler.ru.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Х.А.Гулуева, О.Ю.Школьникова

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПЬЕРА ДЕ РОНСАРА В СВЕТЕ СПОРА О ФРАНЦУЗСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В статье рассматриваются два прижизненных издания произведений французского поэта XVI в. Пьера де Ронсара, которые отражают два принципиально разных подхода к орфографии: реформаторский, в русле идей Луи Мегре, и традиционный, пропагандируемый Робером Этьеном. В обоих изданиях содержатся новаторские предложения, которые оказали влияние на дальнейшее развитие французской орфографии.

Ключевые слова: французская орфография, Пьер де Ронсар, Луи Мегре, Робер Этьен, фонетическая орфография, традиционная орфография.

We analyse two editions of the literary works of the French poet of the 16th century Pierre de Ronsard, published in his lifetime. These books show two different points of view regarding the problem of French orthography, typical at the time of Pleiade and remains the same in our days.

Key words: French orthography, Pierre de Ronsard, Louis Meigret, Robert Etienne, phonetic orthography, traditional orthography.

Для французского языка первой половины XVI в. характерны такие тенденции, как быстрая эволюция письменного языка, сочетающаяся с широко распространившейся во французском обществе рефлексией и обсуждением разных его аспектов. Французский впервые приобрел престиж, равный престижу латинского, и активно стал вытеснять его из всех сфер бытования. На французский переводят Священное Писание, французский преподают в школах, для него создают грамматики.

Спор об орфографии

Как отмечает Сьюзан Бэдли, до 1530-х гг. повсеместно использовалась старая «традиционная» орфография, печатные мастерские ориентировались на продукцию скрипториев и основными императивами при производстве книжной продукции в этот период были скорость и легкость для чтения [Baddeley, 1997: 24]. Один из аргументов сторонников традиционной орфографии заключался в незыблемости и вечности самого латинского языка.

Первым о несовершенстве французской орфографии публично высказался Жофруа Тори, известный французский гравёр, издатель и книго-

торговец. В 1529 г. он издал трактат «Champ fleury», где он излагает свои взгляды на природу прекрасного, в том числе касается вопросов оформления книг и шрифтов и проблемы очищения французского языка. В частности, он говорит о необходимости диакритических знаков акцентов, апострофа и знака «седиль». Под влиянием того же Жофруа Тори парижский медик и анатом Жак Дюбуа два года спустя в 1531 г. издает первую в истории грамматику французского языка «In linguam gallicam Isagoge» [Dubois, 1971], в которой подходит к языку одновременно с точки зрения этимологии и фонологии: в первой части грамматики он пытается установить соответствия между латинскими буквами и звуками французского языка. Правила французской грамматики он выводит не из современного ему употребления, которое он считал «нечистым», а из сопоставления с древними и, соответственно, более престижными языками.

Уже через десять лет в среде французских интеллектуалов раздаются голоса, говорящие о необходимости кардинальной реформы французской орфографии. Первым с таким предложением выступил Пьер Луи Мегре, автор еще одной ранней описательной грамматики французского языка. В 1542 г. он опубликовал трактат «Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise» [Meigret, 1972]. Ссылаясь на латинскую грамматику Присциана, Мегре говорит о том, что «самые маленькие единицы письма», буквы, должны представлять «самые маленькие единицы речи, звуки». По Присциану же, этому принципу мешают реализовываться три «порока»: «уменьшение», «избыточность» и «узурпация» («...une écriture peult estre corrompue en troys manieres: qui sont diminution, ou superfluité, ou usurpation d'une lettre pour autre») [Meigret, 1972: 7]. Мегре показывает, что французская орфография страдает от этих трех недостатков и для их устранения предлагает новую орфографическую систему. Свое предложение он мотивирует превосходством разума над узусом и обычаем, провозглашает независимость французского по отношению ко всем остальным языкам и говорит о том, что новая орфография сделает письмо доступным даже для тех, кто ему специально не учился.

В 1548–1549 гг., когда Мегре работает над своей «Грамматикой», молодой Гийом дез Отель оппонирует его взглядам в трактате «Brève épitre touchant aucuns points de la langue française». Этот трактат, ныне утраченный, будет опубликован под псевдонимом-анаграммой Глаумалис дю Везле и спровоцирует ответный трактат Мегре под названием «Défenses de Louis Meigret touchant son orthographe française contre les censures et calomnies de Glaumalis du Vezelet et de ses adherents» [Meigret, 1972], ко-

торый появится в 1550 г. незадолго до или сразу после выхода «Грамматики».

В 1550-е гг. сторонником позиции Мегре становится Жак Пелетье, в 1550 г. он публикует «Dialogue de l'orthographe e prononciation françoese» [Peletier, 1550]. Его позиция менее радикальна, чем позиция Мегре, но он также считает, что французская орфография очень далека от произношения, испорчена и двусмысленна, трудна для постижения французами и иностранцами и оставит потомству искаженное изображение произношения XVI в.

В это же время в полемику включается Теодор де Бэз, перешедший в 1548 г. в протестантизм и находящийся в изгнании в Женеве. Он посвящает Мегре часть предисловия к своей трагедии «Sacrifice d'Abraham», увидевшей свет в 1550 г. [Bèze, 1856]. Де Бэз утверждает, что то, к чему стремится фонетическая орфография, есть не что иное, нежели химера. Каждый человек будет писать соответственно своему собственному произношению, поэтому фонетическая орфография не сможет облегчить ни чтение, ни коммуникацию. Кроме того, он говорил о том, что произношение все время эволюционирует и орфографию все время придется изобретать новую.

Спор об орфографии вначале отражает в определенной степени социальную ситуацию и раскол между католиками и религиозными реформаторами: католики, приверженцы элитизма в орфографии, защищают латинский язык и этимологические написания; протестанты проявляют заботу о простом народе, не знающем латинского языка и выступают за модернизацию орфографии. Однако, как отмечает Ф. Дж. Хаусманн, к 1550 г. союз сторонников религиозной реформы и людей, ратующих за реформу орфографии, существовавший в 1531 г., распадается [Hausmann, 1980: 92].

Кардинальные изменения в области орфографии, предложенные Мегре, так и остались отдельными предложениями. Это связано с проблематичностью их практической реализации. С одной стороны, трудность представляют предложенные реформаторами новые символы, с другой стороны, фонетический принцип написаний оборачивался большим количеством омографов.

Гораздо большее распространение и поддержку получили взгляды Робера Этьена, одного из самых известных книгопечатников и ученых-гуманистов того времени. За 33 года своей деятельности он выпустил 11 изданий Библии и 12 изданий Нового Завета на разных языках, словарь латинского языка «Thesaurus linguae latinae», франко-латинский словарь

«Dictionnaire français-latin», сочинения по грамматике, педагогике и фундаментальный трактат о французской грамматике «Traicté de la grammere francoise», который вышел в свет в 1557 г. Все изданные им книги способствовали распространению и укреплению орфографических принципов, которых он придерживался.

Этьен выступал против кардинального изменения общепринятой орфографии, которой пользовались в парламенте и в судебно-административных органах. Он последовательно пропагандировал этимологический принцип, если только тот не идет вразрез с традиционным написанием, в противном случае отдавал предпочтение последнему.

В контексте данной полемики об орфографии нам представляется интересным сопоставить два издания произведений Пьера де Ронсара, опубликованные в Париже с разрывом в девять лет: «Les quatre premiers livres des Odes de Pierre de Ronsard», 1550 [Ronsard, 1550]; «Discours à treshault et trespuissant Prince Monseigneur le duc de Savoye par Pierre de Ronsard», 1559 [Ronsard, 1559]. Эти издания выходят практически параллельно с грамматиками Луи Мегре и Робера Этьена («Le Tretté de la grammere françoze, fet par Louis Meigret» [Meigret, 1550] и «Traicté de la grammere francoise» [Estienne, 1557]) и наглядно отражают принципиально разные подходы к проблемам орфографии.

Особенности орфографии издания «Четыре первые книги Од Пьера де Ронсара» 1550 г.

Находясь в самой гуще интеллектуальной жизни своей эпохи и общаясь с литераторами и грамматистами, Пьер де Ронсар на протяжении всего творчества проявлял интерес к вопросам орфографии как важной составляющей языка.

В то время, когда со своими предложениями кардинальной реформы орфографии выступил Л. Мегре и поддержавший его Пеллетье, которых Ронсар хорошо знал, он не остается в стороне от спровоцированных ими споров. В своих «Четырех первых книгах Од» («Quatre premiers livres des Odes»), изданных в 1550 г. в типографии Гийома Кавелá (Guillaume Cavellat), «libraire juré de l'université de Paris», он впервые следует упрощенной орфографии. Таким же образом он издает еще несколько сборников: «Ode de la paix» (1550), «Les Amours» (1553), «Le Vocage» (1554), «La continuation des Amours» (1555), «Meslanges» (1555). Все эти издания, как мы видим, датируются 1550–1555 гг., это и был для Ронсара период увлечения реформаторскими идеями.

Однако в своем издании Ронсар применял далеко не все предложения Мегре. Он, как пишет С. Бэдли, выбрал из графических инноваций Мегре самые незаметные, чтобы меньше шокировать читателя, и те, которые не требовали использования новых букв; например, он заменил *u* на *i*, упростил греческие буквы [Baddeley, 1997: 28].

Интересным документом, отражающим взгляды Ронсара, является его предисловие к изданию «Четырех первых книг Од» 1550 г. Это предисловие имеет ярко выраженный характер манифеста.

Ронсар пишет: «Читатель, я решил в орфографии моей книги следовать большей части резонов Луи Мегре, человека здравого и прекрасного суждения, который первым осмелился раскрыть глаза, чтобы увидеть злоупотребления нашего письма, без побуждений моих друзей, которых больше заботит мое имя, чем истина <...>, античность и упрямое мнение самых знаменитых невежд нашего времени не могли меня так испугать, чтобы ты не заметил некоторых следов его <Мегре> доводов». Здесь речь идет о дискуссиях по поводу орфографии и о противниках фонетического письма; также автор говорит о том, что он с осторожностью следует идеям Мегре.

Далее он пространно обосновывает необходимость упразднения буквы *u*, которую он называет «ужасным крючком» и которую Мегре еще «не полностью соскоблил».

Однако он признается, что не до конца следует принципам Мегре и оставляет дифтонги «в их старой испорченной форме, с невыносимыми нагромождениями букв – знаком нашей невежественности <...> в ожидании, пока будут выкованы новые буквы». Он сам пишет о непоследовательности своей орфографии и обещает, что в следующем издании «он не принесет такого большого ущерба своему языку, допустив, чтобы истина задохнулась от бесполезного злоупотребления» [Ronsard, 1550: 11].

Разберем некоторые особенности орфографии данного издания. Как и Мегре, Ронсар отмечает на письме замолкшие *e* немые, Мегре вместо них ставит знак апострофа, Ронсар – перечеркнутую *e*. В тексте «Од» Ронсара очень широко применяются различные диакритические знаки, чего мы вовсе не наблюдаем в трактате Мегре. Трема, как и в современном употреблении, обозначает раздельное произношение гласных в зиянии, циркумфлекс над *a* так же, как и гравис, обозначает закрытое произношение этого гласного, акут над *e* маркирует закрытое произношение.

Таблица 1. Диакритические знаки

ë	â	à	é
Poëte la poëfie	âge	à leur antiquité	ie me suis éloigné
poëme	il blâme	là	il ne t'est laché
	les mâtins	à l'extrémité	grauité

Для обозначения назального звука используется тильда²:

Таблица 2. Обозначение назальности

ã	ẽ	ĩ	õ	ũ
Frãçois Frãçois	contẽpler	paĩs	occupatiõ	
quãd	moiẽ	chemĩ	comme – cõme	uolũtaires

Следует отметить, что для обозначения назальности гласного звука в данном издании Ронсара применяется также волнистый значок, напоминающий *w*, не встречающийся в других текстах, как у Мегре, так и у Этьена: *diphthõgues*.

В издании Ронсара также можно заметить значительно меньшее использование апострофа. Если у Мегре апостроф имел много функций, то у Ронсара он появляется лишь для того, чтобы избежать зияния, когда артикль предшествует именной части, начинающейся с гласной.

Многообразны варианты отражения звука [s]. Ронсар к уже существующим вариантам отображения этого звука добавляет еще и знак $\mathcal{B}^1$, который в ряде случаев заменяет двойную *s* или палатализованный *t* в суффиксе *-tion* < *tionem* и привносит красоту с точки зрения графики.

Таблица 3. Обозначение глухого [s]

s	f	c+e,i	fc	ç	ss	$\mathcal{B}$
après	ficles	ceci	fcavoir	François	ieuneffe	pa $\mathcal{B}$ és
temps	noftre	tracer			ie m'affure	digre $\mathcal{B}$ ion

¹ В 2017 г. этот графический знак как заглавная буква «эссет», заменяющая двойную заглавную *S*, официально вошел в немецкую орфографию

В интервокальной позиции звонкий звук отображается графемой *z*: *un petit fonnet petrarquizé, hazardé, des courtizans*, но не всегда: *present*.

В этом издании Ронсара в ряде случаев на письме оставлены некоторые непронизносимые звуки, которые Мегре упразднял, отмечая место замолкшего звука знаком артикля²: *quelle, ils sçauroient, on doit goufter, ils leurs plaist*, но *témoigner*, а не *tesmoingner*, как было бы по правилам традиционной орфографии, *parfaite*, а не *parfaicte, lui-même*, а не *luy mesme*, хотя и такие написания могут встретиться буквально через страницу.

Широкое использование графических дифтонгов и трифтонгов у Ронсара, вероятно, служит для выявления правильной границы слова, как писал Этьен: *les oeuvres, ses raifons, quelqu'un de ses aieus, les moiens, humeur, aujourdhui*. Мегре старается отразить их реальное произношение: *metoëre, aojourdhuy, forçeroët*.

Так же как и во всех текстах этой эпохи, остается актуальным вопрос употребления графем *i, j, y, u, v*. Мегре в своем трактате часто употребляет графему *y*, использует *j* длинную для обозначения согласного звука и никак не различает на графике *u* (гласный) и *v* (согласный). Ронсар отмечает, что *y* – греческая буква и ее нужно писать только в грецизмах. Что касается букв *j* и *v*, то в текстах Ронсара их нет совсем³.

i	y	u
iugement	yllabe	auèques
toufours	Hippolyte	uueille
immortalité	dactyle	deuant
ie te ueille	Pythagore	uoir

Особенности орфографии книги Ронсара «Discours à treshault et trespouissant Prince Monseigneur le duc de Savoye» 1559 г.

В этом сборнике Ронсара, вышедшем спустя девять лет, в 1559 г., мы видим эволюцию автора в сторону вполне традиционной орфографии. Минимально количество диакритических знаков, соблюдается традиционная графика, где могут отражаться некоторые устаревшие употребления букв, призванные выявить истоки слова.

Графема *s* постепенно начинает употребляться не только на конце, но и в середине именных частей речи, постепенно вытесняя *f*: *nostre* > *nostre*, чего мы не могли встретить в предыдущих текстах. Диакритическая *f*,

² Ср. у Мегре: *quelqe (quelque), prę'q' (presque), lang' (langue)*.

³ Ср. у Мегре: *langajes, dilijęnce, intellijęnce, imaje, pouure, graues*.

которая во многих словах французского языка к тому времени утратила свое звучание и превратилась в акцент для предшествующей гласной, в этом издании на каждой странице. Автор оставляет эту устаревшую форму в знак уважения к истории своего языка: *bestes fauuages, les chefnes, les peuples estranges, s'il te plaiſt, ſon Eſpouſe*.

Ронсар больше не использует *z* в интервокальной позиции, но мы снова видим *ß*, употребление которого не до конца ясно. Это уже не может быть указанием на особое произношение, скорее – авторская графика, введенная для красоты формы.

s	f	ß
vous	auffi	außi
puis	hauffant	a froiße
beufs	treſpuiſſant	impoßible
champs	laiſſa	tapiße de couleurs
mestier	plaiſtre	aßife dans ſon throne
ceſtuy-ci	cloſe	fut großi
fleſtier	meſme	bleße d'amour
histoires	teſmoignage	mes mains caße
Soeur – Sa ſoeur	Princeſſe	Narciße
vivement	viftement	entre-ecliße

Примеры исторической направленности многочисленны: графические восстановления упрощения в группе согласных *ct*, вокализованного согласного *l*: *ſubiects, faict, effects; il veult; il peult, ne fault point, haulte prudence*.

Появляется графема *v* и начинает использоваться широко и не всегда последовательно:

u	v
Treſhault	discovrs
empereurs	monſeignevr
vous aurez	vovs
ſon aduis	Diev
inuincible	pvissant
tous	vaincu d'vn vainquer
trouuer	villes
prouidence	tu voulois
auec ton Frere honoré	veſtu

Буквы *i* и *j* на письме по-прежнему не разграничиваются: *les conioints amis, iugement, ieunesse, iamais, iambe*.

Возвращается *u*, против которого Ронсар так выступал в издании 1550 г. и не только: *d'un orage hyvernal, icy, son pays, Cypris, gentilles Nayades, ... Syluains, Satyre et Dryades, tygres, tygreffe, lyons*.

Можно отметить появление слитного артикля с *x* на конце: *aux hon-neurs, aux epics*, а также употребление *x* на конце существительных и в порядковых числительных, не только в грецизмах: *la voix, la Paix, des cieux, ces lieux, les yeux, si piteux*. В этот момент начинается путаница уже замолкших конечных согласных, связанная с употреблением знака *x* тиронской системы сокращений вместо латинского окончания *-us*. В старых рукописных текстах бытовали сокращенные написания типа: *ciex* вместо *cieus*, *liex* вместо *lieus*. После графического восстановления *u* совершенно забывается, по какой причине там присутствовал *x*, и он начинает свою повсеместную графическую экспансию.

Появляется диграф *ph* в словах греческого происхождения: *Phenix, Nymphes, Zephire*.

Ронсар по-прежнему любит диакритики, можно отметить появление новых акцентов:

à	ü	ô	é
à bouche clofe	roüe	ô iugement des hommes	par amitié
à l'orage	fe roüilloit	ô gracieux espris	fouspiré
à mespris	de prouësse	ô bois	i'estois falhé
à luy, à toy	pour ioüir	ô ciel	animé
apprendre à flechir	a gros boüillons	ô forefts	defiré

Заключение

Мы проанализировали два издания, очень близкие по времени, принадлежащие перу одного автора и практически противоположные с точки зрения принципов орфографии. Само их существование говорит о том, насколько в ту эпоху актуальным был вопрос об орфографии и как динамично развивалась дискуссия.

Эпоха великих французских грамматистов XVI в. невероятно богата новыми идеями, предложениями, попытками больших перемен. Ряд предложений с той и с другой стороны этой дискуссии до сих пор живет в современной французской орфографии.

Именно в этот период создается система употребления диакритических знаков. Например, знаки *accent grave* и *accent aigu*, которые у Мегре

встречается очень редко и обозначают закрытый или открытый характер звука *a* или *e*, в тексте Ронсара приобретают свое постоянное назначение, которое сохраняют и поныне.

Буква *s* приобретает свою постоянную функцию показателя множественного числа *i*, постепенно вытесняя другую графику, начинает использоваться в середине слова.

Находит свое место знак *trema*, который, употребляясь с гласным в интервокальной позиции, указывает на обязательное произношение звука; он до сих пор «живет» в современном языке.

В тексте Ронсара встречается также *ô*, который по контексту обозначает восклицание автора. Мы не можем пока говорить о том, что циркумфлекс – это намек на усечение исторического *f*, так как все еще эти согласные фиксируются в текстах как достояние латинского языка, но не произносятся, что мы можем проследить в трактате Мегре именно благодаря фонетическому принципу письма.

Нерешенными на тот период остались в обоих текстах употребление одинаковых букв для разных звуков: *v* согласный / *v* гласный; *u* согласный / *u* гласный; *i* согласный / гласный, а также *y = i*. Но можно сделать вывод, что *u* чаще используется в дифтонгах и трифтонгах, а *v* – в начале знаменательных частей речи.

Интересно было также появление нового вида согласной для обозначения звука *s*: *ß*, несмотря на то, что были такие графемы, как *f / ç / s*. И это употребление можно считать авторским нововведением Ронсара.

Несмотря на то что идеи Мегре не получили полного признания и его нововведения встретили серьезную критику со стороны последователей традиционной графики, поскольку такая графика стирала бы границы между грамотностью и невежеством, вопрос о реформе французской орфографии остается и по сей день нерешенным и актуальным.

А для историков французского языка сложно переоценить важность фонетического письма, которое спустя столетия позволяет читателю понять, как произносились слова автором книги и каким фонетическим изменениям подверглись за период, отделяющий нас от героев нашего исследования.

Список литературы:

Baddeley S. L'orthographe de la première moitié du XVIe siècle: variation et changement // L'Information Grammaticale. 1997. N. 74. http://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_1997_num_74_1_2916 (дата обращения: 10.06.2017).

- Bèze Th de*. Tragedie françoise du Sacrifice d'Abraham. (Réimprimé fidèlement sur l'édition de Genève 1576). Genève, 1856. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56539604/f11.image> (дата обращения: 09.01.2017).
- Dubois J. dit Silvius*. In linguam gallicam Isagoge (Paris 1531) ([Reprod. en fac-sim.]) Genève, 1971. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k43858/f3.image> (дата обращения: 03.04.2016).
- Estienne R*. Traicté de la grammaire françoise. Paris, 1557. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k700143> (дата обращения: 02.06.17)
- Hausmann F.J*. Louis Meigret: humaniste et linguiste. Tübingen, 1980.
- Meigret L*. Le Tretté de la grammre françoze. Paris, 1550. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k507854/f32.image> (дата обращения: 02.06.17).
- Meigret P.L*. Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise: (Paris 1542) ([Reprod. en fac-sim.]) Genève, 1972. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k45314/f9.image> (дата обращения: 03.12.2015).
- Peletier J*. Dialogue de l'orthographe e prononciation françoese, departi an deus liures par Jacques Peletier du Mans. Poitiers, 1550. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k508246.r=peletier+du+mans.langFR> (дата обращения: 02.03.16).
- Ronsard P. de*. Les quatre premiers livres des Odes de Pierre de Ronsard, Vandomois. Paris, 1550. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k70071x.r=Ronsard> (дата обращения: 02.07.16).
- Ronsard P. de*. Discours à treshault et trespuissant Prince Monseigneur le duc de Savoye par Pierre de Ronsard. Paris, 1559. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k700143> (дата обращения: 02.07.16).

Сведения об авторах:

Гулуева Хаджар Акиф кызы, специалист по связям с общественностью Французского Института в Баку (Азербайджан). E-mail: hajar.gulueva@gmail.com;

Школьникова Ольга Юрьевна, докт. филол. наук, профессор кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: chkolnikova@mail.ru.

К.Э.Дудников

ИНТЕНТ-АНАЛИЗ, КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ, ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ЕЕ РЕЧЕВОМ ПРОЯВЛЕНИИ

Статья представляет собой критический обзор некоторых современных направлений, занимающихся проблемой установления интенций говорящего по характеристикам его высказывания. В настоящее время указанная проблема является актуальной, но единого подхода к ее решению не существует. Высказывается мнение, что такие направления, как психологический интент-анализ и лингвистическая концепция коммуникативных стратегий и тактик, которые ставили своей целью преодоление ограниченности теории речевых актов, в настоящее время в теоретико-методологическом отношении уступают последней. Тем не менее накопленные в рамках этих направлений описательные результаты представляют большую ценность как материал для последующих теоретических обобщений.

Ключевые слова: интенция говорящего, теория речевых актов, интент-анализ, коммуникативные стратегии и тактики.

This article offers an analytical review of some modern schools which deal with the problem of identifying speaker's intentions on the basis of characteristics of the utterance. It is shown that nowadays this problem remains to be an issue of the day but there is no unified approach to its resolution. We argue that at present, such schools as psychological intention-analysis and linguistic conception of communicative strategies and tactics, which were developed in order to overcome the limitations of the speech act theory, are inferior of the latter in theoretical and methodological terms. Nevertheless, the descriptive results accumulated in these fields of study are of great value as material for future theoretical generalizations.

Keywords: intentionality, speech act theory, intention-analysis, communication strategies and tactics.

Можно с уверенностью утверждать, что понятие интенциональности в современной науке стало междисциплинарным. Интенциональность является объектом изучения, по крайней мере, трех наук: философии, психологии и лингвистики. Каждая из этих областей знания, естественно, использует свой подход к анализу данного феномена, но стоит отметить единство в понимании сущности этого явления (см. ниже). Такое

единообразное понимание интенциональности представителями нескольких наук может являться достаточным основанием для объединения их сил в целях всестороннего изучения этого понятия и разработки единой концепции, которая выступит в качестве общей теоретической базы для конкретных исследований в разных областях. В связи с этим целью нашей работы является поиск точек соприкосновения друг с другом различных подходов к изучению проявлений интенциональности сознания в речевой деятельности и обоснование перспектив сотрудничества ученых-представителей разных областей знания.

В современной философии интенциональность определяется как свойство сознания, благодаря которому его состояния характеризуются как имеющие содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающие определенный вид установки по отношению к этому содержанию (см. [Lyons, 1995]). Под понятие интенциональности подводится все многообразие тех форм, в которых сознание может быть направлено на объекты или положения дел в мире (желания, чувства, эмоции, намерения и т. п.).

Термин «интенциональность» обычно связывают с именем создателя феноменологии Э. Гуссерля, а источник его усматривают в понятии *intentio*, принадлежащем философии схоластов (подробнее см. [Степанов, 1985: 203 и далее]). Однако Э. Гуссерль в своей концепции лишь удачно использовал этот термин, первоначально введенный в философию австрийским мыслителем Ф. Brentano. Стоит отметить также, что Ф. Brentano был еще и психологом, поэтому он попробовал ввести понятие «интенциональность» в психологию, сказав, что всякий психический акт направлен на нечто, что и делает его интенциональным.

Об успехе этого введения говорит тот факт, что концепция интенциональности до сих пор используется психологами, в частности в русле такого направления, как интент-анализ. Это течение интересно нам не только объектом исследования, но и тем, что в попытках эксплицировать интенциональные состояния сознания психологи прибегают к изучению речи. Рассмотрим подробнее, каким именно образом это происходит и какова та теоретическая база, на которой стоит интент-анализ.

Метод интент-анализа был разработан в 1990-е гг. сотрудниками лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН с целью изучения интенциональной структуры дискурса как погруженного в коммуникацию текста. Теоретические основания этого метода наиболее полно и подробно изложены в работе [Слово в действии, 2000],

которую можно назвать программным трудом для данного направления исследований. Последующие публикации в основном посвящены изучению интенциональных структур определенных видов дискурса (бытового, педагогического, терапевтического и др.) и разработке таксономии интенций, а если в них и обращаются к теоретическим основам метода, то делают это кратко и ссылаются на указанную монографию. В связи с этим в настоящей статье при анализе теоретической базы интен-анализа мы будем в основном опираться именно на указанную классическую работу.

Для начала обратим внимание на употребление основных терминов, которые используются во всех исследованиях по интен-анализу: интенциональность и интенция. В разных местах коллективной монографии находим следующие определения: интенция (в психологии) – субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта [Слово в действии, 2000: 10].

«По нашему мнению, есть основания считать, что “направленность на”, интенциональность, представляет собой исключительно специфичное и существенное свойство речи» [Слово в действии, 2000: 11].

Кроме того, при обсуждении структуры интенциональных состояний сознания (интенциональностей) можно найти следующее имплицитное определение: «В субъективном плане активность, направленная на оречевление некоторого содержания, находящегося в сознании, представляет собой намерение высказаться, т. е. интенцию» [Слово в действии, 2000: 12].

Таким образом, в рассматриваемой работе (а следовательно, и в других публикациях по интен-анализу) наблюдается отсутствие единообразия в употреблении понятия «интенция». Этот термин, с одной стороны, используется как синоним к интенциональности, а с другой – как обозначение конкретного, частного интенционального состояния – намерения. Такая нестабильность в употреблении понятий вызывает более серьезные вопросы по поводу предмета исследования: на что именно направлен интен-анализ? На выявление в речи интенциональных состояний сознания или на выявление в речи конкретных намерений?

Далее изучим структуру интенциональных состояний сознания, предложенную в указанной работе. В ней выделяется два уровня интенциональности:

1. Первичные «интенции», связанные с особенностями функционирования нервной системы человека (потребностью и способностью мозга выводиться вовне – экстериоризацией).

2. Социальные (коммуникативные) «интенции». Они включены в организацию общения между людьми. «Для них характерна двусоставная структура: выражение каждой интенции предполагает обозначение ее объекта и отношения к нему говорящего субъекта. Например, фраза: “Посмотри, какой красивый дом!” в качестве объекта выделяет дом и выражает восхищение его видом. <...> Специфическая индивидуальность интенций состоит в том, какие объекты избираются для оречевления и каково отношение к ним» [Слово в действии, 2000: 17].

Разработчики интен-анализа утверждают, что понимание речи – это понимание интенций, заложенных в высказываниях. Учитывая структуру социальных интенций и приведенный пример с домом, можно сказать, что для авторов рассматриваемой монографии понимание речи – это понимание того, о чем говорит адресант (о каком объекте, событии, суждении и т. п. предметах речи), и того, как он относится к этому (его оценки предмета речи в плане его достоверности, вероятности, желательности, нормативности, адекватности и т. п., какие чувства он испытывает в связи с ним).

Кроме того, приведенная выше структура интенциональности напояняет взгляд на понимание речи и структуру интенциональности, существующий в языкознании. Так, лингвисты – вслед за философом Дж. Серлем, одним из создателей теории речевых актов (далее – ТРА), широко используемой в лингвистике при анализе прежде всего диалогического дискурса, – также выделяют два уровня интенциональности: интенциональность первого уровня, присущая собственно сознанию (психический и абсолютно субъективный феномен), и интенциональность второго уровня, присущая высказываниям на естественном языке (коммуникативный и во многом конвенциональный феномен). Позиция лингвистов такова, что интенциональность сознания первична, а интенциональность речи является лишь отражением субъективных переживаний, но не наоборот (здесь мы не берем в расчет случаи преднамеренной лжи, когда соотношения между уровнями интенциональности становятся сложнее и тем самым доказываются производный характер интенциональности речевых актов) [Серль, 1986].

Интенциональности психического можно поставить в соответствие первичные интенции, выделяемые психологами, а интенциональности лингвистического, на наш взгляд, полностью соответствуют социальные интенции. Структуре самих социальных интенций также можно найти соответствие в лингвистике: объект – это пропозициональное содержа-

ние высказывания, а отношение к нему говорящего – это иллюкутивная функция высказывания + прочие компоненты субъективной модальности (ср. понятие модальных рамок у А. Вежбицкой, используемое затем в работах Ю.Д. Апресяна и других семантистов московской семантической школы [Апресян, 2009]).

В связи с этим можно прокомментировать утверждение психологов о природе понимания речи и переформулировать его, используя лингвистические термины: понимание речи – это понимание пропозиционального содержания высказывания и иллюкутивной функции с прочими компонентами субъективной модальности. С этим спорить не приходится. К тому же, если именно так понимать рассматриваемое определение и учитывать приводимые психологами примеры (см. ниже), то, по лингвистической терминологии, метод интен-анализа направлен на выявление в тексте иллюкутивных функций высказываний (далее – ИФ).

Действительно, в рассматриваемых трудах находим следующие примеры:

«– Вот эта книга (которую ты потерял и не мог найти): интенция упрека.

– Вот эта книга (где напечатан интересующий тебя материал): интенция помощи.

– Вот эта книга (которую ты должен отремонтировать): интенция побуждения к действию» [Слово в действии, 2000: 18]¹.

Не анализируя эти примеры, авторы просто иллюстрируют ими тот факт, что одинаковые по форме высказывания могут выражать разные интенции в зависимости от контекста. Однако для понимания (вычитывания) из вербально тождественных реплик их интенций (= иллюкутивных функций) ТРА предлагает разработанный аппарат условий успешности речевых актов (далее – РА), в то время как интен-анализ похвастаться подобным разработанным аппаратом не может, поскольку этот метод основан на экспертной оценке, на интуиции. Важно также подчеркнуть (и это само собой разумеется в ТРА и, шире, в прагмалингвистике и анализе дискурса), что контекст – вербальный, ситуативный, знания собеседников друг о друге и о мире – играет важнейшую роль в распознавании интенций говорящего, т. е. того, зачем он сказал нечто об «объекте» (иллюкутивная функция) и почему сказал об этом «объекте» именно в такой, а не иной форме (прочие аспекты субъективной модальности).

---

¹ Заметим, что из трех указанных интенций только две совпадают с ИФ РА – упрек и побуждение к действию, а помощь, с точки зрения ТРА, – это не ИФ, а перлюкутивный эффект РА.

Именно это и хотят сказать авторы интен-анализа, опять же не приводя никакого примера конкретного анализа. Они утверждают лишь, что интенциональное содержание речи является центральной частью психологического содержания речи, не поясняя, однако, что означает «психологическое содержание речи».

Методика выявления интенций в тексте описана в указанной монографии следующим образом. В качестве материала для исследования брались, к примеру, тексты предвыборных манифестов. Производился их сплошной анализ по специально разработанной технике, способствующей «выявлению и квалификации заложенных в анализируемый текст интенций» [Слово в действии, 2000: 42]. Эта техника состоит из двух этапов:

1. «В результате вчитывания в текст и внимательного оценивания каждого слова два эксперта (позднее – больше. – К. Д.) определяли, каково конкретное содержание текстового пассажа и очевидна ли интенция, лежащая в его основе. Если эта очевидность не усматривалась, производилось переформулирование отрезка текста, базирующееся на ряде правил:

- максимально сохранялся смысл исходного текста, который выражался как можно более кратко;
- максимально сохранялась лексика оригинала, не допускалось введение ассоциативной расширяющей смысл лексики;
- опускались второстепенные уточняющие выражения и характеристики;
- отдельные языковые фрагменты, в сжатой форме обозначающие включенные элементы содержания, отчленялись и выводились для отдельной квалификации» [Слово в действии, 2000: 42].

2. Экспертная квалификация интенции, заключенной в анализируемом высказывании.

Разработанная процедура получила название «техника выявления держательных интенций».

Авторы сознают главную слабую сторону такого подхода: техника очень субъективна и неоднозначна. В качестве основного аргумента для обоснования дальнейшего применения данного метода разработчики интен-анализа приводят утверждение, что цель говорящего – сделать так, чтобы интенции были распознаны адресатом: «...эксперт интуитивно, непосредственно понимает выражаемые автором интенции, поскольку именно к этому автор и стремится в своей речи» [Слово в действии, 2000: 41].

Кроме того, возникает множество вопросов по поводу правомерности изменения исходного текста и метода, которому следовали эксперты при модификации высказываний. Однако в задачи нашей работы не входит решение этих вопросов; мы лишь укажем на то, что они существуют. Обратим внимание теперь на сами результаты исследования конкретных текстов методом интен-анализа.

В качестве примера рассмотрим результаты интен-анализа повседневного дискурса в студенческой среде. В работе [Афиногенова, Павлова, 2016: 104 и далее] приведены встречающиеся в студенческом дискурсе интенции (с примерами реплик):

– выразить недовольство – выразить неудовлетворенность, отрицательное отношение к чему-либо или кому-либо («*Мои номера раздают направо и налево / блин!*»);

– дать указание – дать разъяснение, определяющее, как нужно действовать в ситуации («*Ну она здесь / оставляй!*»);

– выразить свое мнение – выразить свой взгляд, свое отношение к чему-либо (событию, факту) или кому-либо (собеседнику, третьему лицу) («*Да в принципе всех легко сдавать!*»);

– и другие.

Кроме того, в ряде работ можно найти также такие примеры интенций: сообщить («*Я / у двери / до открытия была первая / Так что пропусти!*»), обвинить («*Понаехали тут всякие!*») [Зачесова, Гребенщикова, Кубрак, 2016: 32].

Можно заметить, что некоторые названия интенций повторяют номинации соответствующих РА и ИФ (сообщение, приказ, обвинение и др.). По нашему мнению, причиной этому является следующий факт: несмотря на то что в ТРА и интен-анализе исследуются номинально разные сущности (иллокутивные функции vs интенции), результатом анализа высказываний в обоих подходах является выявление конкретных интенциональных состояний сознания, которым может соответствовать только одна конкретная номинация. Разница между ТРА и интен-анализом заключается лишь в дефинициях и в методе, причем по этим критериям более разработанным, теоретически обоснованным и формализованным (и, как следствие, более объективным) остается классический подход ТРА.

Таким образом, можно сделать вывод, что теоретическая база интен-анализа, в частности терминологический и концептуальный аппараты, методологическая база, нуждается в доработке и согласовании с тем уров-

нем знаний, на котором стоит современное языкознание. Стоит, однако, отметить, что результаты применения данного метода к конкретным текстам, содержащиеся в упомянутых выше и во многих других работах (см. [Ушакова и др., 1995], [Зачесова, 2002], [Григорьева, 2007], [Пескова, 2007], [Гребенщикова, Зачесова, 2014] и др.), представляют большую ценность как для психологов, изучающих интенциональную структуру дискурса, так и для лингвистов, изучающих прагматику общения, а также для философов, занимающихся философией языка и общения.

Обращает на себя внимание и тот факт, что результаты применения обсуждаемого метода напоминают результаты других исследований, проводимых в рамках прагмалингвистики и направленных на выявление в речи коммуникативных стратегий и тактик. Рассмотрим подробнее, что это за исследования и что именно общего у них с интенмент-анализом.

Исследованием коммуникативных стратегий и тактик занимались и в настоящее время множество ученых: О.С. Иссерс, Е.В. Клюев, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, Р. Блакар, Т. ван Дейк и др. К сожалению, как это часто бывает в гуманитарных науках, единое общепризнанное определение рассматриваемых понятий отсутствует. Разные ученые предлагают свои варианты дефиниций, однако стоит признать, что большинство обнаруженных нами трактовок являются парафразами друг друга (ср. [Иссерс, 2008], [Гойхман, Надеина, 2001], [Карасик, 1999], [Черногрудова, 2008], [Дейк, 1989], [Блакар, 1987] и др.). Не вдаваясь подробно в сравнение различных определений, укажем лишь на суть рассматриваемого феномена.

Работы по исследованию коммуникативных стратегий и тактик ведутся в русле более общей темы прагмалингвистики – поиск и описание единиц общения. Среди кандидатов в такие единицы можно назвать РА, речевой жанр (далее – РЖ), минимальную диалогическую единицу (МДЕ), коммуникативную стратегию (КС). Главное отличие КС от остальных единиц общения заключается в том, что она предлагает объяснение того, почему отдельно взятые высказывания со своими конкретными иллокутивными функциями (или группы реплик, выделяемые по определенным критериям в исследованиях МДЕ) вместе составляют связный дискурс. Можно сказать, что КС претендует на роль фактора связности глобальной структуры дискурса с единственным уточнением: объектом исследований в трудах по КС являются реплики только одного участника коммуникации, то есть в этих работах ставится цель объяснить связность высказываний говорящего наличием у него единого «глобального замысла».

Именно с этих позиций сторонниками данного подхода производится критика классических теорий. По их словам, при анализе РА / РЖ можно выявить только «ближайшие», явные коммуникативные цели, причем только одну цель на один РА / РЖ. Ограниченность возможностей анализа РА / РЖ в живой коммуникации мотивировала разных лингвистов (и психологов) на поиски других единиц общения, способных описывать именно дискурс, а не отдельно взятые высказывания. На роль таких единиц и претендуют коммуникативные стратегии.

Что касается соотношения КС и МДЕ, то можно указать, что в трудах по коммуникативным стратегиям МДЕ неявно рассматривается как элемент стратегии, определенный этап процесса коммуникации, который говорящий должен прогнозировать: «Прогнозирование коммуникативной ситуации предполагает продумывание речевых ходов и возможные реакции партнера» [Иссерс, 2008: 79]. Кроме того, предполагается, что по отношениям между МДЕ в дискурсе, например по отношениям иллюкутивного вынуждения [Баранов, Крейдлин, 1992], можно с известной долей вероятности судить о применении коммуникантом той или иной стратегии. Так, ссылаясь на проведенный Е.В. Падучевой анализ темы коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла [Падучева, 1982], О.С. Иссерс пишет: «Нарушение норм иллюкутивного вынуждения является сигналом «некооперативного поведения», что может свидетельствовать об особой стратегической линии говорящего» [Иссерс, 2008: 79].

Ученые также обращают внимание на то, что стратегии имеют свое воплощение и на когнитивном уровне. Это объясняется обязательным наличием определенной цели коммуникации, когнитивного плана (коммуникативных) действий по достижению этой цели и разного рода информации о предстоящем общении (убеждения, мнения, контекст, коммуникативные статусы участников общения и т. п.).

Таким образом, «стратегия представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс, 2008: 100].

Единой таксономии КС не существует. В литературе можно найти несколько предложений критериев классификации КС, однако зачастую авторы разрабатывают свою собственную таксономию без оглядки на эти критерии и придерживаются ее (ср. [Иссерс, 2008], [Певнева, 2008], [Паршина, 2005] и др.).

Что касается формальных показателей КС в дискурсе и методов их обнаружения, то в этом вопросе лингвисты придерживаются традиционного подхода, выработанного в той сфере общественной жизни, из которой пришел в науку о языке термин «стратегия», – в военном деле. Стратегия (изначально) – это искусство ведения войны, а совокупность средств и приемов для достижения намеченной цели – это тактика. В прагмалингвистике именно коммуникативная тактика (далее – КТ) является единицей, действительно доступной для изучения и анализа. КТ – это совокупность конкретных практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия [Клюев, 2002].

О.С. Иссерс в своей монографии приводит примеры формальных показателей КТ на разных языковых уровнях (лексическом, семантическом, лексико-грамматическом, синтаксическом и прагматическом), а также предлагает единую схему описания КТ, которую, однако, сама применяет непоследовательно. Особого внимания заслуживает заимствование условий успешности определенной коммуникативной тактики из концептуального аппарата ТРА (см. [Иссерс, 2008]).

Кроме того, номенклатура типовых КТ отчасти полностью копирует номенклатуру типовых РА. В литературе можно встретить такие наименования: тактика угрозы, тактика обвинения, тактика оскорбления, тактика похвалы и пр. (см. [Иссерс, 2008], [Певнева, 2008], [Паршина, 2005], [Анохина, 2008] и др.).

Все это позволяет сделать вывод, что исследования по теме коммуникативных стратегий и тактик тесно связаны как с интен-анализом, так и с ТРА, что работа лингвистов и в этой области направлена на выявление по внешней форме высказываний их иллокутивных функций и дальше – интенций их автора, что результаты этих исследований позволяют взглянуть на рассматриваемый нами феномен интенциональности немного с другой стороны, что они обогащают имеющийся запас знаний по данному вопросу и что совместная работа лингвистов, философов и психологов может оказаться весьма перспективной.

Стоит отметить, что в настоящей работе мы не анализировали подробно теорию речевых актов, потому что ее анализ был проведен еще задолго до нас, существует множество трудов, посвященных ТРА, и, наконец, потому что эта теория, в отличие от других двух, рассмотренных нами, является классической и, следовательно, должна быть известна всем языковедам. Именно по этим причинам ТРА и имеет самый развитый терминологический, концептуальный аппараты, теоретическую и мето-

дологическую базу. Кроме того, она лучше всего приспособлена для анализа высказываний на естественном языке (если целью ставится выявление интенций) и в достаточной степени формализована, в отличие от двух других подходов (психологический интен-анализ и концепция коммуникативных стратегий и тактик). Интересно то, что эти направления как раз разрабатывались с целью учесть недостатки предыдущих подходов, в том числе недостатки ТРА. Однако, с одной стороны, недостаточная теоретическая проработка концепции коммуникативных стратегий и тактик (ученые работают разрозненно, нет единого концептуального аппарата, устоявшегося метода), а с другой, несогласованность интен-анализа с уровнем современной науки о языке не позволяют данным подходам претендовать на полноценную и полноправную замену ТРА.

Список литературы

- Анохина В.С.* Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семья) // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2008. № 56. С. 54–71.
- Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М., 2009.
- Афиногенова В.А., Павлова Н.Д.* Интенциональные категории повседневного дискурса в студенческой среде // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М., 2016.
- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Гойхман О.Я., Надеина Т.М.* Речевая коммуникация. М., 2001.
- Гребенищикова Т.А., Зачесова И.А.* Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М., 2014.
- Григорьева А.А.* Приемы речевого воздействия и интенциональные структуры разных видов телевизионного дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М., 2007.
- Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Демьянков В.З.* Интерпретация текста и стратагемы поведения // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). М., 1979. С. 109–116.

- Зачесова И.А.* Интенциональные особенности речи в непринужденном общении // Психологические исследования дискурса: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Д. Павлова. М., 2002.
- Зачесова И.А., Гребенищикова Т.А., Кубрак Т.А.* Интенциональная организация дискурса повседневного общения незнакомых людей // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М., 2016.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- Карасик В.И.* Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность; проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.
- Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. М., 2002.
- Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
- Падучева Е.В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.
- Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
- Певнева И.В.* Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: Дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008.
- Пескова Е.А.* Интенции политиков в предвыборном дискурсе и их понимание «наивной» аудиторией и специалистами // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М., 2007.
- Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1986.
- Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб., 2000.*
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985.
- Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Н.* Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. М., 1995.
- Черногрудова Е.П.* Основы речевой коммуникации: Учеб. пособие. М., 2008.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Lyons W.E. Approaches to intentionality. Oxford, 1995.

Сведения об авторе: Дудников Константин Эдуардович, магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vasilup@ya.ru_

С.В.Дорофеева

ДИСЛЕКСИЯ И ПРОБЛЕМА ПЛАТОНА – ХОМСКОГО

Статья посвящена проблеме дислексии, то есть специфических нарушений в процессах освоения письменной речи у детей. Рассматривается, насколько знания современной нейролингвистики могут быть полезны при составлении коррекционных программ. Обсуждается, что может дать в свою очередь изучение дислексии лингвистике, в том числе в контексте ключевых для языкознания вопросов о том, как соотносятся врожденные биологические основы и влияние окружения при освоении языка человеком.

Ключевые слова: дислексия, нарушения чтения, освоение языка, нейролингвистика.

The article deals with the problem of dyslexia, i.e. specific *learning disability that is neurobiological in origin*. The author discusses the mutual influence between theory and practice: how the knowledge of language theory could help in developing remedial programs for dyslexic children and how studying of cases of pathology in written language acquisition can add value to contemporary theory of language and how it can improve the knowledge about brain mechanisms associated with language.

Key words: dyslexia, reading *disability*, language acquisition, neurolinguistics.

Вопрос «Что такое язык и как он устроен?» является ключевым для языкознания как науки и интересовал людей с давних времен. Вопрос этот может быть задан в разных формулировках, с разной степенью глубины и ширины охвата явлений, включаемых в возможное определение. Возможна также разная степень рефлексии ученых на эту тему, от минимальной до очень глубокой.

На заре становления лингвистики, когда она решала в первую очередь такие задачи, как перевод текстов / речи с одного языка на другой или обучение иностранному языку, объект изучения – сам Язык – не обсуждался как явление или система, а предполагался известным, и под ним подразумевался тот или иной конкретный язык. И тогда создание словарей и грамматик было основным занятием лингвистов. С другой стороны, в тех работах, где исследуются непосредственно вопросы «Что такое язык как система?», «Что должно являться предметом изучения в лингвистике, а что нет?», рефлексия максимальна, и порой полученные в ходе этих исследований выводы оказывают существенное влияние на

развитие науки на многие годы вперед. В качестве примеров таких работ можно привести труды Вильгельма фон Гумбольдта, Фердинанда де Соссюра, Эдварда Сепира, Ноама Хомского [Алпатов, 1999: 368]. Постепенно в результате переосмысления объекта изучения и границ смежных областей возникают новые направления в науке, такие, как психолингвистика, нейролингвистика или типология языков.

В 1987 г. Ноам Хомский, создатель теории порождающих грамматик, активно исследовавший возможность вывода правил универсальной для всех человеческих языков грамматики и оказавший значительное влияние на развитие лингвистики второй половины XX в., прочитал ряд лекций в Национальном университете Манагуа на тему «Язык и проблема знания». В 1995 г. перевод этих лекций был опубликован в журнале «Вестник Московского университета». В этих важных лекциях он рассуждал, в частности, о том, как технические открытия связаны с лингвистикой и с вопросами большой важности и древности. Мысль Хомского объединяла «традиции западной философии и психологии в области постижения сущности человека и попытки современной науки разрешить традиционные вопросы в свете того, что мы знаем или можем надеяться узнать о живых организмах и о мозге» [Хомский, 1995: 130–157].

Один из основных таких традиционных вопросов – «Как знание возникает в сознании / мозге человека? Как это происходит, что человеческие существа, контакты которых с миром столь кратки, личностны и ограничены, способны знать так много?» – принято называть Платоновой проблемой. Платон иллюстрирует проблему с помощью первого упомянутого в истории психологического эксперимента. В диалоге «Менон» Сократ, задавая наводящие вопросы необученному мальчику-рабу, приводит того к «припоминанию» знания принципов геометрии и открытию геометрических теорем. Платон словами Сократа дает ответ на этот вопрос: «Душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, и нет ничего такого, чего бы она не познала, поэтому нет ничего удивительного в том, что она способна вспомнить то, что ей прежде было известно» [Платон, 2016: 1311]. Столетиями позже другие ученые, в частности Лейбниц, принимали, что ответ этот по существу верен, но что его «надо очистить от ошибки предсуществования». Более современный вариант, сформулированный Хомским, звучит так: «некоторые аспекты нашего знания и понимания являются врожденными, они часть нашего биологического наследия, предопределенная генетически наравне с про-

чими элементами нашей общей природы, благодаря которым у нас вырастают руки и ноги, а не крылья» [Хомский, 1995: 130–157]

Платонова проблема принимает особую остроту применительно к изучению языка. Хомский отмечает, что любой человек, освоивший возможность говорить, читать и / или писать на каком-либо языке, непременно развил определенную систему знаний, представленную тем или иным образом в его сознании и в конечном счете в мозге в виде какой-то физической конфигурации. Но предопределена ли эта система знаний биологически (генетически) обусловленными ресурсами сознания / мозга или в большей мере зависит от языковой среды, окружающей ребенка в период освоения языка? Как взаимодействуют эти факторы?

Дети очень быстро развиваются, в том числе осваивают язык (иногда и не один). Для освоения языка ребенку необходимо в первые несколько лет жизни находиться в языковой среде, иначе, в отсутствие языковой среды, он не научится говорить (это подтверждается редкими случаями так называемых «детей-Маугли»). Стимулы, примеры необходимы. Но даже когда дети получают достаточное количество положительного языкового материала, на основе которого могут выстраивать свое знание о родном языке, остается проблема бедности стимула. Она заключается в отсутствии или существенной недостаточности получаемого детьми отрицательного языкового материала, который дал бы возможность построить грамматику своего языка как систему ограничений на возможные языковые структуры. Возможно ли объяснить то количество предложений, которое уже к трем-четырем годам здоровый ребенок способен сам породить, только обучением (взаимодействием со средой, с другими людьми) и насколько критическое значение имеют врожденные механизмы? Как они устроены?

Чем интересна в этом контексте проблема дислексии? Дислексия – это специфическое нарушение чтения, имеющее нейробиологическую основу (особенности строения и / или функционирования мозга). Проявляется оно в многочисленных повторяющихся ошибках стойкого характера, несмотря на достаточный уровень интеллектуального и речевого развития и отсутствие нарушений слухового и зрительного анализаторов. И это тот самый случай, когда проблему освоения знания можно исследовать детально на конкретных примерах.

Как получается, что дети, освоившие устную речь, не могут освоить письменную модальность языка (чтение)? Ограничены ли они биологическими причинами? В какой-то степени да. Генетических исследований,

связанных с дислексией, пока проводилось не так много, но некоторые особенности обнаружить удалось [Centanni et al., 2016: 4895–4906], [Shao et al., 2015: 3967–3975]. Кроме того, выявлено, что в семьях, где есть родственники, страдающие / страдавшие от дислексии, вероятность трудностей с освоением чтения у детей увеличивается [Centanni et al., 2016: 4895–4906]. Только ли биологические причины влияют? Скорее всего, нет, иначе не было бы возможным помочь таким детям посредством специальных занятий.

В ситуациях, когда часть предположительно врожденных функций почему-то не активируется, возможны наблюдения процессов развития, процессов формирования новых навыков. Возможно изучение причин задержек (биологическая и не только часть) и изменения динамики развития в зависимости от тех или иных программ обучения (социальная часть, создание опыта, предложение стимулов).

Исторически так сложилась, что тема дислексии в нашей стране изучалась в основном педагогами, коррекционными педагогами и последние несколько десятилетий нейропсихологами. Лингвисты же упустили эту проблему из области своего внимания, и напрасно. Да, письменная речь – это особая модальность, но все-таки непосредственно связанная с языком, с темой освоения языка человеком. И накопленные в лингвистике знания о языке вообще, о возможной структуре естественного языка, об особенностях разных уровней (фонетического, морфологического и т. д.) могут быть чрезвычайно полезны при составлении программ помощи детям с нарушениями чтения. Опыт успешного применения комплексного подхода к коррекции дислексии дает основания полагать, что лингвистически обоснованные стимулы ускоряют процесс коррекции дислексии, процесс обретения ребенком недостающих навыков, которые у него самостоятельно не получалось по каким-то причинам освоить.

В то же время и лингвистике может быть полезно изучение дислексии. В свое время описание случаев нарушения речи сформировало первые представления о том, какие зоны мозга могут быть связаны с языком. Самые известные первые описания нарушений речи и поведения у людей с поражениями мозга, сделанные в XIX в. Полем Брока и Карлом Вернике, даже дали названия определенным зонам мозга. А исследования особенностей поведения людей с поражениями мозга, в том числе после ранений, проведенные А.Р. Лурией в середине XX в., можно считать основой современной психо- и нейролингвистики.

С развитием технологий, в том числе способов прижизненного исследования мозговых особенностей у людей, именно изучение случаев нарушения речи очень способствовало развитию нейролингвистики и клинической лингвистики. Изучение афазии (нарушения речи у людей при поражениях головного мозга) помогло сформировать представление о мозговых механизмах языка и вариантах реорганизации мозговых структур в ходе терапии. И постепенно стало возможным то, что было трудно представить еще несколько десятилетий назад. Например, диагностика нейролингвистами возможных нарушений речи после инсультов, в том числе по данным МРТ, или картирование речи во время awake-операций по удалению опухолей на мозге (тестирование, позволяющее определить критически важные для сохранения речи области у конкретного пациента).

Изучение дислексии могло бы пролить свет на то, как устроен процесс освоения письменной речи у человека. По поведенческим тестам и наблюдениям внешних проявлений можно отслеживать, на какой стадии находится в текущий момент развитие речи и письма у ребенка, а по данным таких исследований, как функциональная или структурная МРТ, – отслеживать, в каком состоянии в этот же период находятся те или иные зоны мозга или связи (нейронные тракты) между различными зонами мозга.

Возможность исследований в этом направлении продемонстрирована, например, в статье «Dorsal and ventral pathways in language development» [Brauer et al., 2013: 289–295]. Авторы изучали строение нейронных трактов между разными областями мозга у маленьких детей, подростков и взрослых и обнаруживали существенное отличие в количестве и протяженности имеющихся путей. Если сравнить подобным образом тракты у детей, успешно осваивающих устную и письменную речь, и детей с нарушениями в этих процессах, есть вероятность обнаружить, какие тракты критичны для тех или иных связанных с языком процессов.

Необходимо сказать отдельно о следующем. В нашей стране, к сожалению, на сегодняшний момент почти не было исследований мозговых механизмов при дислексии, нет достаточных экспериментальных данных, которые подтверждали бы или опровергали те или иные гипотезы. Но при этом достаточно развита психолого-педагогическая школа. Много лет логопеды и нейропсихологи изучали нарушения чтения у детей, накоплены наблюдения о том, какие бывают типы ошибок, особенности поведения, сформировано представление о возможных типах дислексии. В то же время в западной традиции накоплено значительное количество

уже экспериментальных данных об особенностях мозга детей с дислексией (сотни экспериментов). И можно заметить, что в первые десятилетия исследований с помощью новых технологий происходил процесс накопления данных, подтверждения того факта, что дислексия имеет нейрональные основы. В последние годы идет уже процесс переосмысления, анализа полученных данных. И появляются мета-аналитические работы, иногда обнаруживающие относительно малую согласованность между данными различных авторов [Linkersdörfer, 2012], [Richlan, 2012], [Richlan et al., 2013]. А в масштабном исследовании с большим размером выборки не удалось воспроизвести ранние результаты [Jednoróg, 2015: 1741–1754]. То есть в результатах исследований различных авторов обнаруживаются как совпадения, так и существенные различия.

Возникает вопрос, что может быть причиной расхождений? Возможны варианты. Так, несоответствия данных разных исследований могут быть результатом индивидуальных отличий в особенностях мозга людей с дислексией. Действительно, хотя мозг и имеет общие области у всех людей, какие-то общие тенденции, но и индивидуальных различий тоже достаточно много, особенно в организации тех или иных конкретных структур, а тем более в случаях реорганизации после травм или поражений (болезней). Другой причиной может быть недостаточно корректный отбор испытуемых или недостаточно детальное описание особенностей испытуемых. Во многих исследованиях отсутствуют данные о балансировке по типу дислексии, основанной на определении локуса дефицита у испытуемых, строгом и обоснованном различении людей именно с дислексией и людей, имеющих нарушения чтения по другим причинам, например из-за недостаточного обучения, сниженного уровня интеллекта или каких-либо болезней.

Нарушения письменной речи могут быть связаны с разными глубинными причинами. Кто-то не может читать из-за того, что он не различает буквы, графемы. Кто-то – из-за того, что он не различает фонемы, звуки именно языка, не понимает до конца смысловоразличительной функции фонем. Кто-то имеет низкий объем рабочей памяти. Кто-то с трудом оперирует последовательностями (и, как следствие, имеет трудности с анализом и синтезом). У кого-то есть сложности с управлением вниманием или доступом к семантическому представлению и так далее. Все это может влиять на итоговые результаты. Кроме того, у одного ребенка может быть как один, так и несколько видов нарушений, с разной степенью тяжести. Естественно, что перечисленные разные причины могут коррели-

ровать с различными мозговыми особенностями. И изучение этих вопросов – дело будущих исследований.

В каких направлениях может пойти развитие науки в области изучения нейрональных основ дислексии дальше? С одной стороны, возможно погружение в более детальное исследование тех или иных видов дислексии и, вероятно, это даст более точные данные. С другой стороны, вероятно, будут попытки создания динамических моделей формирования нейронных путей в ходе освоения устной и письменной речи ребенком. В любом случае важна не только экспериментальная часть (исследования нарушений), но и коррекционная (наблюдения за процессами терапии). Совершенствование методик коррекции необходимо для помощи детям с дислексией. Это прикладное направление очень значимо и для общества в целом, и для конкретных людей, страдающих от невозможности освоить письменную речь. Но оно важно и для науки. Изучение того, как те или иные лингвистически обоснованные стимулы влияют на ход коррекции (а значит, освоение чтения ребенком), может дать нам важную дополнительную информацию как раз по существу вопросов Платона и Хомского: как же все-таки соотносятся биологическая основа и влияние окружения при освоении языка человеком? Как знание языка появляется внутри человека и в каком виде оно может там храниться?

Список литературы

- Апатов В.М.* История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М., 1999. 368 с.
- Корнев А.Н.* Нарушения чтения и письма у детей: Учеб.-методич. пособие. СПб., 1997. 286 с.
- Лалаева Р.И.* Нарушения чтения и пути их коррекции у младших школьников: Учеб. пособие. СПб., 2002. 224 с.
- Платон.* Полн. собр. соч. в одном томе. М., 2016. 1311 с. (Диалог «Менон»).
- Хомский Н.* Язык и проблема знания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 4. С. 130–157.
- Brauer J., Anwander A., Perani D., Friederici A.D.* Dorsal and Ventral Pathways in Language Development // *Brain and Language*. 2013. Vol. 127. Issue 2. P. 289–295.
- Jednoróg K., Marchewka A., Altarelli I., Monzalvo L.A.K., van Ermingen-Marbach M., Grande M., Grabowska A., Heim S., Ramus F.* How Reliable Are Gray Matter Disruptions in Specific Reading Disability Across Multiple

- Countries and Languages? Insights from a large-scale voxel-based morphometry study // *Human Brain Mapping*. 2015. Nr 36. P. 1741–1754.
- Linkersdörfer J., Lonnemann J., Lindberg S., Hasselhorn M., Fiebach Ch.J.* Grey Matter Alterations Co-Localize with Functional Abnormalities in Developmental Dyslexia: An ALE Meta-Analysis // *PLoS One*. 2012. Nr 7 (8): e43122.
- Centanni T.M., Booker A.B., Chen F., Sloan A.M., Carraway R.S., Rennaker R.L., LoTurco J.J., Kilgard M.P.* Knockdown of Dyslexia-Gene *Dcdc2* Interferes with Speech Sound Discrimination in Continuous Streams // *The Journal of Neuroscience*. 2016. Nr 36 (17). P. 4895–4906.
- Shanshan Shao, Rui Kong, Li Zou, Rong Zhong, Jiao Lou, Jie Zhou, Shengnan Guo, Jia Wang, Xiaohui Zhang, Jijia Zhang, Ranran Song.* The Roles of Genes in the Neuronal Migration and Neurite Outgrowth Network in Developmental Dyslexia: Single- and Multiple-Risk Genetic Variants // *Molecular Neurobiology*. 2016. Nr 53 (6). P. 3967–3975.
- Richlan F.* Developmental Dyslexia: Dysfunction of a Left Hemisphere Reading Network // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2012. Nr 6. P. 120.
- Richlan F., Kronbichler M., Wimmer H.* «Structural Abnormalities in the Dyslexic Brain: A Meta-Analysis of Voxel-Based Morphometry Studies // *Human Brain Mapping*. 2013. Nr 34 (11). P. 3055–3065.

Сведения об авторе: Дорофеева Светлана Валентиновна, аспирант школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: sdorofeeva@gmail.com.

Н.В. Сайкина

МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ БИОГРАФИИ КН. З.А. ВОЛКОНСКОЙ

Статья освещает малоизвестные страницы биографии Зинаиды Белосельской, впоследствии Зинаиды Волконской, знаменитой хозяйки московского и римского литературно-музыкальных салонов. В частности, рассматриваются обстоятельства двух ее несостоявшихся браков: в 1807 г. – предположительно с П.И.Салтыковым, в 1810 г. – с композитором С.С.Голицыным (что вызвало обширную переписку родственников – Н.П.Голицыной, Е.В.Апраксиной, Н.М.Строгановой, А.Г.Белосельской); также уточняется биография ее младшей сестры Н.А.Белосельской (Лаптевой).

Ключевые слова: А.М.Белосельский-Белозерский, В.Я.Белосельская, З.А.Белосельская (Волконская), С.С.Голицын, А.Ф.Спада, А.Г.Белосельская, М.А.Власова, Н.А.Белосельская (Лаптева), Н.М.Строганова, Н.П.Голицына, Е.В.Апраксина, В.В.Голицына, М.Д.Татищева, П.И.Салтыков, Урусово, Иваново.

The article examines little-known episodes from the biography of Zinaida Beloselskaya, later the mistress of the famous literary-musical salons in Moscow and in Rome, Zinaida Volkonskaya. The author reveals some circumstances of two failed marriages of Zinaida Beloselskaya: supposedly with P.I.Saltykov in 1807, and with the composer S.S.Golitsyn in 1810. The focus of consideration is aimed on extensive family correspondence, caused by 1810 failed event, between some of the individuals involved (N.P.Golitsyna, E.V.Apraksina, N.M.Stroganova, A.G.Beloselskaya). The subject of discussion is also the biography of Natalie Beloselskaya (Lapteva), the younger sister of Zinaida Beloselskaya.

Key words: A.M.Beloselskiy-Belozerskiy, V.Ya.Beloselskaya, Z.A.Beloselskaya (Volkonskaya), S.S.Golitsyn, A.F.Spada, A.G.Beloselskaya, M.A.Vlasova, N.A.Beloselskaya (Lapteva), N.M.Stroganova, N.P.Golitsyna, E.V.Apraksina, V.V.Golitsyna, M.D.Tatishcheva, Urusovo, Ivan'kovo.

10 августа 1813 г. Наталья Лаптева, урожденная княжна Белосельская (1791–1813), младшая сестра Зинаиды Волконской, всю свою недолгую жизнь прожившая в Москве, писала ей из Петербурга, где ожидала вестей от супруга с полей сражений: «J'ai trouvé votre album de dessin que vous aviez à Moscou, où vous avez fait plusieurs portraits, celui de grand maman est très ressemblent, il m'a fait une peine de cœur en me la rappelante; je l'ai garde ainsi qu'un autre intitulé Pour l' amitié, ou j'ai trouvé les choses les plus touchantes sur la mort de notre excellent père et sur la religion. – Des

que vous en aurez besoin dites le moi, mais en attendant je les aurai près de moi comme des choses de sentiment»¹.

Во второй половине декабря 1813 г., в сильные морозы, г-жа Лаптева простудилась, десять дней проболела и умерла², не дожив нескольких месяцев до двадцати трех лет. Что случилось с альбомами, мы не знаем и только можем предполагать, что один из них, с рисунками, был передан семейству Белосельских супругом Натальи Александровны, героем войны 1812 г. генерал-лейтенантом Василием Даниловичем Лаптевым и, возможно, теперь является новым поступлением в Государственный музей А. С. Пушкина³.

Упомянутый приезд в Москву продлился около трех недель – приблизительно с 25 ноября по 14 или 15 декабря 1810 г.⁴ Поездка была вынужденной: Анне Григорьевне Белосельской⁵, мачехе замужней к тому времени Марии Магдалины (или Мадлены⁶) Власовой и девиц Зинаиды и Натальи, предстояло обратиться к их бабушке, Марии Дмитриевне Татищевой, с нетривиальной просьбой: выразить несогласие на брак внучки с Сергеем Сергеевичем Голицыным⁷.

---

¹ «Я отыскала альбом рисунков, который был при вас в Москве, где вы сделали несколько портретов; бабушка вышла очень похоже, у меня сжалось сердце при воспоминании о ней; сохраню его, как и другой, под названием “Для дружества”, в нем я нашла записи невероятно трогательные – о смерти нашего добрейшего отца, о религии. – Если они вам понадобятся, скажите, но до тех пор буду держать их у себя как вещи памятные» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 31). Перевод с французского здесь и далее наш, орфография подлинников сохранена, отсутствующие знаки препинания восстановлены там, где это необходимо для понимания смысла. Приношу самую искреннюю благодарность В.А. Мильчиной за консультативную помощь при переводе писем.

² 29 декабря 1813 г. См.: [Грибоедовская Москва в письмах..., 2013: 181].

³ Коллекция Музея Пушкина пополнилась новыми раритетами // Новости культуры. 2017. 16 авг. http://tvkultura.ru/article/show/article_id/186605/.

⁴ Приезд датируется по письму Е. В. Апраксиной, отъезд – по записи Н. А. Белосельской от 14 декабря, письмам Е. В. Апраксиной (эти материалы см. ниже) и Е. Ф. Ильиной, которая 15 декабря собиралась проводить племянницу Зинаиду, но получила известие, что та, вероятно, ранним утром уже покинет Москву (РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. 67. Л. 24 об.).

⁵ А. Г. Белосельская-Белозерская (1773–1846), урожд. Козицкая – вторая супруга А. М. Белосельского-Белозерского (с 2 сентября 1795 г., см.: [Mazon, 1964: 106]), мать Эспера, Екатерины и Елизаветы Белосельских-Белозерских.

⁶ Этим именем звали ее близкие.

⁷ Внимание к этому несостоявшемуся союзу уже привлекалось: Татьяна Петерс опубликовала в русском переводе три письма из рассматриваемой ниже переписки. См.: [Петерс, 2002: 248, 250, 251].

3 декабря 1810 г. Зинаиде Белосельской (впоследствии хозяйке прославленных музыкальных салонов в Риме и Москве) должен был исполниться 21 год [Mazon, 1964: 104], [Арутюнова, 2017: 226], [Охотин, 1989: 468]. С сентября 1807-го она – фрейлина⁸ и с декабря 1808-го состоит при Луизе Прусской, королеве поверженной Наполеоном Пруссии, по приглашению Александра I находящейся в России. (Несомненно, княжна Белосельская принимает участие «в вихре празднеств, данных в честь прусской королевской пары» [Арутюнова, 2017: 110] и в торжествах, посвященных помолвке и свадьбе великой княгини Екатерины Павловны, где, возможно, Александр I обратил внимание на «прекрасную, живую и талантливую» Зинаиду» [Арутюнова, 2017: 110].) 26 декабря 1810 г. было печальной датой – миновал год со дня смерти обожаемого ею отца, Александра Михайловича Белосельского-Белозерского⁹, много сил вложившего в ее образование и воспитание. Родной матери¹⁰ Зинаида и ее сестры лишились в раннем детстве, однако сиротами они считать себя не могли, поскольку с юного возраста у них была мачеха, Анна Григорьевна, другими опекунами оставались Татищевы, родители Варвары Яковлевны – бабушка Мария Дмитриевна (? – 12.01.1813)¹¹ и дедушка Яков Афанасьевич (1729–1806).

Инициатором сватовства выступила мать жениха, Варвара Васильевна Голицына (см. [Петерс, 2002, 247]), а ее, вероятно, просил об этом сын, и, обращаясь к матери, едва ли он не подкрепил свою просьбу утверждением, что княжна Белосельская не ответит отказом (возможно, этот смысл вкладывала Е.В. Апраксина в слова: «если Зинаида того желает»¹²). Подобные просьбы он, судя по всему, высказывал и прежде, но планы не нашли воплощения. Так, отец кн. Сергея С.Ф. Голицын писал ему в 1808 г.: «...таперь мне тебе еще остается только дополнить все твои глупости тем, чтоб заведя Анну Васильевну и других теток в историю и показав им желание жениться, по обыкновению твоему изменить желание, но после сего ты можешь уже жить где хочешь, а к нам не ездить» [Петерс, 2007: 263].

⁸ Указ придворной конторе от 3 сентября 1807 г.: «Княжну Зенеиду Белосельскую всемилостивейше пожаловали мы во фрейлины к Их Императорским Величествам Государыням Императрицам» (РГИА. Ф. 466. О. 1. Д. 221. Л. 56).

⁹ А. М. Белосельский-Белозерский (1752–1809) – дипломат, коллекционер, писатель.

¹⁰ В.Я. Белосельская, урожд. Татищева (1764–1792).

¹¹ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 1 об.

¹² НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 1. Л. 23 об.

В посредники выбрали Наталью Петровну Голицыну.

Наталья Петровна – княгиня Вольдемар, *princesse Moustache*, наконец, пушкинская «Пиковая дама» – приходилась и жениху, и невесте двоюродной тетушкой. Родными тетушками Зинаиды Белосельской были Наталья Михайловна Строганова и Евдокия (Авдотья) Михайловна Салтыкова, участницы дальнейших событий, а кухиной (разница в возрасте между ними составляла почти двадцать лет) – Екатерина Владимировна Апраксина, старшая дочь Натальи Петровны.

Князь Сергей Сергеевич Голицын (1783–1833) (о нем: [Серков, 2001: 254]) принадлежал к многочисленному семейству Сергея Федоровича Голицына¹³ и Варвары Васильевны, урожденной Энгельгардт, племянницы Потемкина. По воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, некоторое время воспитывавшегося с Павлом и Александром Голицыными, Варвара Васильевна была женщиной с «сильными страстями», с властным и вспыльчивым характером [Вигель, 2000: 34, 36].

Как и многие другие, Сергей Голицын с детства приписан к лейб-гвардии, но послужной список его изобилует взлетами и падениями: в августе 1799 г. «за дурное поведение исключен из службы», в 1801-м вновь принят [Серков, 2001: 254]. В октябре 1803-го в Петербурге попал в некую скандальную историю, отец пенял ему: «всегда вмешиваешься там, где не должно», результатом опять стала отставка [Петерс, 2007: 255–257]. Участвовал в военной кампании 1805–1807 гг., сражался под Шенграбенем, был взят в плен под Аустерлицем [Петерс, 2007: 259]. В 1808 г. – камерюнкер, однако через полгода «переименован в подполковники с назначением флигель-адъютантом» [Серков, 2001: 254]. К моменту упомянутого сватовства он в чине полковника [Серков, 2001: 254].

По-настоящему интересны ему две вещи. Одна из них – масонские ложи. В 1810 г. он – член ложи Соединенных друзей (*Amis réunis*), представители которой собирались в подzemелье Мальтийской церкви, затем в большом доме на Фонтанке близ Аничкова моста [Серков, 2001: 1090], неподалеку от дворца Белосельских. В июле 1810 г. Мария Николаевна Волконская (впоследствии мать Льва Толстого), с отцом приехавшая в Петербург, так описывает встречу с этим молодым человеком: «15 числа я была дома; перед обедом батюшка уехал погулять, и я пошла к княгине Варваре Васильевне; я нашла тут князя Сергея, который все разговаривал о масонах, и хотя никто его не просит, он всячески старается возбу-

---

¹³ Голицын Сергей Федорович (1749–1810), князь, генерал от инфантерии, член Государственного совета.

дить любопытство, и между тем как он твердит, что тайны сего общества никак нельзя открыть, видно, что ему нетерпеливо хочется все рассказать» [Волконская, 2008].

Эта словоохотливость сильно портит репутацию Сергея Голицына. Так, в предстоящую военную кампанию служивший вместе с С.С.Голицыным Н.Д.Дурново отмечает в дневнике 9 октября 1812 г., что князь Сергей своими сплетнями способствует поддержанию разногласий между старыми генералами – Беннигсеном и Кутузовым, а ниже, полагая, что именно из-за Голицына не получил более высокое награждение [Дурново, 1990: 99], пишет, что тот – зачинщик всякого свинства (*cochonnerie*), какого только можно, и прибавляет: «Он у меня за это получит» (*Je m'en prendrai à lui*)¹⁴.

Другое жизненно необходимое для него занятие – музицирование и композиторство. Сергей Голицын «очень веселый и милый человек, весьма любезный и приветливый и очень хороший музыкант и сочинитель многих романсов» [Благово, 1885: 117], – вспоминала современница, Елизавета Петровна Янькова.

Им издано не менее тридцати вокальных миниатюр, многие известны в рукописях, пишет М. Долгушина, они «могут быть вполне сопоставимы по уровню мастерства с произведениями служивших в России профессиональных музыкантов, уступая только наиболее известным из них, например, Буальдые или Лафону», и «демонстрируют хорошее владение музыкальной формой и твердое знание основ гармонии и правил голосоведения». А романс «*Je t'aime tant*», написанный на стихи Фабра д'Эглантина, «после эквиритмического перевода его текста В.А.Жуковским стал на ближайшие два десятилетия одним из наиболее популярных русских романсов» [Долгушина, 2014: 123]. В 1805 г. он был издан вместе с другими пятью вокальными произведениями. Зная, что тетушка Зинаиды Наталья Михайловна Строганова и ее кузина Екатерина Владимировна Апраксина уверены в его долгой к ней привязанности (см. переписку ниже), не ошибемся, если скажем, что его исполнение у Белосельских приобретало особый смысл.

Романс этот, конечно же, здесь исполнялся: текст Ф. д'Эглантина¹⁵ есть в альбоме Зинаиды, начатом в 1806 г. и оконченном приблизительно

¹⁴ Последнюю фразу приводим по оригиналу (НИОР РГБ. Ф. 95. Ед. 9535. Л. 82), поскольку эта часть предложения ошибочно переведена: «Я на него не в обиде».

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 98–98 об.

в конце 1810-го (об этом альбоме см.: [Гречаная, 2010: 130–131]). На одной из страниц она записывает извлечение из поэмы Ж. Делиля «Воображение», отметив, что это стихи на смерть Михаила Голицына (1784–1807)¹⁶, погибшего в сражении при Прейсиш-Эйлау. Как представляется, кузены Голицыны¹⁷ нередко бывают у Белосельских. Может быть, и не сам Сергей Сергеевич, но кто-то из них, желая поведать о своих чувствах или обратить внимание на чувства ближнего, в разное время цитирует «Странность любви, или бессонницу» Н. М. Карамзина («Кто для сердца всех страшнее кто на свете всех милее знаю милая моя», – пишет некто, совсем не заботясь о знаках препинания)¹⁸, «Любезное любить...» И. М. Долгорукова¹⁹... Несомненно, должны импонировать Зинаиде и исполнительские таланты Федора Голицына, старшего брата Сергея, неоднократно в мемуарах упоминаемые (например, Ф. Ф. Вигелем и М. Д. Бутурлиным); если верить альбому, им положены на музыку стихи де Сегюра «Toute la vie»²⁰.

Отметим, что в характере Сергея Голицына и Зинаиды Белосельской, как это ни удивительно, есть черта, их объединяющая: не считая того, что оба очень любят музицировать, в глазах родственников он «вертопрах», а она – «молодая и ветреная» (в приведенных ниже цитатах из писем подчеркивания сохранены согласно оригиналу, русский текст выделен курсивом).

4 сентября 1810 г., Е.В. Апраксина – Н.П. Голицыной: «*Connaissez ce que vous me dites de la négociation de mariage dans laquelle l'on vous à prié de vous intéresser, d'abord je puis vous assurer que cela restera bien secret et que je n'en parlerai sûrement à personne, je désire bien que cela s'arrange si Zénéide le désire, mais il est vrai que le jeune homme est si étourdi et si léger, que je crains bien qu'elle ne soit pas heureuse, cependant il parais qu'il met du temps dans cet attachement, pour la jeune personne, elle est réellement charmante et mérite bien d'être heureuse <...>*»²¹.

¹⁶ «Vers tires du Poème de l'Imagination, appliqués à la mort de Michel G-tne l'année 1807» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 103 об.).

¹⁷ Помимо Сергея, это Григорий, Федор, Павел, Александр, Василий и юный Владимир.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Там же. Л. 92 об.

¹⁹ Там же. Л. 90.

²⁰ Там же. Л. 10–10 об.

²¹ «Зная все то, что вы сообщили мне об устройстве свадьбы, содействие которому вас просят оказать, прежде всего могу вас уверить, что это останется в секрете и что я об этом, разумеется, никому не скажу, мне бы очень хотелось, что-

5 сентября, Н. М. Строганова – Н. П. Голицыной: «...pour la pauvre Zénéide je ne suis pas tranquille, Dieu aura soin d'elle jeune et étourdie, *да видна судба, мне писала аб етом ево матушка* et je sorais le reste d'elle même»²².

2 октября, Е. В. Апраксина – Н. П. Голицыной: «Ma tante Strogonoff m'a mandé une nouvelle qui m'a bien etonnée c'est que la Psse Beloselsky qui a passé 8 jours à Moscou est partie pour sa campagne pour y rester deux mois avec Zénéide et son fils et Mme Kazitsky est allé la rejoindre avec la petite, pour y passer quinze jours je ne savais point du tout que son absence de Petersbourg doit être aussi long, quand au projet de mariage je rien ai plus entendre parler et ne sait point si elle y consente mais ce sejours aussi long à la campagne me fait croire qu'elle n'y consente point, je la trouverai probablement même à Moscou à son retour»²³.

3 октября, Н.М. Строганова – Н.П. Голицыной: «...à présent il faut me raccommoder, avec la Pse Galitzin K: Варвара B: que j'aime beaucoup qui se fâche contre moi Dieu sais pourquoi, il me parais qu'elle crois que je suis contre ce mariage, *Абияками на меня досадует* et moi je vous jure que je ne suis ni pour ni contre, vous savez comme c'est difficile de conseiller, moi je ne désire que le bonheur de Zénéide, Dieu veuille la prendre sous sa protection, j'ai dis à le Pce et à Z: on présence de la grand mère Tatischeff: que Zénéide n'est plus un enfant. Qu'elle doit décider, elle le connais depuis longtems que ceci défaux ne font que jeunes et n'a pas de vieux, j'en suis sûre s'il a pû être constant 2 ans de son amour pour elle, c'est une bonne marque. Je

---

бы это устроилось, если Зинаида того желает, правда, молодой человек такой вертопрах и столь легкомыслен, что, боюсь, она не будет счастлива, однако он, кажется, уделяет много времени этой привязанности к юной особе, она действительно очаровательная и заслуживает счастья <...>» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 1. Л. 23 об.).

²² «...за бедную Зинаиду я не спокойна, храни ее Господь, молодую и ветреную, *да видна судба*, мне писала аб етом ево матушка и остальное узнаю от нее самой» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 101. Ед. хр. 32. Л. 20).

²³ «Тетушка Строганова сообщила мне новость, которая меня очень удивила: кн. Белосельская, проведя неделю в Москве, уехала в деревню и планирует там остаться на два месяца с Зинаидой и своим сыном, а г-жа Козицкая с младшей дочерью собираются к ним присоединиться на две недели, просто не представляю, отчего ее отсутствие в Петербурге должно быть таким длительным; что до предполагаемой свадьбы, о ней больше не слышно, и вовсе не знаю, согласна ли на нее Зинаида, но ее пребывание в деревне, столь долгое, убеждает меня, что она не согласна, вероятно, я даже встречусь с ней по ее возвращении в Москву» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. Хр. 2. Л. 3).

prie Dieu qu'il la rende heureuse et décide son sors si c'est son bonheur de l'épouser. Il me parais que je n'ai manqué ni à mon devoir ni à l'amitié que j'ai pour la P:B:G: et il me parais que cela sera décidée quand il reviendra de leur terre, tâchez donc de savoir d'elle, si elle se fâshe on non, je serai réellement fâché puisque le je l'aime beaucoup et désire que cela arrange puisque il y a eu tem<p>s dit on sur le com<p>te de Z: qu'une fais il faut que ça finisse je la crois bonne enfant et elle est excellente c'est une ange, elle mérite bien d'être heureuse»²⁴.

* * *

Итак, в конце сентября или самом начале октября Анна Григорьевна увозит падчерицу в хозяйственную поездку в деревню более чем на два месяца, надеясь склонить ее к предполагаемому союзу. Длительное время путешественники проводят у Мадлены, в принадлежащем Власовым селе Ивάνьково, Богородицкое тож Епифанского уезда, затем отправляются в венежское имение Белосельских Урусово.

Об этом нам известно из альбома Зинаиды, куда Антуан Спада²⁵ (chancellor et serviteur княжны Белосельской – ее канцлер и покорный

---

²⁴ «...теперь мне предстоит мириться с кн. Варварой В<асильевной> Голицыной, которую очень люблю и которая на меня сердится Бог весть отчего, мне кажется, она думает, что я против этого брака – *абиняками на меня досадует*, но ручаюсь, что я ни за ни против, вы знаете, как трудно советовать, я Зинаиде желаю только счастья, храни ее Господь, о князе и о З. я сказала в присутствии бабушки Татищевой, что Зинаида больше не дитя. Что она должна решить, она давно его знает, что такие недостатки свойственны лишь молодости, в зрелом возрасте их не бывает, я в том уверена, если он смог два года быть постоянным в своей любви к ней, это добрый знак. Молю Бога, чтобы он сделал ее счастливой и решил его судьбу, если ему повезет на ней жениться. Кажется, я не пренебрегла ни своим долгом, ни дружбой к кн. В<арваре> Г<олицыной>, думаю, что всё разрешится, когда он вернется из их имения, попытайтесь же узнать от нее, сердится ли она, меня это в самом деле огорчит, потому что очень ее люблю и желаю, чтобы все устроилось, уже давно толкуют о Зинаиде, и пора все это закончить, я думаю, она славная девочка, и так хороша, настоящий ангел, она действительно заслуживает счастья» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 101. Ед. хр. 32. Л. 23).

²⁵ Спада Антуан (Анатолий-Франциск) (1779–1843), учитель, секретарь и библиотекарь Белосельских, автор ряда книг, в том числе сборника в четырех частях «*Éphémérides russes politique, littéraires, historiques et nécrologique. Présentant dans l'ordre des jours de l'année, un tableau des évènements remarquables, qui dates de chacun de ces jours dans l'histoire de la Russie, jusqu'en 1816*». St.-Petersbourg, 1816. См. о нем: [Архив декабриста С.Г. Волконского, 1918: 439–440], [Азадовский, 1939: 214].

слуга²⁶, адресат куплетов²⁷ и их автор, неизменный участник литературных заседаний «Строгановской академии») 20 ноября вписывает стихи «Mes adieux á la terre de Bogorodsk» (Прощание с Богородицким)²⁸, чье название он воспроизводит на другой странице как Bogorodsko²⁹, а также из аллегорической картины-дневника, находящейся в урусовском имени³⁰. С конца XVIII в. Белосельские, бывая в Урусове, Михайловском тож, отмечали на ней свои приезды. Записи поначалу делали масляной краской в медальонах, располагающихся в руках у амурчиков, а после просто на свободном месте. Анна Григорьевна, отыскав такое местечко, перечислила весь состав честной компании: «1810-го года ноября <20?>-го числа / были мы в селе Михайловском / я несчастная вдова / с самыми милыми ея Ангела! / Зенеида, Эспер и Спада, / Матушка приехала с / Кити и Лиз<нрзб> поехала / 22-го <я же> поехала 26 ноября».

Где-то здесь, на просторах Епифанского и Веневского уездов, а может быть, в Ива́нкове, Зинаиде, надо полагать, и пришел в голову предлог для отказа: близкое родство между Голицыными и Белосельскими. <12?> октября она сама, Мадлена и Спада придумывали стихи на модные мотивы, записывали их в альбом³¹ и всё никак не могли остановиться, изобретая новые варианты. «Impromptu à Zénéide» (Экспромт Зинаиде) вписала Мадлена, это были куплеты к «милрой сестрице». Исполнитель куплетов, чье единственное «сумасбродство» (folie) – «нравиться» адресату, заканчивал их пожеланием грядущего замужества³². Конечно, Мадлена приходилась Зинаиде сестрой, да и маменька наверняка провела со старшей падчерицей беседу, желая обрести в ней союзника; но ведь и Сергей Голицын с Зинаидой были кузенами, и в этом смысле она для него была тоже *милрой сестрица*. Нетрудно вообразить веселье сочинителей, представлявших в лицах, как бы звучали эти куплеты в исполнении «князя Сержа».

²⁶ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 109.

²⁷ Куплеты З.А. Белосельской «К Спада» см.: [Азадовский, 1939: 209–210].

²⁸ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 116–117. В этом альбоме Спада принадлежат также «Couplets à Mr le Gl Cte Kamensky, Commandant en Chef l'armée Transdanubienne» (л. 115–116), датированные 20 октября.

²⁹ Там же. Л. III об.

³⁰ Ныне она хранится в запасниках Тульского музея изобразительных искусств. Искренне благодарна Л. Г. Черезовой за предоставленные сведения и возможность ознакомиться с этим источником.

³¹ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. III.

³² Там же. Л. III об.

Напомним, что степень родства не только не бывала препятствием для Салтыковых, Белосельских, Строгановых, Голицыных, но они охотно устраивали родственные браки. Как известно, главный авторитет семейства Наталья Петровна Голицына считала, что нет фамилии лучше. Поэтому требовалось создать хотя бы отдаленное впечатление у многочисленных родственников, а главное, у матери жениха, что это препятствие возникло. Не маменька уговорила Зинаиду, а падчерица уломала мачеху, и та решила ехать с ней в Москву, к Марии Дмитриевне.

28 ноября, Е.В. Апраксина – Н.П. Голицыной: «En fait de nouvelles je vous disais que Zénéide est revenue avec Mme Kazitsky de la campagne il y a trois jours, et la Psse Beloselsky revient dans quelques jours, elle a été retardé dans son retour par la maladie de sa toute petite qui dit on a été très mal, mais qui va mieux maintenant. Ma tante m'a dit que Zénéide vient de se résoudre à refuser absolument la proposition de mariage de Pce Serge, elle m'a dit qu'étant à la campagne sa bellemère dans une conversation qu'elle a eu avec elle croyant voir la jeune personne doit attaché au jeune homme avait donné son consentement à ce mariage, Zénéide ne dit rien mais était fort triste et quelque jours après elle lui dit qu'ayant fit ses réflexions, elle se décidait à refuser absolument, voila ce que ma tante m'a dit, et elle me parait fort contente de cela, car ce jeune homme ne lui plaisait point du tout. Le Pce Goltzin sera je crois très fâché de cela, et croira que ma tante y est pour quelque chose dans ce refus elle qui ne faisait pas mêler de tout, je vous confie ce que ma tante m'a dit chere et bien bonne maman, mais je crois que c'est encore un secret. – Je crois que la Psse ne restera que très peu de temps ici, et qu'elle partira tout de suite pour Petersburg»³³.

³³ «Что касается новостей, я вам писала, что Зинаида три дня назад вернулась с г-жой Козицкой из деревни (таким образом, она приехала в Москву около 25 ноября, как было отмечено выше. – *Н.С.*), а кн. Белосельская едет через несколько дней, ее задержала болезнь меньшей дочери, которая, сказывают, была очень нездорова, но теперь ей лучше. Тетушка (Строганова. – *Н.С.*) говорит, что Зинаида только что приняла окончательное решение отказать кн. Сергею, по ее словам, в деревне, в беседе с падчерицей мачеха, которой привиделось, будто та имеет привязанность к молодому человеку, дала согласие на этот брак, Зинаида ничего не ответила, но была очень опечалена и несколько дней спустя сказала, что, поразмыслив, решила на окончательный отказ, вот что мне поведала тетюшка, и она, как мне показалось, очень этим довольна, ведь молодой человек ей совершенно не нравился. Кн. Голицын, думаю, будет весьма рассержен и решит, что моя тетюшка, которая совершенно ни во что не вмешивалась, определенным образом повлияла на этот отказ, передаю вам, что сказала мне тетюшка, милая и дорогая маменька, но я полагаю, что это еще тайна. Думаю, княгиня пробудет здесь очень

1 декабря, Е.В. Апраксина – Н.П. Голицыной: «La Psse Beloselsky est revenue de la campagne. Zénéide ne veut absolument pas de ce mariage, et ce qu'il y a de singulier à ce qu'elle m'a dit c'est que la grandmère est très fâché de ce que cela a manqué. Zénéide demeure chez elle et maintenant il vient voir tous les jours sa bellemère et ses tantes, la Psse m'a dit que la grandmaman a envie que Zénéide reste une couple de mois chez elle, mais je crois que ni elle ni la Princesse ne le voudront point, elles comptent partir dans une quinzaine de jours à ce qu'elle m'a dit»³⁴.

Следующие в нашей хронологии три письма опубликованы в русском переводе Татьяной Петерс [Петерс, 2002: 248. 250, 251]³⁵ (она, впрочем, полагала, что бабушка, о которой идет речь, – это Екатерина Ивановна Козицкая, мать Анны Григорьевны), поэтому мы остановимся на них кратко.

1 декабря Анна Григорьевна наконец отослала Наталье Петровне письмо (с приложением версии для Варвары Васильевны). Она писала, что у Зинаиды предчувствие несчастья и ее сердце разбивается при одной мысли об этом союзе. Надо признать, замечала она, что все известное о молодом человеке не свидетельствует в его пользу. В письме же к В.В.Голицыной говорилось, что Зинаида ничего не имеет против достоинств кн. Сергея, но крайне близкие родственные связи страшат бабушку и, подчиняясь ее воле, падчерица с величайшим сожалением подтверждает отказ. К сему прилагалось письмо племянницы для «миллой тетушки», на случай, если придется демонстрировать этот ответ, продиктованный покорностью и серьезными размышлениями. В письме говорилось, что, лишенная родителей, Зинаида чувствует свой долг перед бабушкой более священным, нежели когда-либо. Она также не преминула напомнить, что Варвара Васильевна и сама была предубеждена против браков между близкими родственниками и неоднократно выражала свое к тому отвращение ближним устно и письменно, вероятно, имея в виду извест-

---

недолго и тотчас отправится в Петербург» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 3. Л. 18 об.–19).

³⁴ «Кн. Белосельская вернулась из деревни. Зинаида совершенно не хочет этого брака, и вот что странно, она мне сказала, что бабушка очень рассержена этим отказом. Зинаида живет у нее, и теперь всякий день приходится видеть ее мачеху и тетушек, княгиня мне сказала, что бабушка хотела бы, чтобы Зинаида осталась у нее на пару месяцев, но думаю, что ни она, ни княгиня нисколько этого не желают, они рассчитывают уехать недели через две, как она мне сказала» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 3. Л. 21 об.).

³⁵ Французский текст см.: НИОР РГБ. Ф. 64. К. 92. Ед. хр. 38. Л. 5–8 об.

ное родство с Потемкиным (конечно, в данном случае именно о браке речь не шла).

5 декабря, Е.В. Апраксина – Н.П. Голицыной: «J'ai hier à la menée la Psse Beloselsky ainsi que Mme Kazitzki, Zénéide et mes tantes, qui ont été curieuse de voir toute notre et qui en ont paru très contente. La Psse m'a dit vous avoir écrit chez Maman. Connaissant le mariage de Zénéide dont elle ne veut plus, je suis sûre que la Psse Galitzin croira que ma tante est pour quelque chose dans la décision de Zénéide mais je vous avoue qu'elle ne sur un point mêlé, quoique je vous avoue qu'elle ne le désirait point de tous. Ce jeune homme jouit d'une bien mauvais reputation, à ce qu'elle m'a dit. Enfin ce qu'il y a de fâcheux seulement c'est que Zénéide aie tant fait parlé d'elle non pas d'un mauvais côté, mais de côté de tant de mariages rompus. Il faut cependant qu'à la fin elle trouvera quelqu'un qui finira ses choix et qui la rendra heureuse ce que je désire de tout mon cœur, car quoiqu'elle aie une tête un peu léger c'est une charmante personne bien agréable, dame bien de l'esprit»³⁶.

5 декабря, Н.М. Строганова – Н.П. Голицыной: «...Zénéide me dit qu'elle est décidée de refuser le P:S: moi qui croix l'affaire fais, je lui demande pourquoi elle me dis qu'elle a bien reflechi et que la grandmère ne lui a pas refusée. Mais qu'elle pense que c'est une proche parente, enfin je crois aussi qu'on lui a écris de Petersbourg de sa conduit légere et de son étourderie. Elle m'a dit tout plein de chose contre lesquelles on ne peut lui en vouloir mais on vois que c'est la volonté de Dieu et que la Providence décide les mariages moi je vous avoue que je suis fâche qu'elle lui arrive toujours des histoires bien désagréables. Dieu sais la qu'on en dira surtout la famille je vous jure que cela me fais de la peine, j'aime Zénéide comme mon enfant, je désire qu'elle soit heureuse. *Видна не была воли божей так <нрзб> жалка ана скока бедняжке ей печали было а теперь ана пакоина видна что бог волю ее*

³⁶ «Вчера я неотрывно следовала за кн. Белосельской, а также за г-жой Козицкой, Зинаидой и моими тетушками, которые с удивлением смотрели на все семейство в сборе и, казалось, были весьма этим довольны. Княгиня сказала мне, что вы писали к матери. Зная о замужестве Зинаиды, которого она более не хочет, я уверена, что кн. Голицына подумает, что моя тетушка каким-то образом повлияла на это решение, но, ручаюсь, она тут решительно ни при чем и, уверяю, совсем этого не желала. Молодой человек пользуется очень дурной репутацией, как она мне сказала. Одно только досадно, что Зинаида заставила так много говорить о себе, не то чтобы о чем-то дурном, но о стольких расстроенных браках. Разумеется, нужно, чтобы она наконец нашла кого-то, на ком остановит свой выбор и кто сделает ее счастливой, чего я желаю всем сердцем, ибо она очаровательная, очень любезная особа, наделенная острым умом, хотя и несколько легкомысленная» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 3. Л. 22 об.).

*chustвам жертвует dite moi chere amie ce que vous pensez, la blamez donc on non je vous prie ayez toujours des bontes pour elle»*³⁷.

* * *

Попробуем идентифицировать еще одну ситуацию, соотносимую с упомянутыми «расстроеными браками» и «неприятными историями». Вероятным претендентом на руку Зинаиды был Петр Иванович Салтыков (1784–1812), сын генерал-фельдмаршала Ивана Петровича Салтыкова и его супруги Дарьи Петровны, урожденной Чернышевой. К 1806 г. родителей уже не было в живых, но судьбой племянника вполне могла озаботиться тетушка Наталья Петровна, сестра Дарьи Петровны. Может быть, с этим наметившимся сватовством был связан приезд Зинаиды Белосельской в Москву осенью 1806 г. (18 сентября поэтическое пожелание ей в альбом в связи с «новой дружбой» записала Мария Щепотьева, отметив: «в Москве»³⁸). 10 апреля 1807 г. Апраксина надеялась узнать у маменьки насчет брака «с гр. Салтыковым» – решено или нет и получен ли ответ отца³⁹, поскольку Александр Михайлович в этот момент находился за границей⁴⁰. 9 мая положение определилось, и Екатерина Владимировна искренне радовалась: «Je suis très charmée pour la Psse Beloselsky que le mari est donné son consentement pour le mariage de Zénéide avec Soltikoff du moins cela sera finis, et la maison sera tranquille, et peut être sera

³⁷ «...Зинаида сказала мне, что решила отказать кн. С. – мне, которая полагала дело слаженным, я спросила ее почему, она мне ответила, что много думала и что бабушка ей не отказала. Но что та полагает, что это слишком близкое родство, наконец, я думаю, ей написали из Петербурга о его легкомысленном поведении и необдуманных поступках. Она мне привела массу таких доводов, после которых невозможно желать союза с ним, видно, такова воля Божья и браки совершаются на небесах, а мне, признаться, досадно, что ей ниспосылаются крайне неприятные истории. Бог весть, что об этом говорят, и в особенности семейство, клянусь вам, это меня огорчает, я люблю Зинаиду как собственное дитя и желаю, чтобы она была счастлива. Видна не было воли Божьей так <нрзб> жалка ана <нрзб> бедняжка, ей печали были а теперь ана напоина видна что Бог вволю ее чувствам жертвует. Скажите мне, милый друг, что вы думаете, в любом случае, осуждаете ее или нет, прошу вас, имейте к ней сострадание» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 101. Ед. хр. 32. Л. 31–31 об.).

³⁸ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 8. (фр.).

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 64. К. 87. Ед. хр. 10. Л. 14 об.

⁴⁰ Начало этой поездки, 24 мая 1806 г., обозначено в альбоме Зинаиды (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. 44. Л. 1).

t'elle heureuse je le lui désire bien sincèrement»⁴¹. 29 июля Наташа⁴² рассказывала Зинаиде в письме к ней, что папенька приехал и, кажется, рад намечающемуся союзу, то же подтверждала и Мария Дмитриевна: «теперь <...> дело ваше пойдет к канцу»⁴³. Несмотря на видимое отсутствие препятствий, союз с Салтыковым не состоялся, и Александру Михайловичу по приезду, очевидно, пришлось обсудить с кузиной Натальей Петровной расторжение помолвки, если она была объявлена, – и тогда отражение именно этой ситуации мы видим в альбоме Зинаиды, куда предположительно весной 1807 года⁴⁴ вписан «Совет неудачливому отвергнутому возлюбленному»⁴⁵:

Мой друг, к чему скорбеть и рват<ь>ся
Коль без надежды ты влюблен
К чему за той мечтой гонят<ь>ся
Которой стал ты ослеплен.
Сидя с поникшею главою
Ты в утре красном полночь зришь
Ты в грусти горькой – и собою
В веселых всех печаль вселишь
Не лутче ли тебе убрат<ь>ся
В уединеньи слезы лить
В беседу красавиц не являт<ь>ся
И ее печалью не томить
Ты без надежды то известно –
Ну что же надобно тебе?
Иль хочешь в сердце у прелестной
Воздвигнуть памятник себе? –
Ах не надейся ты слезами
К любви прекрасную склонить,

⁴¹ «Я очень рада за кн. Белосельскую, что муж ее дал согласие на брак Зинаиды с Салтыковым, по крайней мере с этим будет покончено и в доме все успокоятся, и, может быть, она будет счастлива, чего я ей от души желаю (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 87. Ед. хр. 10. Л. 32 об.).

⁴² Этим домашним именем звали ее и бабушка, и отец, и сестра Зинаида (см., напр.: РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. 67. Л. 22; Ед. 44. Л. 1).

⁴³ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 48 об., 49.

⁴⁴ Если ориентироваться на ближайшие даты под текстами и предположить, что элементы гербария, датированные вразнобой, вклеиваются на свободные места.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 74–75.

Хоть пришли бы Боги сами
 И голосом начали выть
 То и они бы получили
 Отказ коротенький в ответ
 И тотчас бы поворотили
 На свой незнаемый нам свет
 А ты не хочешь отвязат<ь>ся! –
 Сиди ж пожалуй веселей
 Ну полно горестным казат<ь>ся
 Иль ты наскучишь всем –
 Ей-ей –

Несмотря на изобилие поэтов, бывавших у Белосельских и Строгановых (И.И. Дмитриев, В.Л. Пушкин, И.М. Долгоруков, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, А.М. Пушкин, С.А. Неелов и др.)⁴⁶, нельзя с уверенностью назвать сочинителя.

* * *

Вернемся к хронике декабря 1810 г.

15 декабря, Е.В. Апраксина – Н.П. Голицыной: «Connaissant ce que vous me mandez chere maman de la résolution qu'a pris Zénéide de refuser le mariage qui lui proposait, je dois dire que cela ne vient que d'elle absolument, car sa grandmère Taticheff non seulement n'était point contré mais encore est très fâché de ce refus. Disant comme vous ma bonne maman que tous ces mariages rompues ne peuvent que lui faire beaucoup de tort et le prétexte de refus n'a été donné que pour motiver de quelque manière honnête son changement, car il y a eu un conseil de famille pour savoir comment refuser. – Je vous avoue que dans toute cette histoire Zénéide est la seule coupable, car sa belle-mère d'après le dire de ma tante étant ici ne parvenait point le deviner, mais ne lui à rien dit, pour la décider à refuser, et puis étant à la campagne elle lui a donné en plein son agrément, voyant ou croyant voir qu'elle avait beaucoup d'attachement pour le jeune homme, et c'est quelque jours après qu'elle lui dit qu'elle se décidait à refuser, ne croyant point été heureuse avec lui, ma tante m'a dit qu'elle avait reçu la lettre de Petersbourg ou on lui parlais de la mauvais conduit du jeune homme et que c'est cela qui l'a degouté, mais en général, cette jeune personne est d'une inconséquence bien fâcheuse pour elle, et sa

⁴⁶ Об этом свидетельствуют альбомы Строгановых, например, «Archives d'Apollon», см.: [Милютин, 1914: 13].

bellemère ainsi que ma tante se sont réellement desolé, car elles craignent bien qu'elle ne trouve pas de partir, elle qui a déjà tant parlé d'elle. J'ai montré l'article de votre lettre sur ce sujet à ma tante comme vous me l'avait ordonné chere maman, et ma tante m'a dit que dans la lettre que vous lui écrivait l'on pouvois voir que vous êtes fâché. La Psse Beloselsky part après demain pour Petersbourg, à ce qu'elle m'a dit»⁴⁷.

* * *

Мы не знаем, получала ли Зинаида какие-то компрометирующие известия из Петербурга или Строганова присочинила этот факт, чтобы оправдать племянницу перед старшей родственницей, но, возможно, что-то все же произошло, ибо, внося последние штрихи в эту переписку, несостоявшийся жених упоминал об «оправдании своем», написав 21 декабря из Киева следующее:

«Милостивая государыня тетушка! Княгиня Наталия Петровна

Примите еще раз мою искреннюю благодарность за принятое вами участие в моем положении; и хотя последствие сделалось против моего чаяния, но не менее я остался навсегда вам благодарным, тем более что

---

⁴⁷ «Зная всё, что вы, милая маменька, сообщили мне о решении Зинаиды отказать от брака, который ей предлагали, я должна сказать, что решение, безусловно, принято ею самой, потому что бабушка Татищева не только совершенно не была против, но еще и очень рассержена этим отказом. Говоря вашими словами, дорогая маменька, все эти расстроенные браки ведут лишь к большим страданиям, и предлог для отказа был выдуман, только чтобы дать сколько-нибудь порядочное объяснение этой перемене, ведь чтобы придумать, как отказать, пришлось собрать семейный совет. – Уверяю вас, что во всей этой истории виновата одна Зинаида, потому что ее мачеха, по ее собственным словам здесь моей тетушке, не могла этого предвидеть, но она ничего такого ей не говорила, чтобы подвигнуть к отказу, и потом, будучи в деревне, она выразила свое полное одобрение, видя или полагая, что видит, ее большую привязанность к молодому человеку, и это Зинаида несколькими днями позже ей заявила, что решила отказаться, потому что совершенно не будет с ним счастлива, моя тетушка рассказывала, что та получила письмо, в котором говорилось о дурном его поведении, и это ее отвратило, но вообще юная особа обладает непоследовательностью, крайне против нее восстанавливающей, и ее мачеха, так же как и моя тетушка, в самом настоящем отчаянии, потому что опасаются, что Зинаида, о которой уже идет столько толков, не найдет претендента на руку. Я показала тетушке извлечение на сей счет из вашего письма, как вы мне и велели, милая маменька, а она мне сказала, что по письму, которое вы ей написали, видно, что вы сердитесь. Княгиня Белосельская отправляется послезавтра в Петербург, как она мне и говорила» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 3. Л. 28).

вам же обязан, милостивая государыня тетушка, оправданием своим перед обществом. Я признаюсь чистосердечно, что весьма желал сего союза, но видимо Богу всемогущему не угодно было дозволить сего, и я без роптания повинуюсь святой его воли. Приймите милостивая государыня тетушка, уверение того истинного почтения и той непоколебимой преданности, с коими аз вам преисполнен милостивая государыня тетушка!

Ваш покорнейший слуга и племянник князь Сергей Голицын»⁴⁸.

* * *

И все же – была ли «привязанность»? Обратимся к творчеству обеих сторон. У Сергея Голицына, печатавшего свои музыкальные произведения в том числе как P.S.G., есть романс «Le Regard» («Взгляд») ⁴⁹ на стихи Л.Н.Ф.О. де Форбена ⁵⁰.

1. Jeune encore je rêvais d'avance / Au doux regard. / Mon cœur était sans méfiance / Contre un regard. / Je soupirais, j'obtint d'Isaure / Un seul regard / Et je voudrais en être encore / À ce regard. (Еще в юности я мечтал / О нежном взгляде. / Мое сердце было открытым / Такому взгляду. / Я вздыхал, я добивался Изоры / Единственного взгляда. / И я хотел бы вечно ловить / Этот взгляд.)

2. De la beauté le plus doux charme / C'est le regard; / Il nous enchante, il nous désarme / Son doux regard. / Je crus la nature embellie / Par ce regard, / Et je devrais dater ma vie / De ce regard. (Нежнейшее очарование красоты – / Это взгляд. / Он нас обольщает, нас обезоруживает, / Ее нежный взгляд. / Я верил, что природа расцветает / Под этим взглядом, / И моя жизнь началась заново / С этого взгляда.)

3. Le Guerrier brave les alarmes / Pour un regard. / La beauté voit sécher ses larmes / Par un regard. / Le cœur retrouve l'espérance / Dans un regard, / L'amour se venge du silence / Par un regard. (Воин презирает опасность / Ради одного взгляда. / Красота осушает слезы / Одним взглядом. / Сердце

⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 64. К. 96. Ед. хр. 23. Л. 1. В каталоге обозначено как письмо Сергея [Николаевича] Голицына.

⁴⁹ Отдел нотных изданий и звукозаписей РНБ. Автор текста не обозначен.

⁵⁰ Louis Nicolas Philippe Auguste, comte de Forbin (1777–1841), художник, литератор, генеральный директор музеев Франции. Романс вошел в посмертное издание его сочинений: <https://archive.org/details/charlesbarimore00for> (p.266–267). Искренне благодарю Н.Г. Охотина за эти сведения. Основные расхождения в тексте касаются второго куплета, который в этом сборнике выглядит так: «Isaure n'a de la tendresse / Que le regard; / Encore est-il distrait sans cesse / Ce doux regard; / Et mon âme qu'elle a flétrie / D'un seul regard / Fait sa souvenance chéri / De ce regard».

вновь обретает надежду / В одном взгляде, / Любовь, обреченная на молчание, / Говорит взглядом.)

Этот романс в «Сводном каталоге российских нотных изданий» датирован предположительно [1813–1814] – по годам существования издательства «Бриф & Вондерфур» [Сводный каталог, 2005: 77], в 1816 г. переиздан тем же издательством в составе сборника «Trois romances», «composées et dédiées à mlle Elisabeth de Ratkoff par Passy». Но, скорее всего, он написан и исполнялся много раньше, чем был опубликован.

У Зинаиды Волконской есть стихотворение «Le demi-mot» («Полуслово»)⁵¹.

L'amour invente le langage / du demi-mot; / L'amitié souvent fait usage / du demi-mot; / Le cœur donne de l'éloquence / au demi-mot; / Il devine une confidence / á demi-mot; / On s'épargne un aveu pénible / á demi-mot; / L'objet aimé seul est sensible / au demi-mot; / L'amant fait son bonheur suprême / d'un demi-mot; / Femme timide ne dit: j'aime, / Qu' á demi-mot.

(Любовь изобретает язык / полуслова / У дружбы часто в обычае / полуслово; / Сердце дарит красноречие – / полуслово; / Оно разгадывает тайну / с полуслова; / Избавит от мучительного признания / Полуслово; / Только объект любви чувствителен / К полуслову; / Любящий почитает за высшее счастье / Полуслово; / Робкая женщина скажет «люблю» / Лишь полусловом.)

Датировка его неизвестна, но ритмический строй и тематика очевидно сходны со стихами, положенными на музыку Сергеем Голицыным, – настолько, что это словно две части одного произведения. Возможно, мы имеем дело с неким творческим взаимодействием или же с единством, продиктованным жанром романса (кстати, в альбоме Зинаиды Волконской, куда она вписывала сочинения разных лет, эти стихи так и названы – «Романс»⁵²).

Однако есть еще одно произведение, которое здесь непременно следует упомянуть. Его сочинила на одном из заседаний «Строгановской академии» Наталья Белосельская, а затем его вписали в альбом «Archives d'Apollon» (р. 155–168). Это сказка «Isaure, ou l'amour vaincu par la raison» («Изора, или Любовь, побежденная разумом») [Милютин, 1914: 13]⁵³.

⁵¹ [Гаррис, 1916: 114] (с пропуском: «Le cœur donne de l'éloquence / au demi-mot»). См. также: [Гречаная 2010: 368].

⁵² Под этим названием опубликовано: [Гречаная, 2010: 368]; воспроизведено с опечаткой по отношению к оригиналу: «Je devine une confidence...» вместо «Il devine une confidence...» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3).

⁵³ Альбом «Archives d'Apollon» ныне хранится в Научной библиотеке ТГУ.

Возможно, имя, фигурирующее в романсе Голицына, выбрано было совсем не случайно и сочинительница слышала «Le Regard». Сказка предположительно написана в первой половине мая 1811 г., когда Наташа приезжала в Петербург⁵⁴.

* * *

К сюжету о Сергее Сергеевиче хотелось бы добавить еще несколько штрихов. По поводу свадьбы Зинаиды Белосельской и Никиты Волконского Апраксина, на ней не присутствовавшая, писала маменьке 23 марта 1811 г., хорошенько все разузнав: «Mes tantes sont enchantées du mariage de Zénéide et du nouveau mari, qu'elles trouvent charmant, en parlant du jour de la noce, elles m'ont dit que Theodore n'y a point été, je lui ai dis qu'il y avait une raison pour cela puisque c'était la fête de sa femme, et que le jour du mariage ayant été changés, ils avaient invites moitié du monde pour ce jour-la, mais que tous les autres frères y étaient, et en parlant de cela je dirai à ma tante qu'il était assez simple de croire que malgré qu'ils aient fait ce qu'ils devaient, ils ne pouvaient pas aimer beaucoup Zénéide après ce qui était arrivé, *Наталья Михайловна* me dit qu'elle ne concevoit pas cela, puisqu'ils connaissaient leur frère, et que le Pce Gregoire qui était ici dans ce moment lui avait dit que quoique Serge est son frère, il devait avoué, qu'il trouvait que Zénéide avait bien fait de le refuser, et qu'elle est bien sûrement beaucoup plus heureuse maintenant qu'elle ne l'aurait été⁵⁵, je vous avoue que je été choqué qu'il aie put l'exprimer ainsi sur le compte de son frère, d'après cela je crois bien à son caractère faux, comme on me le disait»⁵⁶.

Искренне благодарна Г.И.Колосовой, заведующей отделом рукописей и книжных памятников НБ ТГУ, за возможность ознакомиться с текстом сказки.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. 53. Л. 5 об.

⁵⁵ О том же писала Н.П. Голицыной Н.М. Строганова 13 марта 1811 г. (см.: НИОР РГБ. Ф. 64. К. 101. Ед. хр. 33. Л. 11).

⁵⁶ «Тетушки в восторге от свадьбы Зинаиды и от новобрачного, которого они находят очаровательным; говоря о дне свадьбы, они сказали, что Федора на ней не было, я им возразила, что у него был для этого повод, именины супруги (А.А. Голицыной, урожд. Прозоровской. – *Н. С.*), и что, изменив дату свадьбы, на нее пригласили вновь лишь половину гостей, но другие братья там были; на это я сказала тетушке (Строгановой. – *Н. С.*), что несмотря на исполненный ими долг, довольно легко увериться, что они не могут испытывать к Зинаиде большой любви после того, что произошло; *Наталья Михайловна* ответила, что она так не думает, потому что они знают своего брата, и что князь Григорий, которому как раз случилось быть рядом, ей сказал, что хоть Сергей и брат ему, он должен признать, что Зинаида правильно сделала, отказав, и что она, конечно, гораздо более счастлива теперь, чем могла бы; уверяю вас, я была неприятно поражена, что он мог

Екатерина Владимировна и оценила по достоинству письмо к «милой тетушке», отметив, что ее кузина наделена «острым умом», но сердилась и на нее, и на Анну Григорьевну. 21 апреля 1811 г. она писала: «Quand à la manière d'être de la Princesse Beloselsky et de Zénéide, je la trouve encore plus ridicule, car elles vous doivent trop pour pouvoir se conduire comme elle le font, voila ce qui prouve la mauvaise éducation, et ce qui montre que la Psse n'avait un peu de consistance que par son mari extraordinaire qu'il <нрзб> souvent la soutenait et elle redevenue ce qu'elle était avant, j'en suis fâché pour elle car elle me paraissait bonne personne»⁵⁷. Несколько позже Апраксина с удовлетворением констатировала, что Анна Григорьевна образумилась, искала примирения с Натальей Петровной – и та, судя по всему, сменила гнев на милость⁵⁸.

Князь Сергей к 1815 г. опять надумал жениться, вновь попал в историю⁵⁹ и в третий раз оказался в отставке [Петерс, 2007: 266]. Наконец в 1817 г. за него выдали Наталью Степановну Апраксину, внучку Натальи Петровны. В чем-то этот семейный союз был удачным, музыкальные интересы супругов совпадали [Долгушина, 2014, 64], но, по воспоминаниям современников, жена держала мужа в строгости и была крайне экономной, унаследовав эту черту от бабушки [Глассе, 2007: 637, 649].

* * *

Вернемся к концу ноября 1810 г. Анна Григорьевна задержалась в Урусове, остальные отправились в Москву. Мадлена по приезде водворилась в своем московском доме⁶⁰, а Зинаида была отправлена к Марии

такое сказать про своего брата, после этого я охотно верю в его неискренность, как мне о том говорили» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 4. Л. 12 об.–13).

⁵⁷ «Что до манеры поведения кн. Белосельской и Зинаиды, я нахожу ее еще более нелепой (нежели обычно. – Н. С.), поскольку обе слишком вам обязаны, чтобы иметь возможность вести себя так, как они это делают, вот что свидетельствует о дурном воспитании и показывает, что даже малая толика ума княгини принадлежала ее необыкновенному мужу, который часто защищал супругу, а теперь она вновь становится тем, чем была прежде, от этого за нее досадно, ведь она казалась мне достойной особой» (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 4. Л. 30).

⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 64. К. 88. Ед. хр. 5. Л. 38 об. Письмо от 26 июля 1811 г.

⁵⁹ О разрыве очередного брака писала Е. В. Апраксина 11 ноября 1815 г. (НИОР РГБ. Ф. 64. К. 89. Ед. хр. 3. Л. 7); упоминание о некоем скандале сохранилось и в переписке М. А. Волковой, см.: [Грибоедовская Москва в письмах..., 2013: 288].

⁶⁰ Летом 1810 года Власовы приобрели дом, который находился «за земляным городом в Басманной части, первого квартала в Новобасманной улице в приходе

Дмитриевне. «Mon cœur ne m'a pas trompé, ma bonne et chère amie, j'avais le pressentiment que vous êtes arrivée hier. – Je viendrai vous chercher après la Messe, pour vous voir plutôt ainsi que maman. – Grand maman n'ira pas à la messe, elle est enchaînée. – Vous pouvez juger par mon écriture de l'agitation dans laquelle je suis»⁶¹, – эту недатированную записочку Наташа прислала Зинаиде в один из ее приездов в Москву, и, даже если написана она была раньше, вложенные в нее чувства оставались неизменными.

Для нее наступили счастливые дни. Они с Зинаидой ночевали вместе⁶², сестра привезла альбомы: в одном, с рисунками, она сделала портрет Марии Дмитриевны. В другом, где были куплеты про сестрицу, Наташа при расставании, 14 декабря, написала: «Après le départ de ce qu'on aime, l'âme semble avoir perdu toutes ses facultés, on regarde sans voir, on écoute sans entendre, on n'est pas même en état de sentir sa douleur. Il semble que l'on ait cessé d'exister. – Mais, lorsqu'on vous retire de cette léthargie, les regrets et tous les tourments de l'absence semblent à la fois affaiblir votre cœur, et vous revenez de cet oubli de vous même pour souffrir doublement»⁶³ (запись эта пришлась на оборот листа, где Василий Львович Пушкин вписал свои стихи «Что есть любовь?»⁶⁴).

церкви Святых апостолов Петра и Павла под номером восемьдесят девятым, а ныне девеносто девятым со всем в нем каменным и деревянным жилым и нежилым строением и со всею мебелью <...> с садом и в нем прудом, аранжереею и теплицею с разными в ней деревьями) (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 2). Все это сгорело в пожаре 1812 г., участок был продан, и в дальнейшем в бумагах Власовых речь идет о переустройстве дома «в Арбатской части, в Хлебном переулке» (Там же. Л. 51).

⁶¹ «Мое сердце не обмануло меня, милый и добрый друг, вчера у меня было предчувствие, что вы приедете. – Я приду за вами после службы, чтобы скорее увидеть вас, а также маменьку. – Бабушка не пойдет в церковь, она прикована к месту. – Вы можете судить по моему почерку о волнении, в котором я нахожусь» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 51).

⁶² РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 3.

⁶³ «После отъезда того, кого любишь, кажется, душа теряет все свои способности; смотришь и не видишь, слушаешь и не слышишь и даже не в состоянии почувствовать свое горе. Кажется, что прекратил существовать. – Но когда вас возвращают из этой летаргии, сожаления и муки отсутствия разом словно бы ослабляют ваше сердце, и вы вновь выходите из этого забытья, чтобы страдать вдвойне» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 101 об.).

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 101. Искренне благодарна С. И. Панову за идентификацию почерка В. Л. Пушкина.

* * *

Проясним некоторые моменты ее биографии. Наташа родилась 28 марта 1791 г.⁶⁵ в Москве, в доме Марии Дмитриевны и Якова Афанасьевича Татищевых, ее бабушки и дедушки со стороны матери (из Дрездена Белосельские вернулись осенью 1790 г.⁶⁶). Варвара Яковлевна Белосельская сообщала мужу в Петербург о новорожденной, что «c'est une jolie petite brune» (это маленькая хорошенькая брюнетка)⁶⁷. Назвали ее в честь Натальи Григорьевны Белосельской⁶⁸, «а дочери бы дали имя Любовь<, > если бы знали<, > што тебе хочетца», – писала Мария Дмитриевна Александру Михайловичу⁶⁹. Что касается Мадлены и Зинаиды, появившихся на свет в Дрездене, это было их первое пребывание в Москве.

Предположительно в начале 1792 г. А. М. Белосельский, посланник Его Императорского Величества при Сардинском дворе, выехал в Турин; в Вене пришлось на некоторое время задержаться⁷⁰. В конце апреля прибыли к месту назначения⁷¹. Помимо жены с Александром Михайловичем были дочери Мадлена и Зинаида. Наталью оставили на попечение бабушки и дедушки Татищевых, потому что вновь ждали пополнения семейства (в конечном итоге не случившегося).

В 20-х числах июля 1792 г. Белосельский привез Варвару для поправки здоровья в курортное местечко Бельвю (Belle vue) на Женевском озере. Не имея разрешения отлучаться из Турина⁷², 23 июля он чуть свет выехал обратно. Варвара, конечно, знала о неотвратимости этого отъезда, но у супруга не хватило духу объявить ей о том накануне, и все упреки «жестокосердный друг», вонзивший ей «кинжал в сердце» своей ложью, получил к полудню в письменном виде⁷³. В Турин с ним ехала Зинаида–

⁶⁵ Дата указана М.Д. Татищевой, см.: [Mazon, 1964: 104].

⁶⁶ Стихи на отъезд Белосельского из Дрездена вписывает 24 сентября 1790 г. в его альбом г-н Вансон (см.: [Верещагин, 1916: 68]).

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 6 об.

⁶⁸ Н. Г. Белосельская (1711–1760), мать А.М. Белосельского, вторая супруга кн. Михаила Андреевича Белосельского.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 6 об.

⁷⁰ 28 января / 8 февраля Белосельский писал из Вены И.А. Остерману о своей болезни и о преждевременных родах супруги, вынудивших его задержаться, см.: [Mazon, 1964: 91].

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 11.

⁷² О том, что «просил позволения отлучаться, когда дела позволят», а «ответа никакого нет», Белосельский писал Татищевым 13 июня н.с. 1792 г. (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 27).

⁷³ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 2. Письмо от <23 июля 1792 г.>.

детей на время лечения решено было разделить. Ее сестра осталась с матерью и была определена в пансион⁷⁴. «Le cœur maternel, tout en s'épanouissant sur elle, préférerais Madeleine à cause de ses premières ressemblances avec moi. Et moi, je faisais le contraire par la même raison»⁷⁵ – так впоследствии Белосельский объяснял свой выбор Зинаиде в эмблематических надписях на каждый год ее жизни. Следующие два месяца он безвыездно провел в Турине, занятый бесконечными отчетами [Сардиния, 1877: 376]. Испросить у И. А. Остермана, своего начальника, дозволение на отлучку он не сумел, впрочем, и обстановка не благоприятствовала этому отъезду. Воссоединиться супругам удалось лишь в первых числах октября⁷⁶. А менее чем через два месяца, 25 ноября 1792 г., Варвара Белосельская умерла. Горячие послания Варвары из Бельвю, иногда трудно читаемые («mon bon ami ne me grondez pas de ce que c'est si mal écrit; mais il n'y a pas une seule plume dans cette maison, j'ai écrit avec une plume de corbeau encore et elle toute usée, adieu mon adorable ami; je vous aime, je vous adore et vous embrasse aussi tendrement que faire se puisse à une si grande distance...»⁷⁷), Белосельский сложил в конверт, на котором 13 марта 1793 г. сделал надпись: «Lettres de ma femme pendant les courts espaces de tems que nous avons été séparés dans cette vie. Elle a fait le bonheur de la mienne. Elle me sers actuellement d'ange tutélaire. Elle m'a trop aimé. Mon cœur se brise en écrivant ceci. Que mes enfants, vraiment malheureux de n'avoir pas pû connaître leurs adorable mère, que mes enfants apprennent en lisant ces lettres, combien j'ai été heureux avec elle, combien, j'ose le dire, je méritais de l'être, et combien ma vie, à l'heure qu'il est, est pénible et adverse»⁷⁸. Кон-

⁷⁴ Там же. Л. 5 об.

⁷⁵ «Материнское сердце, лелея ее (Зинаиду. – Н. С.), предпочло Мадлену, из-за ее сходства со мной. А я сделал противоположное – из тех же соображений» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 16).

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 42 об.

⁷⁷ «...милый друг, не ворчите на меня, что неразборчиво, в доме ни единого пера, пришлось писать каким-то вороновым, да и то сильно пользованным, прощайте, дорогой мой, люблю, обожаю, обнимаю так нежно, как это возможно на столь большом расстоянии...» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 25 об.).

⁷⁸ «Письма жены моей за те редкие промежутки времени, когда мы были в разлуке в этой жизни. Она составляла счастье моей жизни. Она в самом деле была моим ангелом-хранителем. Она слишком меня любила. Я пишу эти строки, и сердце мое разрывается. Пусть дети мои, воистину обездоленные, оттого что не могли знать своей милой матери, узнают, читая эти письма, сколь я был с нею счастлив, сколь, осмелюсь это сказать, был ее достоин и сколь жизнь моя в сей час тягостна и ко мне неблагоприятна» (Там же. Л. 1).

верт он запечатал⁷⁹. Эта смерть стала для Александра Михайловича огромным горем, возможно, много большим, нежели последовавшая вскоре отставка.

Мария Дмитриевна и Яков Афанасьевич Татищевы тоже сильно горевали по дочери и от того еще больше привязывались к внучке. «Люблю Зенеиду без памяти и с самого рождения ее, так, как вы Наташу»⁸⁰, – эти слова в письме Белосельского к Татищевым вернее всего отражали чувства каждой из сторон.

Надо полагать, он не решился отобрать у них свою младшую дочку. Так и получилось, что Наталья осталась в Москве и оказалась совершенно не причастной к насыщенной светской жизни особняка Белосельских. И если вспомнить слова Ивана Киреевского, сказанные о ее сестре Зинаиде, в то время давно уже княгине Волконской: «одаренная талантами самыми редкими, воспитанная посреди роскоши самого утонченного просвещения, с самого детства окруженная всем блеском искусств, всею славою художественных созданий, – она казалась сама одним из самых счастливых изящных произведений судьбы» [Киреевский, 1984: 103], – слово «судьба», несомненно, наполнялось смыслом очень конкретным. Судьба не обделила Наталью Белосельскую, но довольно неожиданно предоставила ей совсем иное: патриархальную Москву, семейство Татищевых-Еропкиных (Мария Дмитриевна была сестрой градоначальника, усмирителя чумного бунта Петра Дмитриевича Еропкина), дом «в Яузской части»⁸¹.

⁷⁹ Неизвестно, читал ли кто-то из «детей» эти письма. Елена Эсперовна Белосельская, внучка Александра Михайловича, сделала рядом с этой надписью следующую, на русском языке: «Письма покойного князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского – первой своей супруге. Найдены мною в бюро кн. Анны Григорьевны и не распечатаны» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 1).

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 34.

⁸¹ Согласно «Купчим, указам и другим документам Еропкина Петра Дмитриевича и Татищевой Марии Дмитриевны, урожденной Еропкиной...», у Татищевых был двухэтажный дом «в Яузской части под № 241» (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 146, документ за 1788–1800 гг.). Дом сгорел в пожаре 1812 г.; в завещании, составленном после смерти сына Н.А. Лаптевой Александра, скончавшегося 24 апреля 1815 г. (РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 3), упоминается двухэтажный обгоревший каменный дом «в Яузской части» и незастроенная земля по Казенному и Яковлевскому переулкам (Там же. Л. 1). Сохранилось также прошение М. Д. Татищевой от 12 февраля 1812 г. с планом «порожней земли» «в Хамовнической части в 4-м квартале», «на какой просит вновь построить» (РГАЛИ. Ед. хр. 179. Л. 127 об.), и разрешение на строительство этого дома из Московской управы благочиния (Там же. Л. 124), связанное с предстоящим замужеством внучки.

Нельзя сказать, чтобы отец о ней забыл. Наташа как-то раз упомянула в одном из писем к Зинаиде, что видела в детстве Этну⁸², значит, он брал и ее с собой в Италию. Известно, что у него была привычка сочинять для своих детей. Для Зинаиды он разрабатывал исторический сюжет, героиней которого была византийская княжна Зинаида Багрянородная, для сына – «Первый диалог Эспера, сына князя Белосельского, с мудрецом». Наталья стала персонажем сказки «De la vision beatifique de Natalie» («О божественном видении Натали»; опубл.: [Mazon, 1964: 348–352]), части более крупного произведения, сначала предназначавшейся Мадлене – но первая страница, вероятно, показалась сочинителю несколько фривольной, и он исправил имя на «Натали»⁸³, не без оснований полагая, что та нескоро прочтет ее. Героиня этого произведения, в сильной досаде от того, что муж недвусмысленно ухаживает сразу за двумя дамами, решает пройти через домовую церковь, чтобы не встретиться с ним в галерее, и видит призрака монаха, который просит ее отслужить вместе с ним мессу и тем избавить от чистилища.

До самой кончины А.М. Белосельского в конце декабря 1809 г. в жизни Наташи не происходит ничего из ряда вон выдающегося, расходы на воспитание дочерей от первого брака распределяются равномерно между Москвой и Петербургом⁸⁴. Смерть отца вносит некоторые коррективы в ее существование, становится все более очевидной определенная сложность ее положения: в свете не очень-то помнят, что она тоже дочь Александра Михайловича. Его семья – это мачеха, ее дети и Зинаида (Мадлена с 1805 г. живет своим домом). Мы видим это и на акварели «Семья князя Белосельского-Белозерского» (после его смерти), написанной И. Камберленом (?) [Дары и дарители, 2007: 293]⁸⁵, и на надгробии Белосельского, где все тот же состав участников – Анна Григорьевна, две младшие дочки, Эспер и Зинаида, и в записи Анны Григорьевны на картине-дневнике в Урусове.

Однако было в этой ситуации и нечто положительное: Наташа не так зависела от маменьки (в свой черед она сумела удачно воспользоваться волей бабушки), в отличие от сестры, которая буквально через два месяца после разрыва с Сергеем Голицыным была выдана за Никиту Волконского.

⁸² РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. 53. Л. 16–17 об.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 65 об.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. 213. Л. 4–5.

⁸⁵ Искренне благодарю Н. И. Михайлову за указание на этот источник.

Список литературы

- Азадовский М.* Из материалов «Строгановской академии»: Неопубликованные стихотворения Кс. де Местра и З. Волконской // Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939.
- Архив декабриста С.Г. Волконского. Ч. 1. Пг., 1918.
- Арутюнова Б.* Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и ее корреспонденты. СПб., 2017.
- Благово Д.* Рассказы бабушки. СПб., 1885.
- Верецагин В.А.* Московский Аполлон. Альбом кн. Белосельского-Белозерского. Пг., 1916.
- Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 2000.
- Волконская М.Н.* Дневная записка для собственной памяти // Наше наследие. 2008. № 87. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8706.php>.
- Гаррис М.А.* Зинаида Волконская и ее время. М., 1916.
- Гласе А.* Внук княгини Голицыной. Материалы к «Пиковой даме». Ч. 2 // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы XIV Голицынских чтений. Малые Вяземы, 2007. С. 635–651.
- Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски. М., 2010.
- Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.А. Ланской. М., 2013.
- Дары и дарители. М., 2007.
- Долгушина М.Г.* Камерная вокальная музыка в России первой половины XIX века в ее связях с европейской культурой. СПб., 2014.
- Дурново Н.Д.* Дневник 1812 года / Пер. с франц. Ф.А. Петрова // 1812 год. Военные дневники / Сост. и вступ. ст. А.Г. Тартаковского. М., 1990. С. 99.
- Киреевский И.В.* Избр. статьи. М., 1984.
- [*Милютин А.И.*] Библиотека графов Строгановых в Томском университете // Русский библиофил. № 2, февраль. СПб., 1914.
- Охотин Н.Г.* Волконская З.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.1. М., 1989.
- Петерс Т.П.* Князь Сергей Сергеевич Голицын. Неизвестные архивные документы к биографии // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы XIV Голицынских чтений. Большие Вяземы, 2007. С. 263.
- Петерс Т.П.* Родные и знакомые «Пиковой дамы» из ближайшего окружения А.С. Пушкина // А.С. Пушкин в Подмоскovie и Москве: Материалы VI Пушкинской конференции 13–14 окт. 2001 г. Большие Вяземы, 2002.

Сардиния в эпоху первой французской революции: Письма кн. А.М. Белосельского-Белозерского, российского посланника при Сардинском дворе, к вице-канцлеру графу И.А. Остерману // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 5–8.

Сводный каталог российских нотных изданий. Т. II. Ч. 1. СПб., 2005.

Серков А.И. Русское масонство. М., 2001.

Mazon A. Deux russes écrivains français. Paris, 1964.

Сведения об авторе: Сайкина Наталья Владимировна, канд. филол. наук, автор книги «Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской» (М., 2005), независимый исследователь. E-mail: novemberg@yandex.ru.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кретов А.А., Воеводская О.М., Меркулова И.А., Титов В.Т. Единство Европы по данным лексики. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 412 с.

В научной монографии «Единство Европы по данным лексики» ставятся следующие амбициозные задачи: (1) выделение «лексических ядер» 35 языков народов Европы (включая латынь и турецкий); (2) сравнение этих ядер и определение на этой основе общих и различительных черт, характеризующих «лингвокультурное расстояние» между языками; (3) выделение общих для народов Европы смыслов (концептов). Данные задачи в работе не только ставятся, но, что очень важно, решаются в рамках определенной методики. Сама методика описана и результаты обработки языкового материала представлены достаточно полно, поэтому читатель получает возможность оценить и использовать их самостоятельно. Все это делает рассматриваемую монографию значительным научным событием, трудом, в котором на большом языковом материале достаточно последовательно и полно осуществлена реализация научной идеи, позволяющая оценивать эту идею с учетом полученных на ее основе результатов.

Первые шесть глав работы посвящены выделению лексических ядер языков. Процедура базируется на методике параметрического анализа лексики, предложенной одним из авторов монографии В. Т. Титовым. Применяемые методы является развитием идей А.И. Кузнецовой, Ю.А. Тулдавы, А.А. Поликарпова, А.А. Кретова и др. Суть этого подхода – получение новых знаний о лексической системе языка на основе количественного анализа словарных данных. В работе используются четыре параметра, на основе которых производится взвешивание степени важности каждой словарной единицы конкретного языка: (1) длина слова; (2) количество устойчивых сочетаний с данным словом; (3) количество значений у слова; (4) величина синонимического ряда, в который слово входит. Совершенно очевидно, что величина этих параметров сильно зависит от особенностей используемого словаря – от его объема, отношения составителей к омонимии и пр. Однако можно согласиться с тем, что, несмотря на неизбежный «шум», словари являются важнейшим источником

наших знаний не только об отдельных словах, но и о лексической системе языка в целом. И эти знания важно научиться извлекать.

Указанные четыре параметра обладают очевидным преимуществом – они эксплицитно отображаются в словарях и в силу этого легче всего обчисляются. Однако их лингвистическая значимость для ранжирования слов по степени их важности менее очевидна. В работе дана следующая трактовка этой значимости. Длина слова, как это принято в количественной лингвистике, рассматривается как показатель степени употребительности единицы (более длинные слова менее употребительны) и используется для *функциональной* стратификации лексики. Число *фразеосочетаний* с данным словом отображает широту его сочетаемости и используется в качестве показателя активности *синтагматических* связей и средства *синтагматической* стратификации лексики. Число *значений* слова характеризует его в «*эпидигматическом*» аспекте – с точки зрения многозначности. Число слов, входящих в *синонимический ряд* с данным словом, является показателем обширности его парадигматических связей.

Логика выделения лексического ядра языка (круга наиболее важной для него лексики) – достаточно подробно описана в работе. Она последовательно проводится для каждого из 35 анализируемых языков. Применяемая процедура заключается в следующем. Выбираются словари-источники (или один словарь), и по нему создается база данных, где каждое слово получает количественную характеристику по четырем указанным параметрам. На основе каждого параметра производится «стратификация» (распределение) лексики языка, т. е. для каждого значения параметра (например, для длины слова в одну, две, три, n-буквы; для длины синонимического ряда в два, три, n-слова) устанавливается число слов, имеющих в используемом словаре это значение. Значения параметров ранжируются (длина слова – по возрастанию, остальные – по убыванию), и каждому значению и, соответственно, словам, его имеющим, присваивается определенный вес (формула определения веса описана во «Введении»). На основе ранжирования определяются четыре частных ядра каждого языка – функциональное, синтагматическое, эпидигматическое и парадигматическое. При определении границы ядра используется принцип «близости к тысяче». Величина ядра, близкая к тысяче слов, представляется авторам достаточно представительной для того, чтобы делать определенные выводы, важные для лексической типологии. Объединение четырех частных ядер в одно общее – «параметрическое» –

происходит следующим образом: слова, вошедшие во все четыре частных ядра, затем включаются в малое «параметрическое» ядро языка; слова, вошедшие в три и более ядра (т. е. по трем-четырем параметрам) попадают в большое ядро. Внутри малого и большого ядра слова располагаются в порядке убывания суммы тех весов, которые они получили в частных ядрах.

Выделению параметрических ядер посвящены первые 6 глав работы. В них проанализирован материал славянских, германских, романских, финно-угорских, балтийских языков, а также языков, не входящих в эти группы (новогреческого, албанского, турецкого, ирландского). Выделение частных ядер служит фундаментом для последующего анализа и представляет самостоятельный интерес, поэтому остановимся на этой процедуре подробнее.

Анализ конкретного языка начинается со стратификации лексики по длине. На материале русского языка авторы приходят к выводу, что наиболее сбалансированное распределение слов по этому параметру дают малые словари. Это позволяет им и при анализе других языков использовать малые по объему словника словари-источники. Как уже говорилось, длина слова рассматривается в качестве показателя степени его употребительности. Для каждого языка устанавливается максимальная длина слова, при которой оно включается в функциональное ядро. Во «Введении» сказано: по каждому параметру отбирается **«от тысячи слов»**. Применительно к параметру «длина» этот принцип реализуется так: количество слов разных длин (начиная с минимальной) суммируются, пока их множество не достигает тысячи. Та длина, на которой достигнута или превышена величина в 1000 слов, считается максимальной для включения в ядро. Ср. следующее описание принципа «наименьшего превышения тысячи» в разделе украинского языка: «Как видим, в украинском языке целесообразно ограничиться включением в ядро слов длиной от 2 до 5 звуков. В таком случае мы получим множество, наиболее близкое к 1000 (из превышающих эту величину)» (с. 20).

Нужно отметить, однако, что декларируемый подход (превышение тысячи) выдерживается не для всех языков. При определении функционального ядра некоторых языков, в частности романских, используется иной принцип – принцип наибольшей близости к тысяче, включая величину и **меньше** ее. Ср. расчет величины функционального ядра, данный для испанского языка, где множество слов, состоящих из 1–4 букв, дает всего 664 слова, а множество 1–5 – 1920 слова, но при этом делается

следующий вывод: «Таким образом, в сумме мы получили первое ядро в 664 слова. Это меньше 1000, но привлекать слова из пяти букв нет смысла, поскольку только этих слов – 1256: 664 ближе к 1000, чем $664 + 1256$ » (с. 183). Аналогично определяется граница функционального ядра для словацкого языка: пятибуквенные слова из него исключаются, поскольку множество из 1–4 букв составляет 892 слова, что ближе к 1000, а множество из 1–5 букв – 2250 слов, что дальше от нее (см. с. 60). Для эстонского же, например, языка действует заявленный общий принцип обязательного **превышения** тысячи. В результате в ядро попадают и слова из четырех звуков, хотя множество 1–3 звука составляет 920 слов и гораздо ближе к 1000, чем множество 1–4 звука, составляющее 3024 звука (см. с. 263). Поскольку здесь имеется явное расхождение в подходе, хотелось бы, чтобы это четко оговаривалось. Хотя логично было бы ожидать применения единого принципа при анализе всех языков.

Данные о стратификации слов языков по длине в общем случае представлены достаточно наглядно – в виде таблицы «Функциональной стратификации лексики языка». Правда, для русского языка такая таблица почему-то не приводится, и число русских слов, включаемых в функциональное ядро, не указывается. Не указана и максимальная длина таких слов. Сказано только, что в русском языке «максимальное значение функционального параметра получили 116 слов длиной в 2 и 3 буквы» (с. 11).

В отдельных случаях логику выделения ядра затемняет и необъяснимое расхождение между данными, приведенными в таблице, и количеством слов, включаемых в ядро. Так, на с. 31 сказано, что «функциональное ядро белорусской лексики составляют 1192 слова», что не соответствует таблице (см. табл. 11), а ниже на той же странице говорится о том, что «интересующий нас корпус слов – функциональное ядро белорусской лексики, – таким образом, будет включать также слова длиной от 2 до 5 звуков и составит 1533 единицы», что данным таблицы соответствует, но только при включении в ядро слов с длиной от одного звука, а не от двух. Непонятно также, например, почему для нидерландского языка максимальная граница определена в 4, а не в 3 звука, тогда как именно множество слов длиной 1–3 звука (1427 слов), а не 1–4 (3560 слов) максимально близко к 1000 (см. с. 114 и табл. 63).

Важно отметить, что при анализе функциональных ядер учитывается не только длина, но и тип значения. В работе вводится ограничение на «лексически незначимые» единицы. К сожалению, во «Введении» это важное ограничение не описано. Не очень понятно также, действует ли

оно и в каком объеме при анализе ядер других трех типов. В наиболее явном виде мы узнаем об этом ограничении не из описания русского материала, хотя он идет первым, а из описаний других языков. Так, в английском разделе сказано следующее: «Поскольку мы изучаем лексико-семантический уровень языка, то из дальнейшего рассмотрения исключим местоимения, числительные, наречия и служебные слова» (с. 93). В итальянском разделе описан еще более широкий круг ограничений. Ср.: «...удалим из этого множества все слова, не являющиеся существительными, прилагательными и глаголами. Кроме того, исключим из рассмотрения все аббревиатуры, а также функционально специализированные слова, т. е. слова, имеющие пометы, указывающие на конкретные терминосферы, <...> а также – на стилистическую маркированность слов. <...> Кроме того, исключим из рассмотрения все онимы, в том числе и этнонимы...» (с. 205).

Качественное различие в составе включаемой в ядра лексики не может не оказывать негативного влияния на сопоставимость языков. Поэтому остается надеяться, что отсеив лексики производился для всех языков и для всех типов ядер по единым критериям.

Длина слов для разных языков определяется в работе по-разному – для одних языков считаются буквы, для других звуки. В некоторых случаях вопрос о выборе единицы измерения специально обсуждается. С этой точки зрения интерес представляет применяемая процедура оценки соотношения букв и звуков. В ней используется понятие «коэффициент совершенства орфографии» (КоСОг), показывающий на степень расхождения в длинах слов, выраженных в буквах и звуках. Для английского языка он оказался равным 0,905, для польского 0,848, для французского 0,784. Для французского языка на этом основании делается вывод о необходимости измерения в звуках, а не в буквах. Ср.: «Ошибку вычисления в 0,216 уже невозможно считать пренебрежительно малой, что и потребовало для французской лексики изменения единиц подсчета длины. Для получения необходимой информации была осуществлена транскрипция французской лексики» (с. 195). Английские слова также предварительно переводятся в звуки. Но для польского языка измерение длины ведется в буквах.

К сожалению, иногда трудно понять, в чем измеряется длина, так как в начале раздела делается заявление об анализе в буквах, а в таблице при этом указаны звуки. См., например, описание нидерландского (с. 112), шведского (с. 145), исландского (с. 162) языков.

В разделах, посвященных длине, приводятся и данные о том, слова какой длины составляют большую долю в языке. Этот параметр рассматривается авторами как типологически значимый. «Этот максимум, видимо, и следует считать оптимальной длиной слова в том или ином языке. Таким образом, мы получили одну из величин для типологической характеристики лексики – *оптимальную длину слова*» (с. 9). Обращает на себя внимание то, что слова оптимальной длины ни в одном языке в функциональное ядро при реализованном подходе не попадают. В большинстве языков, независимо от их строя, судя по полученным результатам, наблюдается одно и то же соотношение максимальной и оптимальной длин: 4/7 (максимальная длина слов, включаемых в ядро / оптимальная длина).

Совершенно очевидно, что длину слова можно рассматривать лишь как очень условный, косвенный показатель его употребительности. Так, например, явно не являются употребительными слова *ir* («ирландец») и *alt* («альт»), попавшие в словацкое функциональное ядро на основании подходящей длины. Авторы это понимают, хотя об этом не пишут, и при анализе русского языка используют, помимо длины, данные о частоте употребления в Национальном корпусе. Правда, в самой работе не описано, как это делается.

При анализе второго параметра оценки лексики – синтагматического – используется та же логика. Здесь подсчитывается количество «заромбовых» сочетаний, данных в словаре-источнике на каждое слово. Это количество связывается с синтагматикой следующим образом: «наличие заромбовой части у слова уже выделяет его как синтагматически активное» (с. 172). По данному параметру производится стратификация лексики словаря. Для этого все количества фразеологизмов сортируются по убыванию; для каждого количества определяется число слов, его имеющих, а затем, исходя из принципа «близость к тысяче», определяется минимальное число сочетаний, при которых слово включается в «синтагматическое ядро». Данные по каждому языку приведены в таблицах «Синтагматическая стратификация лексики языка».

Поскольку малые и средние словари отображают устойчивую сочетаемость в гораздо меньшей степени, чем большие, то здесь сразу возникает проблема отбора словаря-источника. Целесообразно было бы, очевидно, при анализе всех языков использовать словари одного типа – либо общие, либо фразеологические. Однако для русского языка, например, при анализе сочетаемости признается достаточным толковый словарь

Ожегова, а для украинского языка используется специальный двухтомный фразеологический словарь. В результате в русское ядро, судя по таблице 1 на с. 11, попадают все слова, имеющие в словаре Ожегова хотя бы одно устойчивое сочетание, а на украинском материале делается следующий вывод: «синтагматическое ядро украинской лексики составят 1395 лексем, имеющих от двух фразеологизмов и более» (с. 24). Судя по приводимым данным, для большинства языков в синтагматическое ядро приходится включать все слова, имеющие хотя бы одно фразеосочетание. Это может быть связано именно с типом используемых словарей.

Независимо от того, насколько сопоставимы полученные для разных языков данные, сам приводимый внутриязыковой материал представляет несомненный интерес, поскольку в работе для большинства языков приводятся слова, лидирующие по количеству фразеосочетаний. Так, для русского языка среди лидеров по синтагматическому параметру оказались слова *рука* (30), *голова* (27), *дело* (26), *ум* (26). Для украинского – *мати* ‘иметь, отличаться, обладать, содержать’ (94); *душа* ‘душа’ (88); *серце* ‘сердце’ (83); *брати* ‘брат’ (82). Для белорусского языка – *вока* ‘глаз’ (76), *рука* ‘рука’ (38), *галава* ‘голова’ (35), *даваць* ‘давать’ (34), *душа* ‘душа’ (30).

Третий параметр – число значений слова – является основой для выделения «эпидигматического» ядра языка. Этот параметр, как отмечают сами авторы, очень чувствителен к объему словаря и трактовке его создателями границы между омонимией и полисемией. Тем не менее понятно, что без оценки многозначности слова при анализе степени его важности, несмотря на большой и неизбежный шум, обойтись нельзя. При выделении «эпидигматического ядра» используются уже описанные выше принципы. Результаты анализа по каждому языку представлены в виде таблицы «Эпидигматическая стратификация лексики языка». На основании этой таблицы определяется нижняя граница числа значений, при котором слово попадает в ядро. Так, для русского языка максимум значений определен как 27 (глагол *идти*), а минимум – 4 значения. Величина русского ядра – 1947 слов.

С точки зрения лексической типологии обращает на себя внимание резкое расхождение в максимуме значений между родственными языками. Так, для русского, белорусского и словацкого языков максимум превышает 20 значений (27, 27, 24 значения соответственно), а для остальных он не больше 10 (укр. – 10, польск., макед. – 9; чешский, болг., сербо-х., словенск. – 5 значений). Столь явное различие требует объяснения.

Четвертый параметр призван отразить парадигматическую активность слова. Единицей измерения здесь является длина синонимического ряда, в которое слово входит в каком-то из значений. Главным источником служат словари синонимов. В таблице «Парадигматическая стратификация лексики языка» даны длины рядов (в порядке убывания), количество таких рядов и их вес. Далее по критерию близости к тысяче определяется минимальная длина ряда, в который должно входить слово, чтобы быть включенным в «парадигматическое ядро» языка. Для многих языков приводятся слова, входящие в максимальный ряд. Так, для русского языка максимальный ряд имеет глагол *ударить*² (28 синонимов), для украинского *бити* (66 синонимов), для белорусского *гаваріць* (55 синонимов).

На основании пересечения четырех полученных типов ядер для каждого языка затем устанавливается малое и большое параметрическое ядро, а также периферия большого ядра (слова, входящие менее чем в 3 частных ядра). Внутри параметрических ядер слова ранжируются по сумме присвоенных им в частных ядрах весов. Слова, входящие в малое ядро, приводятся в отдельной таблице. Для русского языка даны два варианта малого ядра – по словарю Ожегова (48 слов) и «с привлечением дополнительных источников» (32 слово). В верхушку русского малого ядра, судя по обоим вариантам, входят такие слова, как *дать, мир, есть, бить, час, дом*. Слово с максимальным параметрическим весом признается доминантой ядра. Для русского языка такой доминантой при используемой методике оказывается *дать*, для украинского *іти* («идти»), для белорусского *біць* («бить, ударять, течь») и т. д. Малое параметрическое ядро приводится для большинства языков полностью, с указанием всех типов весов и их суммы, что дает читателю хороший материал для самостоятельного исследования и сопоставления.

Выделив лексические ядра, авторы не останавливаются на этом и пытаются получить на их основе типологически важные результаты. Важно, что они не идут по пути простого количественного сопоставления (сравнение объема ядер, средней длины слова, количества значений и т. п.). Объектом сопоставления становится значение слов, включенных в большие ядра, а критерием близости – процент общих единиц в толковании пар слов сопоставляемых языков. В качестве метаязыка при этом используется русский язык, т. е. сравниваются толкования значений, данные на русском языке.

В 7-й главе на этой основе решается задача «компьютерного генерирования карты лингвокультурного пространства языков Европы». Для этого производится попарное сравнение значений слов, включенных в параметрические ядра разных языков. При совпадении дефиниций на 50% и более слова двух разных языков признаются совпадающими по значению. На основе числа таких совпадений вычисляется «коэффициент корреляции» между двумя языками. Формула вычисления приведена на стр. 335. Итоги попарного сравнения даны в отдельной таблице (см. табл. № 196). Чем больше коэффициент корреляции, тем ближе языки (между ними больше совпадений). На основании этой таблицы строится граф, интерпретируемый как отображение «лексико-семантической сети Европы». Алгоритм его построения достаточно подробно описан. Признавая грубость полученного графического отображения связей между языками, авторы тем не менее считают, что оно дает богатую и нетривиальную информацию. К ее числу они относят, например, попадание в ядро лингвокультурного пространства Европы германских языков, отображение связи русского языка с греческим и т. п. Однако далеко не все из полученных результатов поддаются интерпретации. Так, например, наиболее близким к английскому языку, после датского и шведского, неожиданно оказывается белорусский язык (ср. коэффициенты корреляции: датск. 0,319; шведск. 0,317; белорусск. — 0,308, см. табл. 196).

В главе 8 делается попытка выделить наиболее весомые смыслы, объединяющие государственные языки Европы, и установить, «как европейские языки членят внеязыковую действительность средствами лексики» (с. 363). Здесь же анализируется введенное Б.Л. Уорфом понятие «среднеевропейский языковой стандарт» и обсуждается проблема определения его лексической составляющей. Объектом анализа являются такие значения слов больших ядер, которые являются общими хотя бы для одной пары языков. Общность, как и при определении коэффициента корреляции, устанавливается при совпадении не менее 50% метаслов, составляющих дефиницию. Далее используется метод взвешивания значений по количеству межъязыковых пар, для которых значение является общим. Совокупность значений, представленных в наибольшем количестве языковых пар, рассматривается как лексическая составляющая понятия «среднеевропейский языковой стандарт». В монографии описываются первые 85 значений в порядке убывания пар языков, в которых они представлены. Этот список возглавляют значения ‘удар’ 1127, ‘край’

1027, ‘место’ 952, ‘конец’ 797, ‘говорить’ 700 (см. с. 365). Главным смыслом (концептом), объединяющим языки и культуры Европы, на этом основании признается ‘удар’, поскольку это значение представлено наибольшим числом пар языков.

В большие ядра в качестве отдельных единиц попадают некоторые слова, близкие в смысловом отношении (например, *удар* и *ударить*, *ударить* и *бить* и пр.). Поэтому очевидно, что при переходе от лексем к смыслам (концептам) нужно сводить лексемы в семантические классы. Большим достоинством работы является то, что авторы хорошо осознают эту необходимость и ставят перед собой задачу «укрупнения семантических групп» (с. 364). Попытка такого укрупнения ядерной лексики составляет отдельную и самостоятельную часть работы. В качестве таксономической основы для этого используется т.н. «дерево Порфирия». Выделенные группы количественно и качественно оцениваются. В результате делается следующий общий вывод: «Как видим, СЕСт на 92% антропоцентричен. Растения, животные и предметы в СЕСт берутся исключительно в их отношении к *человеку* и в общей сложности составляют 8 % пар рассмотренных значений» (с. 374).

В начале последней главы («Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем») заявлена задача «исследовать уникальные лексические смыслы, общие только для какой-то одной пары языков и в силу этого членящие лингвоментальное пространство Европы» (с. 382). Для этого вводится понятие «эксклюзема», обозначающее пару слов, «принадлежащих разным языкам, у которых совпало не менее 20% метаслов, составляющих дефиницию». Очевидно, для полноты в это определение следовало бы добавить указание на уникальность пары слов, признаваемой эксклюземой, т.е. отсутствие ее в других парах языков. Процедура выявления эксклюзем не описана, но приводится отсортированный по числу эксклюзем частотный список пар языков. Наибольшее число эксклюзем найдено для пары «норвежский – шведский» (55). На основании числа эксклюзем вычисляется «мера аттрактивности» языка и сила связей между языками.

Завершая последнюю главу, авторы предостерегают читателя от не критического отношения к полученным результатам и обращают внимание на их зависимость от объема словарей-источников, влияющего на объем ядер и число межязыковых связей, а также от некоторых других «внешних» факторов. Тем не менее процедуры и результаты анализа, отраженные в монографии, несомненно являются очень полезными и для

развития методики подобных исследований, и для общего продвижения на пути сопоставительного изучения лексики и лексической семантики языков.

О.В. Кукушкина

Сведения об авторе: Ольга Владимировна Кукушкина, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ovkukush@mail.ru.

Кошелев В.А. Таврическая мифология Пушкина. Литературно-исторические очерки. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. 304 с.

Основная тема очередной книги одного из лучших наших пушкинистов и вообще историков русской литературы XIX в. – соотношение жизни и поэзии, непрямая, но важная зависимость, иногда и независимость второй от первой. Так, за время недолгого пребывания в Крыму в августе-сентябре 1820 г. Пушкин «почти не создавал оригинальных произведений, но тот комплекс житейских впечатлений, который очаровал его, использовался потом в течение всей его творческой жизни» (с. 2). Ближе к концу основной части книги сказано даже: «“Таврические” впечатления, неожиданно полученные Пушкиным в двадцатилетнем возрасте, на долгие годы стали основой его восприятия жизни» (с. 214). Хотя перед этим он провел на Кавказе втрое больше времени, там «он не пишет ничего серьезного – а уже в Крыму (в конце августа) начинает (но не заканчивает) тревожное и грустное стихотворение, посвященное собственным “азиатским” ощущениям (оставшееся в черновом наброске):

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины <?> обгорелы,
Жилище [дикое] черкесских табунов <...>» (с. 77).

Пушкин много ездил по России, но за границу его не выпускали. Человек европейской культуры, он в силу своей впечатлительности был поражен Востоком, увиденным им в пределах Российской империи. В.А.Кошелев не преминул заметить, что само слово «край» («Кавказа дальний край», «Воображенью край священный!..» в «Отрывках из путешествия Онегина») тогда воспринималось «еще и с оттенком “удаленности, окраинности” – некое “на краю света” расположенное пространство» (с. 7). Наверно, выделенный оттенок чувствовался не всегда или довольно скоро утратился (ср. стихотворения А.К. Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» и «Край ты мой, родимый край...», в первом из которых описана Украина, где этот поэт вырос), но Кавказ и

Крым бесспорно были экзотическими «краями». Исследователь напомнил, что и у Лермонтова петербуржец Печорин из Тамани вглядывается в дальний берег Крыма, как Пушкин, описывавший свое путешествие в письме к брату 24 сентября 1820 г. Дается историко-географический и этимологический экскурс. «Первоначально греки разумели под Европой лишь континентальную Грецию (в отличие от Азии, то есть островов Эгейского моря и Ионического побережья Малой Азии). Сами названия *Азия* и *Европа* происходят от семитических корней *асу* и *эреб*, означающих «свет» и «тьму» или восток и запад. Впоследствии названия *Азия* и *Европа* были распространены на все страны, лежавшие к востоку / западу от вышеупомянутых, причем граница между этими частями света принималась в глубокой древности по реке Фазису (Риону), а позже по Танаису (Дону), и лишь в XVIII веке была отодвинута до Урала. Во времена Пушкина границей Европы и Азии считали на востоке Уральский хребет и реку Урал (былой Яик), а на юге – Кавказский хребет» (с. 73). Недоступные европейцам страны Дальнего Востока были как бы вовсе запредельными, даже Азией практически не считались. «В пушкинские времена под “азиатскими” народами разумели прежде всего арабов, персиян, турок, киргиз-кайсаков и т. п., не столь отдаленных от европейских пределов, как индийцы, китайцы или японцы. В основе их общежительной практики выделялся принцип *косности*» (с. 76). Тогда и бурного развития Японии, начавшегося во второй половине XIX в. с ее капитализацией, никто не предвидел.

Западная Европа на Востоке представлялась единым целым. Крым же словно «сохранил в себе все многообразные данности как Запада, так и Востока. В нем странным образом соединились и следы античной Греции, и останки дикой Скифии, и наследие Византии. Татарские постройки возникали рядом с генуэзскими крепостями, а рядом с мусульманским Бахчисараем на горном плато располагался город Чуфут-Кале, обитателями которого были караимы, тюркоязычный народ, исповедовавший иудаизм (как будто потомки хазар, обосновавшиеся здесь после падения Хазарского каганата). И тут же, рядом – Успенский монастырь. И неподалеку – крестильная купель князя Владимира, символ русского православного христианства» (с. 74).

Через десять лет после южного путешествия Пушкин называл своего «Кавказского пленника» неудачным опытом характера и считал, что «Бахчисарайский фонтан» еще слабее его. Но хотя, по мнению В.А. Кошелева, лишь в связи с изданными в 1827 г. польским поэтом «“Крым-

скими сонетами” (четыре из них были посвящены Мицкевичем Бахчисараю)» (с. 92), переведенными в прозе П. А. Вяземским (убежденным сторонником именно прозаических переводов стихов – добавим: как было принято у французов), «в русскую поэзию естественным образом вошел европейский романтический ориентализм – и мотивы восточной поэзии» (с. 92), ученый констатирует тот парадокс, что «именно это, самое “слабое” произведение имело самую счастливую судьбу – и более всего способствовало утверждению за Пушкиным репутации первого русского поэта» (с. 96). Сразу начались попытки перенести его на сцену (А. А. Шаховской), потом преобразовать в оперу, а затем и в балет.

У Пушкина «Зарема не закалывает Марию кавказским кинжалом...

Но читатель / зритель почему-то уверен в обратном: созданный “по следам” пушкинской поэмы “сверхтекст” закрепил именно такой финал» (с. 119). Другие оперы по мотивам произведений поэта тоже будут далеко отходить от литературного текста (Глинка, Даргомыжский, Мусоргский, Чайковский – особенно в «Пиковой даме»). «“Бахчисарайский фонтан” стал в своем бытовании первым пушкинским произведением, которое как будто “отделилось” от автора и еще при его жизни выказало претензии на “независимое” существование» (с. 119). Значит, теоретики литературы могут наряду с «вечными» образами признавать «вечные», но трансформирующиеся сюжеты.

«Азиатская» поэма, однако, утверждала европейские ценности. Гарем в восточной традиции служит продолжению *рода*, а у властителя – и *династии*, это уже политика. Но «династическая цель существования гарема Пушкина вроде бы не интересует: никаких “детей” в его поэме не предполагается. “Гарем” в “Бахчисарайском фонтане” существует исключительно “для мирной неги” и плотских утешений <...>» (с. 87). Только Гирей, полюбив Марию, к гарему охладел и разлюбил Зарему. Психология женских персонажей полярна, мужского – усложнена. «Мария – существо духовное: ее осеняет лик Пресвятой Девы. Но и чувство Гирея к Зареме не исключало духовности. Напротив, образ Заремы создан в русле традиции одухотворения чувственных наслаждений <...>» (с. 87), «женские имена, начинавшиеся на «З», в поэтической традиции были именно выражением восточной чувственности: Заира, Замира, Зафна, Зюлейка. Соответствует этой контрастной паре и то, что Мария молчит, а Зарема произносит проникновенный монолог» (с. 86). Задумчивому молчанию предается и полюбивший Марию хан, он даже «в сечах роковых» вдруг замирает с поднятой саблей – «над этой нелепой в бою

“позой задумчивости” “хохотал” опытный военный Александр Раевский» (с. 82). Разумеется, приходит «высокая любовь» к польской пленнице, «в которой плотские радости уже не нужны: их вполне заменяет европейское рыцарское чувство восхищения “прекрасной дамой”» (с. 89). Так Пушкин интерпретировал крымскую специфику. Его не смущает то, что появляющийся лишь в самом конце поэмы фонтан, давший ей название, в действительности не был памятником «полячке», да и самой Марии Потоцкой в гареме не было, как свидетельствует приложенная к поэме «выписка из путешествия по Тавриде И.М. Муравьева-Апостола». Вяземскому в предисловии к поэме друга «пришлось “выстроить” отношения между текстами Муравьева и Пушкина как отношения прозы и поэзии» (с. 104). Он целенаправленно противопоставлял образ «ученого путешественника» образу вдохновенного поэта. Для Пушкина большое значение имело и это, но не только. «Неясности и логические неувязки в поэтическом повествовании открывают именно особый, непознанный мир, в котором благостно соседствуют Европа и Азия. Хан Гирей, владетель “азиатского” Крыма, постоянно посматривает в “окно”, за которым находится близкая Европа, – и переосмысливает жизненные ценности в соответствии с “европейскими” установлениями» (с. 90).

Звязавшаяся полемика вокруг «Бахчисарайского фонтана» приобрела «важное значение для эстетического самоопределения русской литературы» (с. 106). В частности, один из критиков сразу взял под защиту новый для литературы принцип сюжетной недоговоренности. Валериан Олин заявил, что из персонажей *действует* одна Зарема, а прочие предстают исключительно в «рассказе», отчего нет *движения* повести. Булгарин, напечатав эти претензии, в большом примечании оговорил, по словам В.А. Кошелева, что к лидеру новейших «романтиков» нельзя подходить с классицистическими мерками, требовавшими подчиняться правилам. Романтическую поэзию он предпочел назвать «природною» (с. 112). Если «правила» классицистов принимались во имя правдоподобия, то теперь более естественной представлялась поэзия романтическая.

Пушкин мог датировать свои стихотворения не временем написания, а временем отраженного в них события. Например, черновой и белой автографы элегии «Увы, зачем она блистает...» датированы 1820 и 1821 гг. (пометы: «Юрзуф» и «Киев»), но в печати – 1819-м, «вероятно, ее содержание относится к какому-то “петербургскому” эпизоду жизни поэта или его “петербургским” встречам» (с. 11). Во втором собрании стихотворений Пушкина (1829) под 1820 г. их значится 11, из которых шесть

«не относятся к указанному году. “Фонтану Бахчисарайского дворца”, “Виноград”, “О дева-роза, я в оковах... и “Ч<аадае>ву” написаны осенью 1824 г. и передатированы в соответствии с их “крымской” тематикой» (с. 59). «Дорида» и «Дориде» на самом деле созданы в 1819-м. «Собственно в Крыму не написано ни одного из представленных текстов» (с. 11). Но все “тяготеют” к крымским впечатлениям и объединены идеей «красоты как вечной ценности бытия <...>» (с. 63).

Третье послание к Чаадаеву никак не могло быть написано в 1820 г., когда его автор бравировал вольнодумством; в первом послании (1818), получившем максимальную известность, не будучи напечатанным, он пытался переубедить старшего друга-скептика, который, по-видимому, «не верил в пробуждение России и считал революционное выступление бесполезным» (с. 41). Но в 1823 г. поэт сам разочаровался в европейских революционных и национально-освободительных движениях. После этого он заканчивает третье послание отсылкой к первому: «На камне, дружбой освященном, // Пишу я наши имена», – но, обратившись к «воображенному» Крыму, погружается в мифологию и, «кажется, готов отказаться от любых свободолобивых мечтаний, предпочесть им “лень и тишину”» (с. 42).

Второе послание к Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», 1821) – «воплъ об отсутствии “высокого” друга» (с. 38), ведь «именно Чаадаева Пушкин воспринимал единственным носителем истинно “высокой” дружбы» (с. 37). Можно добавить, что впоследствии тема дружбы у него значительно расширилась. На юге благожелательного окружения ему хватало. Но изолированный от большого общества в Михайловском, он осенью 1825 г. написал первое «19 октября». А «странное сочетание *бытия в высшем свете* и одновременного *противостояния свету*, заставившее Пушкина прямо уподобить героя романа в стихах с личностью (так. – С. К.) Чаадаева, позволило ему не только углубить характер Онегина, но и как будто предугадать дальнейшую судьбу философа. Пушкин в 1836 г. в известном письме к Чаадаеву высказал удивление, что его “Философическое письмо” было напечатано. Но сам факт *написания* Чаадаевым в 1829–31 гг. этого политического документа, ставшего открытым вызовом николаевскому самодержавию, отнюдь не удивил поэта. Только Чаадаев (*первый* бытовой прототип Онегина: поскольку сам пушкинский герой – это “второй Чаадаев”) – только он и мог отважиться на подобный вызов, какими бы последствиями он ему ни грозил» (с. 41). Отсюда вытекает важнейший для историка культуры вы-

вод: «Тот характер личности, что возникает в бытовых привычках отдельного человека, – неминусемо становится основой и более значимых его деяний...» (с. 41).

Тема любви значима никак не меньше темы дружбы. «“Таврическая звезда”, символизировавшая “утаенную любовь” поэта, на долгое время стала предметом литературоведческих полемик <...>» (с. 57). Назывались самые разные женские имена. Но поскольку в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» и других произведениях Пушкин «утверждает значимость именно *литературной* реальности» (с. 33), В. А. Кошелев считает предмет этой любви вымышленным, как и «рассказ молодой женщины» (слова из письма к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г.) о событиях «Бахчисарайского фонтана». «Усилия Пушкина, намекавшего на некое “женское” присутствие, были направлены не на то, чтобы *скрыть* («утаить») объект любви, а на то, чтобы *создать* его как особенный литературный образ» (с. 101). Подчеркивающий творческую специфику искусства ученый обобщает: «Эта *биография-легенда*, в сущности, оказывается характерной составляющей бытия многих поэтов – и часто невольно проникает и в научные исследования» (с. 58).

Правда, поэтике в данной книге В. А. Кошелев уделяет мало внимания. Но ценные наблюдения есть: например, над «ночным» восприятием Крыма у Пушкина и Мицкевича (с. 244).

Поддержана гипотеза Б. В. Томашевского о том, что неосуществленный замысел поэмы «Таврида» «родился на основе одноименной элегии Батюшкова» (с. 177). Согласен В. А. Кошелев и с мнением С. А. Фомичева (с. 158), что возникший «как дань памяти Батюшкову» (так) – тот был жив, но неизлечимо болен душевной болезнью – замысел представлял собой «возможность преодолеть влияние Байрона» (с. 155). Непонятно, почему здесь автор не обратился к использованной им в другом месте книге О. А. Проскурина, где говорилось, что «значение пушкинской поэзии “южного периода” вовсе не в ее отношениях с байронизмом (вообще проблематичных) <...>. Построение пушкинских южных элегий, их мотивы, их поэтический стиль представляют собою прежде всего результат рефлексии над элегической системой Батюшкова». Впрочем, у Кошелева есть весьма существенная поправка: в набросках Пушкина «романтическая философия смерти строилась <...> отнюдь не на религиозных основаниях, как у Батюшкова, а была открыто полемична по отношению к такому типу мирозерцания» (с. 166). Далее эта проблема развивается в связи с пятью зачеркнутыми строками «Отрывка», как был назван основ-

ной белой автограф начатой поэмы, «о том “земном” чувстве, которое должно сопровождать “бессмертный” человеческий дух <...>, – об ощущении, без которого человек не может существовать и “за могилой”, о “тоске любви”. Она непременно должна насыщать бытие бессмертного духа. Ибо если бессмертен “мой дух”, то бессмертна и “память милой”: “Что без нее душа моя?”» (с. 208). Эта мысль нам привычна у Лермонтова с его «Любовью мертвеца» (и не только), но, оказывается, она и молодому Пушкину не была чужда.

В. А. Кошелев реконструировал и напечатал основной текст и варианты «Тавриды» (с. 251–262). В основной текст, видимо, вкралась опечатка: «Так свети, в долгу ночь горев» (с. 254) – ср. в варианте: «Так свечи на столах горев» (с. 255).

Иногда автор «сопргает» слишком «далековатые идеи», например, сопоставляя «Евгения Онегина» с «Илиадой» в очерке, посвященном замыслу поэмы о Мстиславе (с. 142).

В приложении помещена публикация С. И. Панова – письма П. А. Вяземского жене из крымской поездки 1867 г. (с. 263–296). Старый поэт «как бы следует за Пушкиным из Крыма в Бессарабию, к местам Овидия, к генералу Инзову, к цыганам (двигаясь одновременно по хронологии пушкинских поэм) – и обнаруживает, что того мира уже нет, нет Земфиры, а женщины взбесились и прониклись эмансипацией. Тоска по былому обращается тоской по Пушкину <...>» (с. 295–296).

Конечно, здесь отмечены не все достойные внимания соображения, высказанные в содержательной книге.

С. И. Кормилов

Сведения об авторе: Кормилов Сергей Иванович, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru.

Ефимова С. «Судьба не потерпит измены»: Поэзия Константина Васильева. М.: Совпадение, 2016. 328 с.

Свою монографию о поэзии Константина Васильева, озаглавленную его же максимой «Судьба не потерпит измены», С.Н. Ефимова начинает с другой не менее парадоксальной цитаты, которая, как она справедливо считает, отразившись в жизни и творчестве поэта, полностью подтвердила свою правильность: «Чем дальше поэт от жизни, тем он ближе к ней» (с. 4). И в самом деле, поэт, отличавшийся замкнутым, нелюдимым характером, едва ли не всю свою не очень-то длинную жизнь прожил добровольным отшельником в деревянном доме по соседству с Борисоглебским монастырем близ Ростова Великого. Он сознательно не прилагал никаких усилий, чтобы изменить судьбу к лучшему, а просто довольствовался тем, что есть. Именно в этом смысле он был верен тому, что ему было предназначено свыше. Не будучи крещеным, он стал верующим человеком; находясь вдали от признанных культурных центров, жил напряженной интеллектуальной жизнью; практически не участвуя в столичных писательских тусовках, прошел серьезную творческую школу и воспитал в себе независимый и оригинальный поэтический дар. Для признания не хватало малого – резонансного творческого успеха. Но Васильев не торопился, не подталкивал судьбу. Вслед за Маяковским он мог бы довериться далекому будущему и назначить ему свидание через тысячу лет. Похоже, кардинальные изменения его посмертной судьбы намечаются гораздо раньше.

В лице молодого ученого Светланы Ефимовой, выпускницы МГУ, а ныне доктора философии и сотрудника Берлинского Свободного университета (Институт общего и сравнительного литературоведения им. Петера Сонди), автора уже свыше полусотни опубликованных работ, в том числе и двух книг, К.В. Васильев (1955–2001) обрел, если можно так выразиться, своего персонального исследователя. Изучив все сохранившиеся архивные материалы, многочисленные публикации самого Васильева и уже довольно солидную литературу о нем, она к своим статьям, посвященным творчеству любимого поэта, присоединила подготовленный

ею поэтический сборник его избранных стихотворений, переводов и литературоведческих эссе «Что брать с берущей в долг души?» (2015); спустя год появилась и данная монография.

Творческую эволюцию Константина Васильева Ефимова, опираясь на его собственное признание, определяет как парадоксальный путь «от сложного – к простому» (с. 6, 47). Очень рано определилось пристрастие поэта к малым лирическим конструкциям, насчитывающим в среднем приблизительно 14 стихотворных строк, что, кстати, составляет оптимальную порцию стихотворного высказывания, равную таким совершенным жанрово-строфическим образованиям, как сонет и онегинская строфа. Не случайно Васильев стал виртуозным мастером сонета, превратив его в «символ собственного творчества, в оплот гармонии и порядка среди хаоса бытия», и даже несколько раз обращался к еще более усложненной форме – венка сонетов, в которой логика возвращения достигает своего апогея: «Я сплел сонетов маленький венок: // грядущее зависит от былого, // сливается с прологом эпилог» (с.155, 156). Васильевскому сонету, а заодно с ним и основным тенденциям в метрике и строфике поэта автор монографии отводит отдельную главку «“Между нами – сонеты”: метрика и строфика» (с. 141–156).

В контексте российского литературного процесса конца XX – начала XXI в., полагает исследовательница, становление таланта К. Васильева вписывается в стилевое течение, которое М.Н. Эпштейн назвал «метареализмом», т. е. поэзией, обращенной к «высокой культуре», «вечным темам» и «образным универсалиям», когда в основе метафоры лежит переход «от условного подобия вещей к их реальной взаимопричастности»¹. Это довольно расплывчатое определение, по ее мнению, «удивительно подходит к поэтическому миру Константина Васильева. В разных пластах реальности (земное – небесное, внешнее – внутреннее) он открывает соприродность и сопричастность *равноценных* явлений...» (с. 9). Надуманный термин «метареализм», истолкованный столь широко и неопределенно, вбирает в себя все что угодно. Допустим, то же «небесное» в поэтическом мире Васильева можно признать «реальностью», если иметь в виду пространство, где обитают птицы – предмет не только поэтических, но и научных забот поэта и орнитолога в одном лице. Но в

¹ Эпштейн М.Н. Тезисы о метареализме и концептуализме // Литературные манифесты от символизма до наших дней / Сост. и предисл. С.Б. Джимбинова. М., 2000. С. 517; Эпштейн М.Н. Что такое метареализм? Факты и предположения // Там же. С. 522.

том-то и дело, что мысль его забирается гораздо выше, в сакральные небесные сферы. Видимо, творческая индивидуальность Васильева привычной нам рутинной классификации не подлежит.

Рассматривая творческий путь поэта, С.Н.Ефимова членит его на семь периодов, по два-три года на каждый. Скорее всего, столь дробная периодизация для сравнительно короткого творческого века просто избыточна. Творческое самосознание Константина Васильева развивалось последовательно и непрерывно, отражая калейдоскоп реальных событий, уроки интенсивно изучаемой классической поэзии, особенно Пушкина, Лермонтова и Блока, а также духовные озарения – как результат напряженной работы уединенной души. В связи с этим представляется чрезвычайно плодотворной мысль об интегрирующей роли универсальной идеи *отражения*, идет ли речь о слиянии земли и неба в ранних сборниках, или о символическом образе «Человека на Земле», остающегося самим собой даже после смерти, в сборнике «Земные сонеты», или о восхождении «к небу роковым путем» в книге «Стихи високосного года» как «манифесте зрелости <...> уже на пороге старости» (с. 52), или, наконец, о тревожном предчувствии неизбежных катаклизмов на стыке двух столетий, даже тысячелетий, в сборнике «Зимняя ночь» (1999, 2001). Эпилогом творческой эволюции поэта автор монографии с полным на то основанием называет первую посмертную книгу Васильева «Последние стихи» (2001), в которой дает о себе знать доминирующая дилемма между «беспросветным отчаянием на пути познания и безоговорочной верой в простое земное счастье» (с. 56).

Последовательность и непрерывность творческого развития Васильева, отмечается далее, не исключает эпизодических возвращений на круги своя, с каждым новым витком спирали. Получается, что осознанно или неосознанно на протяжении всего своего творческого пути поэт ориентировался на композицию сонета, превратившегося в символ его поэтической Судьбы (с. 58–60). Соглашаясь с тезисом относительно направления творческой эволюции поэта, напоминающей, с одной стороны, диалектическую триаду Гегеля, а с другой стороны, композицию сонета, приходится усомниться в целесообразности их безусловного отождествления. Б. Брехт, К.С. Герасимов и их сторонники, полагая, что только сонет организован по формуле «тезис – антитезис – синтез», добросовестно заблуждались. Это на самом деле философская универсалия, свойственная любому тексту, представляющему собой единство и борьбу противоположностей.

Небезынтересно вникнуть в анализ стихотворения «Никакого не будет наследия...» (1997), который предлагает Ефимова в 4-й главке «Все что проходит, – остается: время и вечность», сосредоточив, однако, внимание не на противопоставлении понятий «мглы» и «тьмы», а на более важной концептуальной декларации: «Гибель Хора – уже не трагедия:/ просто – тьма, пустота, тишина» – и на ее продолжении в финальном катрене:

Но живу и о смерти не думаю.
 Всюду Хор, Хоровод и Харон –
 и падучую ловят звезду мою
 набежавшие волны времен (с. 69–70).

«И даже *мглы* – ночной и зарубежной – // Я не боюсь», – восклицал Блок, а десять лет спустя в «Скифах» синоним «тьмы, и тьмы, и тьмы» употребил в значении неопределенного множества как числительное. Звукосмысловая же переключка ключевых слов «Хор, Хоровод и Харон» не просто каламбурная игра, а отсылка к символическим понятиям античной драматургии и славянского фольклора². Хор в античном театре – что в трагедии, что в комедии – понятие амбивалентное: с одной стороны, олицетворение коллективного мнения демоса, а с другой – выражение авторского сознания, представляющего лирический компонент драмы. «Гибель Хора», которая перестала восприниматься как трагедия, окрашивает все финальное рассуждение в трагические тона, хотя лирический герой и отрешивается от неотвязных на самом деле мыслей о смерти. Тем более случайное созвучие продуцирует алогичное появление перевозчика в царство мертвых Харона, который благодаря ложной этимологии ассоциируется с похоронами. Теми же коннотациями чреват и затесавшийся между ними славянский Хоровод, внешним образом означающий кругообразный коллективный танец, а в обобщенно-философском смысле – циклическое движение во времени и пространстве.

Субъективный характер переживания реального и художественного времени объективируется в сознании творческой личности неизбывным

² Вместе с тем, как уже указывал другой рецензент, «строки “Гибель Хора – уже не трагедия: // просто – тьма, пустота, тишина” полемически направлены против слов из нобелевской речи Бродского о трагическом XX веке (с массой жертв): “В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор” <...>» (Кормилов С. Судьба не потерпела измены // Знамя. 2017. №5. С. 227–228).

предчувствием смерти при мгновенном промельке жизни на фоне непостижимого феномена вечности. Гибель Хора не означает остановку вечно-го движения Хоровода, а «падучая звезда» каждого конкретного индивидуума, в том числе и творческой личности, неизбежно попадает в общий круговорот Млечного пути, растворяясь в «набегающих волнах времен».

Наблюдения исследователя над философскими раздумьями поэта применительно к диалектике времени вскрывают весьма существенные закономерности. С одной стороны, в сборнике 1990 г. «На круговом пути потерь» высказывается грустная мысль: «Для нас не существует Вечность, // объёмлющая пустоту», с другой стороны, в более позднем стихотворении «Потерям нашим нет числа...» «пустота и Вечность поменялись местами: пустая мгла объёмлет человека, несущего в себе Вечность» (с. 71). Поскольку «память человека с ее “космическими провалами” связывает не только Время и Вечность, но и времена между собой, соединить их – святая задача поэта. Ефимова возводит эти васильевские размышления к знаменитым строчкам Мандельштама «Век мой, зверь мой, кто сумеет // Заглянуть в твои зрачки // И своею кровью склеит // Двух столетий позвонки?» (с. 70–71). Следует лишь добавить, что общим источником для обоих поэтов послужил шекспировский «Гамлет»: «... пала связь времен! // Зачем же я связать ее рожден?» (пер. А. Кронеберга)³.

Следующая главка – «Диалог с Платоном: поэтическая философия» – освещает образную презентацию души по лекалам Платона, полагавшего, что все души, изначально крылатые, пребывают в мире идей и только потом некоторые из них лишаются оперения, после чего, попадая на землю, вселяются в людей и переходят из тела в тело (с. 79). Среди посредников между античным философом и Васильевым Ефимова выделяет прежде всего Владимира Соловьева, заложившего философскую базу символизма и написавшего ядовито-шутливую автоэпитафию: «Владимир Соловьев // Лежит на месте этом. // Сперва был философ. // А ныне стал скелетом...»⁴, и Владислава Ходасевича, создавшего целый цикл стихотворений о сложных взаимоотношениях души и тела⁵, а также от-

³ Шекспир У. Гамлет: Избр. переводы. М., 1985. С. 245.

⁴ Соловьев Вл. Полн. собр. стихотворений: [Электронный ресурс]. https://royallib.com/book/solovev_vladimir/polnoe_sobranie_stihotvoreniy.html. С. 38.

⁵ В 16 стихотворениях «Тяжелой лиры» Ю.И. Левин, досконально исследовавший посвященный душе субцикл Ходасевича с лингвопоэтической точки зрения, зафиксировал лексему «душа» как самое частотное слово (17 употреблений), наряду с сопредельным ей «небом» (те же 17 употреблений, но в 11 текстах). См.: Левин Ю.И. Избр. труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 237–244.

мечает столь естественное для поэта-орнитолога отождествление души с птицей, в результате чего она обладает способностью не только летать, но и петь (то есть – в переносном смысле – творить). Разумеется, и на этот раз необходимо расширить интертекст концепта души за счет античного мифа о Психее, запечатленного в Овидиевых «Метаморфозах», и популярных в средние века сказаниях об ангелах в изложении Псевдо-Дионисия⁶, широко представленных впоследствии в поэтическом мире «Божественной Комедии».

В нескольких центральных главках, начиная с «Параллелей и меридианов поэтического мира», выявляются наиболее существенные свойства идиостиля Васильева. Это прежде всего тютчевско-фетовское пристрастие к ночи и соответствующему ей черно-белому колориту с контрастными просверками ярких звезд; необычайно разнообразный и символически осмысленный мир птиц и связанная с ним вертикальная развертка Вселенной; глобальное противопоставление верха и низа, земного мира и инобытия, понимаемое как мистические бездны, божественное откровение (с. 110) или как их соединение в образе мирового древа, уходящего корнями в землю, а кроной в небеса (с. 112). Исключительную важность при этом Ефимова придает редкому умению поэта передавать абстрактные идеи в зримых конкретных образах. То разорванный надвое тетрадный лист знаменует собой распадающийся на противоположности мир, то противоположность и двойственность каждого явления находит пластическое воплощение в постоянно переворачиваемых песочных часах (с. 122), то идею синтеза и сопричастности оживляет парадоксальный образ... медузы: «Медуза в море – и в медузе море: // не надо выбирать одно из двух» (с. 122–123).

Отдельного внимания, конечно, заслуживает выстраданный патриотизм поэта-анахорета. Васильеву выпало жить и творить не в самую лучшую пору исторического бытия горячо любимой им, но весьма суровой к своим сыновьям отчизны. Риторический вопрос «Куда ж нам плыть?», которым задавался Пушкин, предвкушая волшебный полет своей поэтической фантазии, Васильев переадресовывает современникам, недоуменно взирающим в будущее на «всероссийском пепелище» в лихие 1990-е:

Куда ж нам плыть? – куда плывут иные.

Кого ж нам бить? – кругом одни слепые.

⁶ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии / Пер. с греч. СПб., 1997.

Что говорить? – что мы живем впервые.

Что нам делить? – единую Россию (с. 131).

Нельзя не согласиться с исследователем, что поэт испытывал примерно такие же чувства по отношению к терпящей катастрофу матери-родине, как и почитаемый им Владислав Ходасевич, знаменитый образ которого «путем зерна», восходящий к Библии, он неоднократно обыгрывает в своих стихах и эссе, свято веря в то, что если Россия и умерла, то «так, как умирает зерно – умерла, чтобы ожить – но когда она оживет, это будет уже другая Россия, искупившая Грех, познавшая Страшный Суд на земле, а может быть и на Небесах»⁷ (с. 134).

Несмотря на сугубо замкнутый, близкий к аутизму образ жизни, Константин Васильев был необыкновенно общителен в своем творчестве: особенно, разумеется, после Пушкина и Лермонтова, ему были близки поэты Серебряного века; он обожал Франсуа Вийона, величал «братцем» Поля Верлена, переводил Катулла, Оскара Уайльда, Сен-Жон Перса, Шарля Бодлера и – наиболее охотно – болгарских поэтов, образно называя перевод «переливанием крови».

Думается, напрасно Ефимова усматривает родственные творческие переклички борисоглебского отшельника с такими неожиданными персонами, как Вениамин Блаженный, Константин Кедров и Иван Жданов. Если пропустить творчество всей четверки через сепаратор литературоведческого анализа, на выходе останутся разве только пресловутые «вечные темы» и «образные универсалии», которые свойственны любому крупному поэту.

Напротив, с напряженным интересом читаются главки, освещающие литературоведческие эссе поэта, в том числе его так и не завершенную книгу «Россия. Блок. “Двенадцать”», в которой он проявил себя проницательным и оригинальным исследователем. Чего стоит, к примеру, сопоставление гениальной поэмы Блока со «Словом о полку Игореве» (по линии сочетания лирики с эпосом) и поэмой Некрасова «Коробейники» (параллелизм образов Катьки и Катерины, символизирующих всю Русь); или трактовка «пути Блока» как «преодоления демонизма». Парадоксальная проекция его лирического автопортрета на образ «буржуя на перекрестке» позволила увидеть, как автор «Двенадцати» в параллель Фаусту с Мефистофелем «символически расстаётся на перекрестке-пере-

---

⁷ *Васильев К.В.* Подготовительный материал для первой книги «Книга эссе» // ГАЯО. Ф. Р. 1331. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 48.

путье со своим псом-демоном (с. 238–242). Кроме того, дотошному исследователю удалось отыскать еще и лирический дискурс метапоэтических штудий «дела всей жизни» К. Васильева в одном из стихотворений уже упомянутого сборника «Зимняя ночь» (2001):

Не стоило стараться,
ведь все равно – конец...
Россия, Блок, двенадцать
пылающих сердец.

Свинец прохожих косит,
и падают в снега.
И выюга превозносит
всемирного врага.

<...>

Уйдет патруль чертовский,
растает красный снег.
А Блок на перекрестке
останется навек... (с. 244).

Завершают монографию главки, раскрывающие сугубо неповторимые грани творчества Константина Васильева – органическую связь сохранившихся в архиве орнитологических рисунков с его поэтическими образами и сокровенные беседы с самим собой в записных книжках⁸.

Для заключительного аккорда своей книги Светлана Ефимова приберегла более чем уместную заметку, датированную 1985 г.: «“Не интересуют меня люди с благополучными биографиями”. – “А – судьба? – судьба не может быть благополучной. Потому и судьба”» (с. 304).

Любые испытания, любые невзгоды переживет поэт и дождется-таки признания, если он доверяет судьбе и обладает стойким характером, твердым, как тот камень, который омывает река Гераклита...

О. И. Федотов

Сведения об авторе: Федотов Олег Иванович, докт. филол. наук, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования. E-mail: o_fedotov@list.ru.

---

⁸ Не забудем, что первая монография С. Н. Ефимовой – «Записная книжка писателя: стенограмма Жизни» (2012) – посвящена именно этой проблеме.

Гавриков В.А. Циклизация и контекстность в поэзии Владимира Высоцкого: Монография. Брянск: Брянский центр научно-технической информации, 2016. 108 с.

Книга В.А.Гаврикова посвящена одному из самых малоизученных вопросов авторской песни (к которой традиционно относят В.С.Высоцкого) – циклизации. В «бардоведении» в целом и в высококоведении в частности специальных статей (и тем более монографий), посвященных этой тематике, нет. То немногое, что на сегодняшний день было сделано, не является концептуальными исследованиями: ученые лишь попутно касаются циклизации и контекстности у Высоцкого, работая с другими темами. Поэтому монография В.А.Гаврикова представляется новаторской, тем более что автор не ограничивается рамками науки об авторской песне. Он работает в смежных областях, в первую очередь – с оглядкой на рок-поэзию, в связи с которой в отношении циклизации сделано гораздо больше, чем в исследованиях, посвященных авторской песне. Правда, все многочисленные работы, касающиеся анализа рок-альбома в качестве лирического цикла, базируются на одной концепции – Ю.В.Доманского¹. Он некогда переложил известную методологию И.В.Фоменко² на песенный материал. Кроме того, автор монографии обращается к концептуальным работкам О.А.Чехуновой³, которая рассматривала циклизацию в контексте разных теоретических школ. Правда, в последнем источнике речь идет только о печатной поэзии, а не о песенном творчестве. Черпает В.А.Гавриков информацию и из ряда других методологических источников.

Соответственно, теоретическая новизна рецензируемой монографии заключается в том, что ее автор соединяет и критически осмысляет опыт

---

¹ *Доманский Ю.В.* Циклизация в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. Тверь, 2000. С. 99–122.

² *Фоменко И.В.* О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984.

³ *Чехунова О.А.* Циклическая структура поэтических сборников Георгия Иванова 1930-х годов как отражение экзистенциальной картины мира. Дисс. ... канд. филол. наук. Нерюнгри, 2012.

предшественников, предлагая новый взгляд на циклизацию в песенной лирике. Причем речь идет не только о наследии Высоцкого и авторской песне: ученый разрабатывает универсальную концепцию, применимую к «барду», русскому року, шансону и т. д.

После обстоятельного анализа и обоснований В. А. Гавриков предлагает в качестве универсальных циклообразующих связей в песенной лирике следующие: 1. Авторская или авторизованная композиция; 2. Исторический пространственно-временной континуум; 3. Полиметрия; 4. Самостоятельность входящих в цикл произведений (с. 20).

По сравнению с традиционной лирикой из списка циклообразующих связей выпадает заглавие. Автор справедливо указывает, что в песенной поэзии число озаглавленных альбомов гораздо меньше, чем концертов. Последние почти никогда не имеют авторского названия, хотя являются аналогом печатного лирического цикла: произведения объединены автором, в них есть концептуальная композиция и т. д.

Кроме того, оригинальность подхода В. А. Гаврикова заключается в том, что он выделяет не только обязательно присущие циклу связи (их, повторим, четыре), но и «факторы, твердо свидетельствующие о возникновении цикла» (с. 20). И вот здесь уже заглавие фигурирует. Рассуждения В. А. Гаврикова логичны: не во всех циклах песни объединены единым заглавием (его может не быть), но если оно появляется, то перед нами, безусловно, цикл. Двумя другими циклообразующими связями, твердо свидетельствующими о появлении цикла, являются авторская или авторизованная композиция и исторический пространственно-временной континуум. Соответственно, например, полиметрия не является стопроцентным свидетельством появления цикла: полиметричным может быть разрозненный набор текстов, составленных без авторской воли. То же можно сказать и об автономности произведений.

Такое рассмотрение циклообразующих связей с двух позиций видится новаторским не только в контексте песенной поэзии, но и в контексте лирики вообще. Будучи скорректированной к особенностям циклизации в печатной поэзии, концепция В. А. Гаврикова может использоваться и для этого материала. По крайней мере выделение двух оснований для объективации циклообразующих связей видится перспективным в контексте дальнейших как теоретических, так и практических исследований.

Далее В. А. Гавриков фиксирует терминологическую путницу в современном высококоведении, где нет единства в понимании цикла у «таганского барда». Автор монографии предлагает свое понимание и клас-

сификацию циклов у Высоцкого. Выделяются четыре типа таких. Назовем их.

Макроцикл – концептуальное объединение нескольких песенных «альбомов», например семичастные «Записи М. Шемякина» или двойная пластинка «Алиса в стране чудес».

Циклы – концерты, авторские пластинки, некоторые «несобранные циклы»: «Если определенный набор песен писался для конкретного фильма или спектакля, – рассуждает В. А. Гавриков, – то – “собранный” он или “не собранный”, сделанный сугубо по авторскому замыслу или по чужому подстрочнику – такое сообщество произведений имеет все основания, чтобы называться циклом» (с. 32).

Микроциклами исследователь предлагает называть диптихи и триптихи. Причем они могут быть не только жестко связанными на уровне идеопэтики («Два письма», дилогия «Очи черные»), но и ситуативными, возникающими в контексте концерта – за счет имманентных песенности циклообразующих связей типа авторского прозаического комментария.

И четвертая разновидность, стоящая на стыке цикла и целостного произведения, – это попури: «Высоцкий нередко соединял несколько композиций в единое, поющее без пауз целое. Это своеобразное единство складывалось из тематически сходных песен, причем такая “нарезка” могла состоять из полнотекстовых манифестаций не крупных песен и из фрагментов произведений с достаточной протяженностью» (с. 34), – отмечает В. А. Гавриков.

Затем исследователь переходит к контекстности у Высоцкого, отмечая, что домашний и публичный концерты – две основные формы бытования песенной лирики Высоцкого. Хотя есть и другие контексты – вплоть до сюжета фильма, для которого писался цикл песен. То, как песни Высоцкого взаимодействуют друг с другом и с прозаическими вставками (паратекстами), рассматривается на материале фонограмм двух выступлений в Ростове-на-Дону 8 и 9 октября 1975 г. Здесь В. А. Гавриков вступает в высоковедческую «terra incognita»: впервые концерт Высоцкого со всеми его комментариями к песням, прозаическими «преамбулами» и собственно песенным материалом рассмотрен как единое целое.

В этом целом борются две тенденции: изначальный замысел и импровизация, которая является в том числе и откликом на поведение зрителей. В. А. Гавриков выделяет тематический «остов», единый композиционный план, который проявляется в двух выступлениях. Это довольно

жесткая конструкция, которая реализуется и в большом прозаическом вступлении, и в песенной части.

Что касается первого, то Высоцкий «неизменно начинает с жанровой преамбулы, затем рассказывает о Театре на Таганке, лишь потом переходит к кино, а в завершение касается авторской песни и своей творческой “кухни”» (с. 51). При этом могут приводиться разные случаи, небольшие «вставные» реплики и размышления, однако тематически блоки неизменны и их порядок не нарушается.

Примерно то же происходит и в песенной части: несмотря на то что в двух концертах не совпадает примерно половина песен, тематическая структура остается единой. Причем, как показывает В.А.Гавриков, Высоцкий мыслит микроциклами. Почти всегда он поет блоками по две-три тематически схожих песни. Более того, порядок этих тематических блоков не меняется: после двух серьезных военных песен идут три-четыре спортивных шуточных, потом – одна трудная для восприятия серьезная песня, потом две шуточных и т. д. Выстраивается некий ритм выступления: крупные блоки из шуточных песен неизменно перемежаются с небольшими группами, состоящими из серьезных композиций. Причем такое деление Высоцкий оговаривает и в межпесенных паратекстах.

Компонентный состав блоков относительно подвижен, а вот тематика – в разрезе обоих концертов – неизменна. Интересно, что внутри блока может происходить сегментация, когда на втором концерте блок из четырех спортивных песен отчетливо делится пополам: шахматный диптих + две шуточных спортивных песни. Получается сложная структура контекстов, похожая на матрешку: контекст концерта – контекст песенной части концерта – контекст блока песен (одно-четыре произведения) – контекст микроцикла (как правило, два произведения, входящих в «блок» в качестве одного из структурных элементов) – контекст песни.

Новаторской для высококоведения видится и глава «Подвижность компонентного состава микроциклов». Автор выдвигает гипотезу о генетической общности образа коней, мотива пути на лошадях в микроцикле «Очи черные» и текстах «Кони привередливые», «Райские яблоки», «Я из дела ушел». В.А.Гавриков показывает, как на концертах и на студийных записях Высоцкий соединяет эти тексты в микроциклы, причем последние могут иметь несколько вариантов. Важно то, что «конские песни» Высоцкого связаны и тематически (о чем подробно говорит исследователь), и контекстуально (в ходе живого исполнения), поэтому могут

рассматриваться как звенья единого сверхтекста, который видоизменяется в зависимости от условий, т. е. является подвижным.

Выводы о свойствах контекстности у Высоцкого В. А. Гавриков сопрягает с проблемой нелинейного текста в литературе. Множественность текстуальных манифестаций (исполнений) одного и того же произведения, возможность его включения в различные контексты, в том числе микроциклы, ведут и к ряду сложностей в области текстологии. Причем В. А. Гавриков рассуждает не только о текстологии печатных вариантов песен, но и о «текстологии» звучащего текста. В частности, ставит вопрос о «канонических вариантах»: «Помимо печатной текстологии следовало бы заняться и фонографической текстологией – чтобы иметь общепризнанный вариант исполнения, где Высоцкий в наибольшей степени аутентичен своему замыслу, где аккумулированы все основные субтекстуальные особенности, “обнажены” главные смыслопорождающие механизмы» (с. 94).

Последние разделы монографии посвящены вариантообразованию и инвариантообразованию (термин В. А. Гаврикова). Здесь речь идет о том, что циклический контекст выступает не только «объединительным» началом, но и началом трансформирующим. Причем иногда – радикально меняющим смысл произведения. Именно поэтому В. А. Гаврикову и потребовался термин «инвариантообразование», который объясняется следующим образом: «Автор настолько отступает от прежнего смысла мега-текста (пучка манифестаций), что создается “текст-омоним”, который по ключевым позициям (субъектной, событийной, тропеической и т. д.) разрывает со своим претекстом / претекстами» (с. 77). Проще говоря, автор на примерах показывает, что песня, иногда даже при неизменности вербального текста – только за счет окружения, – может радикально менять свой смысл. Действительно, это иногда похоже на омонимию. В некоторых случаях инвариантообразование происходит вследствие изменения исполнительских параметров (например, резкой смены интонационного строя), переработки текста и т. д. Правда, у Высоцкого подобных примеров не так много, однако те, что найдены ученым, свидетельствуют, что песенная поэзия – территория подвижных смыслов. Будучи однажды созданной, песня не просто «косметически» шлифуется, а может распадаться на два инвариантных «пучка» исполнений.

Как анонсирует автор в предисловии, настоящая монография является первой частью теоретического диптиха, посвященного исполнительской ипостаси Высоцкого. Во второй книге будет рассмотрен ряд вопросов,

связанных со звуковой сущностью песенной лирики поэта; это неустойчивость «пунктуации» в звучащем тексте, омофония, исполнительские приемы, актуализирующие ролевого героя, строфика, ритмо- и рифмообразование в песенном тексте.

Л. Г. Кихней

Сведения об авторе: Кихней Любовь Геннадьевна – докт. филол. наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова. E-mail: lgkihney@yandex.ru.

О прозе. О поэзии. О Славе: Сборник научных статей / Отв. ред. В.И. Охотникова. Псков: Псковский государственный университет, 2015. 178 с.

На обложке и титульном листе заглавие книги набрано прописными буквами. Так подчеркивается игра слов: слава – это и земная слава, память людская, и имя Вячеслава Александровича Сапогова (1939–1996), которому посвящен сборник. В. А. Сапогов – «интересный ученый-филолог, талантливый педагог», как указывается в аннотации (с. 2), с 1987 г. заведовавший кафедрой литературы тогда Псковского пединститута, исследователь творчества А. Блока, Н. Некрасова, К. Павловой, В. Брюсова, М. Цветаевой, И. Северянина, Л. Добычина. Сборник составлен по материалам чтений памяти ученого, прошедших 21–22 февраля 2014 г. на кафедре литературы ПсковГУ.

Книга имеет трехчастную структуру. Первые два раздела («О прозе» и «О поэзии») включают статьи коллег и учеников В. А. Сапогова, третий же («О Славе») носит мемуарный характер. Из стилистически различных заметок-воспоминаний вырастает портрет человека неординарного, широко образованного, умного, внимательного преподавателя и друга. *Т. Н. Кабинетская*, вдова ученого, пишет о его библиотеке: «Самой большой страстью в его жизни были книги. <...> Переезжая с семьей из города в город, он возил с собой эти тысячи книг и пианино, так что соседи по площадке, помогавшие переезжать или просто наблюдавшие за новосельем, некоторое время ждали, что по соседству откроется библиотека» (с. 158). Из города в город – значимый факт в биографии В. А. Сапогова. Ему довелось немало переезжать: Тула, Кострома, Череповец, Псков...

Мемуаристы подчеркивают эрудицию, увлеченность, внутреннюю свободу исследователя. «Парадоксальный ум», «блестящий импровизатор» (*В. Я. Курбатов*, с. 157, 156), «ироничен, иногда до колкости» (*Г. А. Голубева*, с. 159), «обладал редчайшим качеством: был абсолютно свободным человеком и никогда – человеком толпы, даже в те годы» (*В. Г. Ковшиков*, с. 160), «органически не принимал никакой конъюнктуры» (*В. А. Кошелев*, с. 155), «поражали его энциклопедические знания и феноменальная память» (*Г. Д. Неганова*, с. 160), «ироничность, непред-

сказуемость, свобода, постоянная работа мысли – эти черты прежде всего составляют образ Вячеслава Александровича» (*Н.А.Лобкова*, с. 160). В сборнике напечатаны также воспоминания *Н.Н.Березовской*, *Т.Г.Раковой*, *А.Донецкого*, *И.В.Матейоните*, *С.Л.Константиновой*, отца *Владимира (Попова)*, *С.И.Кормилова*, *Е.В.Душечкиной*.

В.А.Сапогов «и по году рождения, и по взглядам на жизнь, принадлежал к эпохе “поздних шестидесятников”. Родившиеся в конце 30-х – начале 40-х гг., его современники, как и он сам, стали зрелыми людьми в 70-е годы. “Оттепель” уже прошла, и они не были такими романтическими оптимистами, как ранние шестидесятники. Это было другое поколение людей, более ироничных и неуживчивых, как сказали бы сейчас. Их совсем не привлекало братство, идеалы и надежды арбатского двора Б.Окуджавы... <...> Они уже понимали, что романтика “оттепели” позади, что времена наступают совсем другие. Жизнь, к сожалению, подтвердила эти опасения. Когда у В.А. начались проблемы в институте и его вынуждали уехать из города, который он успел полюбить и где, казалось, у него было много-много друзей, очень мало нашлось людей, которые вступились и поддержали его в такое трудное время. Братство и дружество оказались совершенно призрачными», – пишет Т.Н.Кабинетская (с. 169).

Проблематика работ, представленных в сборнике, как и интересы В.А.Сапогова, достаточно обширна. Книга открывается вступительной статьей *Л.Е.Ляпиной* «В.А.Сапогов и проблемы изучения литературной циклизации», в которой осмыслиется проделанная им работа по изучению явления циклообразования (ему принадлежит серия научных статей 1960–1980-х гг., посвященная «Снежной маске» Блока и другим его циклам, а также диссертация о поэтике блоковской циклизации, успешно защищенная им в Москве в 1967 г.), делается обзор достижений современного цикловедения.

Первая же работа раздела «О прозе» – статья *В.И.Охотниковой* «“Древо мысленное” в Службе Евфросину Псковскому» – вводит в научный оборот интересное наблюдение: выражение «древо мысленное», встречающееся в древнерусской литературе, как считалось ранее, только в тексте «Слова о полку Игореве», читается также в Службе Евфросину Псковскому по списку РГБ, собр. Егорова, № 938. Статья не стремится доказать факт влияния «Слова о полку Игореве» на Службу Евфросину, как осторожно пишет исследователь, однако приводит к выводу, что «для книжников XVI в. <...> псковско-новгородского ареала “древо мысленное” – достаточно привычное выражение» (с. 22).

В статье *С. А. Фомичева* «Сапожная тема в русской литературе» прослеживается история сапога как культурной реалии от былин до рассказов М. Зощенко.

Перу *В. А. Кошелева* принадлежит статья «“Забавная словесность!”», в которой замечание Пушкина из его «прозаического» дебюта – «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» – становится поводом для разговора о роли литературы в России. Статья *А. В. Кошелева* «Параша Сибирячка и новгородский учитель» посвящена истории одной из героинь «краткого путеводителя» И. В. Куприянова «Прогулки по Новгороду и его окрестностям» – Прасковьи Луполовой, прославившейся тем, что последовала за отцом в ссылку.

М. В. Отрадин в статье «“Хватит ли души...?”» Внутренний сюжет книги И. А. Гончарова “Фрегат Паллада”» убедительно доказывает, что «Внешний сюжет “Фрегата...” обрывается достаточно условно: путешественник прибыл в Иркутск. <...> А вот завершение внутреннего сюжета явно мотивировано. <...> Сибирь в книге Гончарова осмыслена как жизнь, не зараженная скукой. Долгий путь творческого поиска, обретения себя привел к открытию “другой” России, новой цивилизации – русской» (с. 53).

Е. Н. Строганова и *М. В. Симора* в статье «Стихотворные отклики на смерть Ф. М. Достоевского» рассматривают поэтические отклики на кончину великого писателя. Здесь же дается подборка произведений – и тех, которые принадлежат достаточно известным поэтам, таким, как С. Я. Надсон, и тех, которые остались анонимными.

Завершает раздел «О прозе» работа *А. Ф. Белоусова* «Перечитывая статью В. А. Сапогова “Имя в поэтике Л. Добычина”», своего рода подробный комментарий и в то же время вполне оригинальное исследование, в котором обезличенность номинации добычинских героев осмысливается как признак надвигающейся культурной катастрофы.

Стиховедческую часть книги открывает статья *С. И. Кормилова* «Становление лермонтовской рифмы в поэмах 1828 года». На примерах ранних произведений поэта прослеживаются и его поэтическое взросление, и некоторые общие тенденции эволюции русского стихотворства.

А. Н. Романова («Незавершенность как устойчивый элемент пушкинской поэтики (к анализу лирики 1830-х годов)») обращается к статье Е. В. Абрамовских «Дефиниция понятия незаконченного и незавершенного произведения», утверждая правомерность использования В. А. Сапоговым такого термина, как «незамкнутость». «Ценность этого термина

именно в том, – пишет исследовательница, – что он характеризует явление, свойственное русской классической литературе и по существу своему далекое от современного модернистского представления об “открытом” тексте» (с. 105).

Н.Л.Вершинина в статье «А.Н.Яхонтов и Н.А.Некрасов: принцип палимпсеста в поэзии Яхонтова (к вопросу об истории создания и публикации стихотворения “Мысль”»)» говорит о «специфической авторской позиции “второстепенного поэта”»: она, по-видимому, не может избежать отчасти плодотворного, отчасти внехудожественного эклектизма, который выражается унификацией и стереотипизацией привлекаемых автором образчиков» (с. 106–107).

Ю.Б.Орлицкий («Традиционная и авторская строфика в творчестве Игоря-Северянина») и *А.Г.Разумовская* («Портрет А.Ахматовой на фоне парка в поэзии русской эмиграции») обращаются к любимым В.А.Сапоговым поэтам Серебряного века, их творчеству и мифу, творимому ими.

О проблеме цикла идет речь в статье *И.В.Мотеюнайте* «Элементы циклизации в стихах В.Н.Некрасова о городах». Как указывает исследователь, «публикация книги «Самара (слайд-программа) и другие стихи о городах» (Самара: Цирк-Олимп+TV, 2013) подтвердила значение некрасовского «городского» цикла для издательской практики» (с. 135). Стихи о Самаре становятся предметом детального анализа, в ходе которого определяется важная роль топонима в организации пространства лирического стихотворения. «Естественная структурированность городского пространства находит завершающее оформление в имени; одновременное со зрительным восприятием вслушивание в это имя словно подтверждает присутствие человека в мире», – заключает *И.В.Мотеюнайте* (с. 140).

Н.А.Лобкова в статье «“...шорох судьбы иголки, этой чудесной швей” (о заметках В.Сапогова на полях книги В.Хлебникова)» реконструирует ход мысли исследователя, прошедшего с карандашом по книге, принадлежавшей соседке по костромскому общежитию.

Завершает научную часть сборника (и предваряет мемуарную) *М.В.Строганов* («“Земля моя раздольная”»), вспоминая песню из кинофильма «Свадьба с приданым», которую любил напевать В.А. «Он делал это так, что сразу становилось понятно: какая уж тут “земля моя раздольная”, какие уж тут “широкие поля”, а самое главное – какая уж тут “богатая и вольная красавица земля”! Это был чистый стеб, а в его исполнении – мастерский стеб. Сапогов был и останется хорош тем, что очень не

любил “богатую и вольную красавицу землю”. Вот без этих эпитетов он ее любил» (с. 150).

Вероятно, это одна из лучших характеристик человека и ученого, данная в сборнике.

Н. Ю. Зимина

Сведения об авторе: Зимина Наталья Юрьевна, аспирант кафедры литературы факультета русской филологии и иностранных языков Псковского государственного университета. E-mail: ritta_narod@mail.ru.

Путиами сербского языка, литературы и культуры. Т. 1. Белград, 2015 (Библиотека «Язык и литература»).

В 2015 г. Сербия была почетным гостем Московской международной книжной ярмарки, в рамках которой прошла презентация фундаментального труда: наши сербские коллеги представили 10 томов переведенных на русский язык работ, посвященных языку, литературе, истории, культуре братской Сербии. Одна из книг десятитомника так и называется – «Путиами сербского языка, литературы и культуры». Первый том книги, изданной филологическим факультетом Белградского университета, объединил 9 авторов из круга Международного славистического центра (МСЦ). Они подготовили работы, в которых анализируются вопросы морфологии и словообразования, орфографии и акцентологии, лексики и фразеологии, истории языка и языка некоторых сербских писателей. Каждая статья содержит материал, полезный для тех, кто преподает сербский язык, и тех, кто его самостоятельно изучает в качестве иностранного.

Книга начинается с двух работ *Горданы Йованович*, занимающейся начальным периодом сербской письменности. Одна из интересующих ее тем – Мирославово Евангелие, памятник сербской культуры эпохи раннего Средневековья (вероятная дата создания – конец XII в.), который не имеет параллелей в славянской традиции. Опираясь на собственные изыскания, а также на труды других исследователей (Л. Стоянович, С. Кульбакин), Г. Йованович сжато, но информативно излагает историю создания памятника, говорит о его оформлении, отмечает наиболее значимые языковые черты. Приводимые факты показывают, что Мирославово Евангелие «иллюстрирует архаичную, еще не стабилизированную <...> переходную фазу от старого правописания к новому, указывает на ступени развития, которые отличают сербскую редакцию от других славянских редакций старославянского языка» (с. 24). Вторая статья Г. Йованович посвящена составителям славянской азбуки Кириллу и Мефодию. Автор еще раз напоминает факты из их жизни и отмечает, что братья много сделали для христианизации западных славян, в то время как южные и восточные славяне, судя по житиям, были для них вторичны, одна-

ко именно последние «сохранили до наших дней это древнее бесценное наследие» (с. 42).

В ряде работ затрагиваются вопросы сербского словообразования. *Живоин Станойич* в статье «К вопросу о словообразовании глаголов в сербском языке» исследует частный вопрос – семантику и словообразовательные средства выражения глагольного вида, а *Божо Чорич* предлагает общий обзор словообразования в сербском языке, который начинается с краткого исторического экскурса с упоминанием всех наиболее значимых работ по сербской дериватологии с XIX в. до наших дней. Далее Б. Чорич дает небольшое по объему и насыщенное по содержанию описание способов словообразования, имеющих в современном языке. Интересно, что в этом описании префиксация (*међуспрат, саиграч, проћелав прескуп, натоварити, поваздан* и др.) рассматривается как часть аффиксации (в сербской терминологии – деривация), тогда как традиционно образование новых слов с помощью префиксов считалось сложением (именно такой подход представлен в статье Ж. Станойича). Наряду с изменением подхода к префиксальным образованиям к новым явлениям в сербской науке о словообразовании можно отнести выделение суффиксоидов и префиксоидов (*псеудокласичан, посткомунизам*). Б. Чорич вскользь упоминает и универбацию, но более подробные сведения о ней мы находим в статье *Райны Драгичевич* о неологии и неологизмах. Она приводит ряд универбатов-существительных, которые являются одночленными синонимами синтагматических номинаций: *личњак* (лична карта), *генералка* (генерална проба), *термалка* (термална електрана), *даљинац* (даљински управљач) и т. д. Возникновение подобных слов связано с языковой экономией в словообразовании, когда говорящий стремится упростить соединения, состоящие из двух или более лексем, назвать означаемое одним словом. Универбаты существовали и прежде, но в новое время процесс их образования активизировался. О подобном явлении в русском языке писали российские лингвисты (см., например, сборник «Русская разговорная речь», изданный в 1973 г.), отмечая, что если раньше подобные единицы находились на периферии литературного языка (разговорный язык) или за его пределами (просторечие, жаргоны), то теперь их можно встретить и в языке СМИ, и в устной публичной речи. Это пример функционального динамизма, характерного для новейшего времени процесса, при котором периферийная ранее лексика проникает в те области коммуникации, которые ранее были открыты только литературному языку.

Необходимо упомянуть еще одну статью Р. Драгичевич – «К вопросу об основном лексическом фонде сербского языка». С одной стороны, автор дает изучающим сербский язык практические указания, какую лексику можно отнести к основному словарному фонду. Это «простые слова славянского происхождения, обладающие богатой полисемией и деривацией <...>, которые относятся к человеку, частям тела, растениям и животным, с которыми наиболее часто сталкиваются представители сербской культуры» (с. 355). С другой стороны, статья содержит материал для лекций и спецкурсов, посвященных теоретическим проблемам лексикологии (попытки определить базовую лексику всех языков, предпринятые Анной Вежбицкой и ее школой изучения семантического метаязыка и примитива; богатство значений базовой лексики; частотные ассоциативные связи базовой лексики). Статья завершается списком словарей сербского языка, в том числе – что особенно полезно – вышедших в последнее время.

Некоторые авторы (*Весна Ломпар, Велько Брборич*) включили в свои статьи практические задания для учащихся, используя которые можно понять, насколько усвоен изложенный материал. Одна из четырех публикаций В. Ломпар посвящена частицам *ионако, иначе*. Общеизвестно, что частицы – одна из самых сложных для описания и изучения частей речи. У них есть свойство передавать общепонятную для всех носителей языка, но скрытую для иностранцев объективную семантику, причем она размыта и реализуется только в контексте. Принимая это во внимание, ряд ученых считает, что наиболее оптимально исследование каждой отдельной частицы с учетом ее связей с функционально подобными словами. Именно так и поступает В. Ломпар, рассматривая особенности употребления близких по значению частиц *ионако, иначе* и приводя типичные случаи их использования.

Работы В. Брборича посвящены вопросам графики и орфографии. Кроме всего прочего, они полезны большими списками примеров, которые содержат много имен собственных, связанных с сербской историей и культурой: Прота Матеја Ненадовић, Хајдук Велько, Кир Јања, Фрушка Гора, Београдски пашалук, Капетан Мишино здање и т. д. В статье «Графика и современная орфография “сербскохорватского” языка в начале XXI века» В. Брборич рассматривает, в чем сходны и чем различаются графики четырех языков: сербского, хорватского, черногорского и боснийского. Говоря о последнем, автор в сноске замечает, что «...язык с таким названием – новейшее приобретение» (с. 332). Уместно заметить,

что свой комментарий по поводу этого названия дал В.П.Гудков¹. Он напомнил, что население современной Боснии и Герцеговины составляют три основных этноса (энтитета): мусульмане, сербы и хорваты; при этом сербы называют свой язык сербским, а хорваты – хорватским. Значит, свой язык имеют только боснийцы-мусульмане, т. е. босняки (серб. Бошняци). Необходимость соблюдать регулярную словообразовательную соотносительность требует следующего названия для нового идиома: Бошняци – *бошнячки језик*, босняки – *боснячкиј језик*.

Статья Александра Милановича «Значение вуковской Письменицы (1814)» посвящена первой напечатанной грамматике сербского народного языка и содержит материал, который можно использовать при подготовке таких учебных курсов, как история сербского языка, графика и орфография, лексика сербского языка. В начале работы автор замечает, что, хотя дальнейшую реформаторскую деятельность Вука Караджича, в частности его словарь 1818 г., «...практически невозможно понять без внимательного анализа грамматики, которая ему предшествовала» (с. 47), в настоящее время о «Письменице» говорится мимоходом. Это замечание справедливо как для сербской, так и для российской сербкродатики. Например, известные российские слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов, много писавшие о Вуке и подробно проанализировавшие его перевод «Нового Завета», лишь вскользь упомянули о существовании Грамматики (Письменицы). И среди работ В.П. Гудкова, исследовавшего разные аспекты творчества Караджича, к сожалению, нет посвященных Грамматике. А. Миланович возвращается к теме «Письменицы», чтобы напомнить, что в ней Вук Караджич разработал «постоянные критерии не только описания языка, но и его будущей кодификации», увидел, «в каком направлении должен развиваться сербский литературный язык» (с. 60).

Много полезных сведений найдут в «Путях...» те, кто интересуется развитием лексики сербского языка. Диапазон ее рассмотрения весьма широк: от церковнославянизмов (статья А. Милановича) до неологизмов новейшего времени (статья Р. Драгичевич). А. Миланович описывает событийную цепочку: появление церковнославянского (цсл.) языка в Сербии – очищение языка от цсл. лексики – сохранение и функционирование цсл. слов в современном языке. Автор рассматривает причины, по которым сербский язык сохранил немного цсл. черт в своем деривационном

---

¹ Гудков В.П. Исследование частных вопросов истории славянских языков. М., 2007. С. 110–112.

и лексическом фонде. Помимо вуковской реформы, к ним относятся: модернизация и интеллектуализация нормативного языка начала XX в. и идеологическая позиция власти во времена социалистической Югославии. В заключительной части статьи А. Миланович приводит примеры функционирования славянизмов и псевдославянизмов (*мудровање, путешествије, попечитель, прикљученије, сочињеније* и др.) в современной прозе, поэзии, во всех журналистских жанрах.

Обилие примеров характерно для статьи Р. Драгичевич «О неологизмах в сербском языке», заканчивающейся интересным анализом дериватов существительного *Балкан*, на примере которого автор рассматривает основные тенденции в возникновении новых слов в сербском языке.

Во вступительном слове к книге говорится, что она задумана и как практичный и функциональный справочник. В полной мере это относится к работам *Елицы Йоканович-Михайловой*, которая рассматривает сложные для иностранцев проблемы орфоэпической нормы, в частности вопросы акцентологии. Все статьи этого автора совмещают теоретический и практический аспекты: по мере изложения материала исследовательница предлагает ответить на вопросы или заполнить соответствующие таблицы. Много внимания Елица Йоканович-Михайлова уделяет вопросу о словах с двумя ударениями. Обычно изучающие сербский язык быстро усваивают, что формы превосходной степени многосложных прилагательных произносятся с двумя ударениями. Труднее освоиться с особенностями произношения многосложных прилагательных или существительных (случаи типа *псеудокласични, елиминациони, контраобавештајац, заобилажење* и др.). На конкретных примерах автор показывает, что не в каждом подобном слове обязательно второе, вспомогательное ударение. Целый ряд форм может произноситься и с одним ударением (*квалификациони, земљопоседнички, правоугаоник* и др.), а иногда правила предписывают обязательность двух ударных слогов (*руско-српске везе, македонско-срчка граница* и др.). Полезны наблюдения о соотношении количества ударений и дефисного или слитного написания слов. Еще в двух статьях, насыщенных примерами и практическими советами, исследуется нисходящее ударение в соотношении нормы и языковой практики.

Завершают книгу четыре работы *Драганы Мршевич-Радович*, посвященные фразеологизмам, одному из самых значимых фрагментов картины мира любого народа. В статье «“Вилинский” концепт красоты» рассматривается фразеологическое сравнение *леп као вила*, представленное

в народных песнях, рассказах и преданиях. Автор выясняет, каким условиям должны соответствовать девушки, реже юноши, чтобы считаться красивыми по «вилинскому» типу. У них должна быть светлая кожа подчеркнута белого цвета (*боје млека*), румяные щеки (*румена као ружица, као румена јабука*), золотой или русый цвет волос, статность и стройность. «В “вилинский” концепт красоты включена и молодость как желаемый возраст» (с. 420). Рассматривая все характеристики, Д. Мршевич-Радович задается вопросом, насколько они релевантны для современного понимания красоты, и показывает, что «вилинский» тип в итоге оказался менее популярным, в современном языке отражены иные параметры красоты, которые относятся к «темному (чернявому) типу» со смуглой кожей, темными волосами, черными глазами, бровями и ресницами. Статья содержит интересные сравнения с фактами русского, болгарского, македонского языков, приводятся также отдельные примеры из французского языка.

Не менее интересны остальные работы Д. Мршевич-Радович: «Сербская фразеология и языковая картина мира» (рассматривается концептуализация луны в рамках бинарной оппозиции «мудрость / глупость», куда входят луна и солнце); «Концепт гостеприимства в сербской фразеологии и паремиологии» (показано, что указанный концепт унаследовал из традиционной сербской культуры и как в нем отражаются современные человеческие ценности); «Когда зеленый – бледный».

В рецензии невозможно детальное рассмотрение всех 30 статей, составивших первый том сборника «Путиами сербского языка, литературы и культуры». Они различны по объему и тематике, но все, как справедливо написали во вступлении к книге Драгана Мршевич-Радович и Бошко Сувайджич, «благодаря своему разнообразному содержанию представляют собой достойный вклад в культурную биографию Сербии» (с. 10). Каждый, кто соприкасается с сербским языком, может ознакомиться с интересными и полезными фактами этой биографии.

Г.П. Тыртова

Сведения об авторе: Тыртова Галина Павловна, канд. филол. наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: tyrtova58@mail.ru.

XX ФУЛБРАЙТОВСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «ЛИЧНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК ЖИВАЯ ИСТОРИЯ» (27–30 ИЮНЯ 2017 Г.)

Способность, возможность, право, в каком-то смысле даже обязанность «рассказать свою историю» – это то, без чего немислима жизнь в современном социуме. Повествования от первого лица распространяемы изустно, посредством печатного слова или визуального образа, кино или радио, сегодня все чаще онлайн. Через самоповествование индивид и общество познают себя, энергией самоповествований питается живая история. На почве исследования личных нарративов сотрудничают все без исключения гуманитарные и социальные дисциплины – история, литературоведение и лингвистика, антропология, социология, психология, культурология. Решая широкий спектр познавательных задач, они используют во многом общий инструментарий, в основе которого – разные версии дискурсивного анализа. В ходе Фулбрайтовской летней школы (в июне 2017 г. она прошла в МГУ уже в двадцатый раз) обсуждалось настоящее и будущее этого обширного исследовательского поля, этика работы в нем, возможности и ограничения разных методов и методик интерпретации материала.

На заседаниях школы выступило несколько лекторов, проблематизировавших работу с личным повествованием историков и антропологов. Исследователь автобиографических текстов *Ю.П. Зарецкий* (НИУ ВШЭ) полемизировал с эссенциалистскими концепциями автобиографического свидетельства (А. Гуревич, Л. Баткин) и показал, что автобиографическое «я» является конструктом и производной циркулирующих в обществе дискурсов. О подходах к личному повествованию этнологов-практиков рассказала *Е.И. Ларина* (МГУ). *Д.Б. Споров* (МГУ) осветил работу с текстами-воспоминаниями, записанными в рамках проекта «Устная история», поставив вопрос о частной памяти как о «новом типе внимания к прошлому».

Обсуждение частного и приватного в свидетельстве о прошлом было продолжено на примере художественных текстов как автобиографиче-

ских нарративов. *М. Рубинс* (University College London) предложила обратиться к «человеческому документу» – форме личного повествования, разработанной в 1920–1930-е гг. писателями «русского Монпарнаса». «Человеческий документ» предлагает особый способ схватывания опыта, избыливая регистрацией физиологических ощущений, обценными словами, запротоколированными «низкими», приватными размышлениями. При этом «человеческий документ» вовсе не служит лишь «сырым основанием» для настоящего литературного произведения; напротив, вмещая этот осадок проживаемой жизни, моделирует ее как постигаемую целостность.

Практическое занятие, предложенное *И. Венявкиным*, было посвящено особому виду личного повествования – записи сна как символической репрезентации автобиографии индивида. Источником этих интереснейших материалов стал электронный корпус дневников XX в., кропотливо собираемый участниками проекта «Прожито», одним из руководителей которого и является *И. Венявкин*.

Психолог *В. В. Нуркова* (МГУ) посвятила свое выступление анализу специфики понятийного аппарата, используемого при исследовании так называемой автобиографической памяти: в ней реализуется специфически человеческая способность «создавать себя в качестве субъекта, протяженного во времени жизненной истории», совершать мысленное «путешествие во времени».

В то время как *Нуркова* рассматривала биографию, конструируемую индивидом на протяжении жизни, *Е. Н. Пенская* (НИУ ВШЭ), *Е. Б. Коркина* (Дом-музей Марины Цветаевой) и *П. М. Полян* (Мандельштамовское общество) обратились к конструированию писательской биографии, познавательных, психологических и этических проблемах, встающих при работе биографа с архивными документами.

Философ *Т. В. Вайзер* (РАНХ и ГС) заострила внимание слушателей на той роли, которую личное повествование играет в рамках политической сферы, под «политикой» понимая искусство совместного общежития, способы создания-разделения групповой и индивидуальной чувственности. Рассказываемая от первого лица история, подчеркнула лектор, помогает вывести опыт человека или группы в сферу публичного, делает аудиторию сопричастной этому опыту, нередко становится инструментом освоения пограничного, травматического опыта и таким образом создает гетерогенное дискурсивное поле, по сути демократическое.

Существование личного свидетельства в публичном пространстве стало предметом обсуждения и на круглом столе «Личное свидетельство

в актуальных медиа». Представители медиа-индустрии – журналисты *Д. Филипов* («Washington Post»), *С. Строкань* («Коммерсант»), *Н. Назарова* (BBC) и профессор СПбГУ *С. С. Бодрунова* – в один голос отметили, что количество личных историй и ориентированных на них медиа (блоги, социальные сети) в наши дни неумолимо растет и при этом за счет исчезновения традиционных промежуточных «фильтров» резко сокращается дистанция между «автором» и адресатом.

Переориентация на субъекта-повествователя и личный нарратив очевидна также в образовательной и музейной сферах – обсуждению этого вопроса был посвящен круглый стол «Личное повествование в педагогической коммуникации». *И. А. Гринько* (МВШСЭН) подчеркнул, что в последнее время кураторы музейных экспозиций все чаще выстраивают музейное пространство вокруг нарратива (а не наоборот), личный нарратив становится системообразующим элементом в их практике. Это продемонстрировал на конкретных примерах *К. Андреев*, руководитель образовательного центра Музея истории ГУЛага, – его доклад был дополнен «выходом в поле»: участники Фулбрайтовской летней школы посетили Музей истории ГУЛага и на месте читали частные «тексты»-свидетельства, сообщающие конкретно-чувственный опыт репрессированного субъекта. В современном образовательном процессе, в частности в преподавании литературы, начинает доминировать сходная установка: личностная, эмоциональная вовлеченность в образовательный процесс (посредством нарратива как инструмента) берет верх над властным и авторитетным навязыванием нормативных представлений, – это отметил в своем выступлении *М. Г. Павловец* (НИУ ВШЭ). Учитель-тьютор общается со своим подопечным как с равным, делегирует ему читательскую и интерпретативную агентность. Изучение литературы, приобретение читательских компетенций и навыков толкования текста становится, таким образом, частью личной биографии ученика и катализатором его становления как самостоятельного субъекта.

Исследовательские подходы к личному повествованию, развиваемые в рамках нарративной социологии, вынесла на обсуждение *Е. Ю. Рождественская* (НИУ ВШЭ), а завершилась летняя школа еще одним круглым столом, в котором приняли участие *Дж. Верч* (Университет Вашингтона в Сент-Луисе) и *О. В. Будницкий* (Международный центр истории и социологии Второй мировой войны). Дискуссия о выстраивании национальной идентичности на основе коллективной памяти, воплощенной в пестром множестве личных нарративов, еще раз показала глубокую и

неоднозначную взаимосвязанность «локального» (автобиографического) и «глобального» (социального) опыта.

Разносторонний опыт XX Фулбрайтовской летней школы позволил по-новому взглянуть на понятийный аппарат, используемый в исследованиях личного повествования гуманитариями и обществоведами, развернуть сеть межинституциональных и междисциплинарных контактов, соединяя разрозненные очаги интереснейшей и остро актуальной дискуссии в общем проблемном поле.

А. В. Швец, Е. Н. Аникудимова

Сведения об авторах: Швец Анна Валерьевна, Аникудимова Евгения Николаевна, аспиранты кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: discours@philol.msu.ru.

ПАМЯТИ...

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА ВАСЕКО

28 сентября 2017 г. на 94-м году жизни скончалась Елена Федоровна Васеко, более пятидесяти лет проработавшая на кафедре русского языка.

Е. Ф. Васеко родилась 4 апреля 1924 г. в городе Унеча Брянской области. В 1941 г. она окончила девятый класс средней школы и, когда началась Великая Отечественная война, эвакуировалась с семьей в город Жердевка Тамбовской области, где пошла в 10-й класс. Однако, не дожидаясь получения школьного аттестата, Е. Ф. Васеко в мае 1942 г. записалась добровольцем в армию и прослужила восемь месяцев связисткой-телефонисткой: сначала в 47-й Отдельной корпусной авиационной эскадрилье, затем в пехоте. Она участвовала в Сталинградской битве и 20 декабря 1942 г. была тяжело ранена, лишилась правой руки. После почти пяти месяцев, проведенных в военных госпиталях, Е. Ф. Васеко в мае 1943 г. демобилизовалась и решила завершить среднее образование. Получив школьный аттестат, она в октябре 1943 г. поступила на филологический факультет Московского университета, который окончила в 1948 г., блестяще защитив дипломную работу под руководством Р. И. Аванесова. В 1948–1951 гг. Е. Ф. Васеко обучалась в аспирантуре при кафедре русского языка филологического факультета, после чего была оставлена на кафедре в должности старшего преподавателя. Она сочетала научную работу с активной преподавательской деятельностью: в первые годы своей педагогической карьеры вела семинарские занятия практически по всем предметам, которые преподавались кафедрой русского языка. Сферой научных интересов Е. Ф. Васеко была история русского языка, отраженная в памятниках древней письменности. На протяжении многих лет Е. Ф. Васеко кропотливо изучала большой корпус скорописных текстов делового содержания и в 1974 г. защитила под руководством Р. И. Аванесова кандидатскую диссертацию «Фонетическая система московского говора первой половины XVI века по памятникам деловой письменности». В 1981 г. Е. Ф. Васеко получила должность доцента, в которой и проработала до ухода на пенсию по состоянию здоровья в 2006 г. Но и прекратив работу на кафедре, Елена Федоровна продолжала интересоваться наукой, следила за достижениями своих коллег и учеников.

Е. Ф. Васеко в разное время на протяжении своей педагогической деятельности читала на русском отделении общие курсы по старославянскому языку и русской палеографии, на вечернем отделении – по исторической грамматике русского языка; вела семинары по старославянскому языку, исторической грамматике русского языка и русской диалектологии. Будучи прекрасным преподавателем, любившим свои предметы, излагавшим сложный материал систематизированно и в интересной форме, Е. Ф. Васеко привлекла немало студентов к занятиям историей русского языка. На протяжении целого ряда лет она руководила спецсеминаром «Древние рукописные источники как объект лингвистического исследования», обучая студентов работе с памятниками письменности и их лингвистической интерпретации. Она была прекрасным научным руководителем, любившим своих студентов и отдававшим им много своего времени. Е. Ф. Васеко регулярно вела занятия по истории русского языка в аспирантуре. Эти занятия были насыщенными, увлекательными и не повторяли студенческий курс исторической грамматики, а выводили аспирантов на новый уровень знаний. Под научным руководством Е. Ф. Васеко защищены три кандидатские диссертации. Она была автором целого ряда статей по истории русского языка и учебного пособия «Историческая грамматика русского языка» (М., 1994; в соавторстве с К. В. Горшковой).

Е. Ф. Васеко – заслуженный преподаватель Московского университета. Она награждена орденом Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией», медалью Г. К. Жукова, а также юбилейными медалями в честь 20-й, 25-й, 30-й, 40-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, в честь 50-, 60- и 70-летия Вооруженных Сил СССР, медалями «В память 850-летия Москвы», «Ветеран труда».

У Е. Ф. Васеко учились в свое время почти все нынешние профессора, доценты и преподаватели кафедры русского языка, которые с большой теплотой вспоминают свое общение с ней и в качестве студентов, и в дальнейшем в качестве коллег. Елена Федоровна была добрым и отзывчивым человеком, общение с которым всегда доставляло удовольствие. Светлая ей память!

Кафедра русского языка